

ОГОНЁК
№ 25 ИЮНЬ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»





Пушкинские дни в Микуличах

Фото Ю. Галича

Колхозники украинского села Микуличи, Киевской области, широко отпраздновали 150-летие со дня рождения А. С. Пушкина. За два дня они раскупили 700 экземпляров книг и 100 портретов великого русского поэта. Юбилею была посвящена колхозная стенная газета.

На верхнем снимке: юбилейную стенгазету читают звеньевые Евдокия Карпенко (справа), Мария Гончаренко и Александра Андриенко.

Еще ранней весной в Микуличах был создан сельский пушкинский комитет. В него вошли учитель Михаил Омельченко, лучшие звеньевые Мария Величко, Александра Хоружа, бригадир Алексей Цоколенко, знатная доярка Мария Атаманчук, колхозник Владимир Гаевой, учительница Нина Бовтрук.

Комитет организовал «пушкинские чтения», собиравшие большую аудиторию. В юбилейные дни в Микуличах открылась пушкинская выставка.

На втором снимке: члены пушкинского комитета Н. Бовтрук, А. Хоружа, М. Величко и М. Омельченко готовят выставку.

Сессия Микуличского сельского совета, собравшаяся в предъюбилейные дни, постановила назвать Пушкинской самую широкую, утопающую в зелени молодых садов, улицу села.

Накануне празднеств много поработала и колхозная агитмашина. На снимке внизу: агитмашина прибыла в поле. С докладом о Пушкине выступает звеньевая Мария Величко.

Юбилейные дни в Микуличах завершились торжественным заседанием. В колхозном клубе собралось все село. Доклады о жизни и творчестве Пушкина прочитали колхозники Алексей Цоколенко и Владимир Гаевой. После докладов был дан большой концерт.

На первой странице обложки: На улице Горького в Москве.
Фото Дм. Бальтерманца

На последней странице обложки: Друзья.
Цветное фото С. Фридлянда

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 25 (1150)

19 ИЮНЯ 1949

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

27-й год издания

ПАМЯТНИК НЕУВЯДАЕМОЙ СЛАВЫ

В четвертую годовщину разгрома фашистской Германии в старинном берлинском Трептов-парке был открыт величественный памятник советским героям-воинам, павшим при штурме Берлина.

Авторы этого замечательного историко-мемориального сооружения — скульптор лауреат Сталинской премии Е. Вучетич, архитектор Я. Белопольский, художник А. Горпенко, инженер С. Валерис — воплотили в граните и бронзе глубоко национальную, патриотическую и в то же время интернациональную идею подвига советского народа во имя спасения Родины, во имя освобождения человечества.

Над всей территорией памятника-пантеона возвышается на кургане огромная фигура советского солдата. Опираясь на меч, он держит на руках спасенного ребенка. У ног воина — рассеченная фашистская свастика. Вся скульптура с большой силой передает образ Советской Армии-освободительницы.

Широкая лестница ведет внутрь постамента, на котором стоит центральная фигура. Там мавзолей, стены которого покрыты художественной мозаикой: освобожденные народы несут венки и склоняют знамена перед памятью советских героев. Посредине мавзолея установлен золотой ларец, где хранится пергаментная книга с именами павших бойцов.

Высеченная из белого гранита трехметровая статуя женщины символизирует великую скорбь Родины о своих героически погибших сынах. Склонив голову, сидит русская женщина на камне, глубокую печаль незабываемых утрат выражает ее фигура. Но горе не сломило ее своей тяжестью: черты лица дышат жизнеутверждающей силой, гордостью за великие подвиги и великие победы...

Под сенью знамен из красного гранита — бронзовые фигуры коленопреклоненных солдат, молчаливых стражей строгого покоя братского кладбища. Место упокоения героев обрамляют каменные саркофаги с барельефами. Как раскрытые страницы летописи великой эпохи, стоят эти камни, и на каждом из них золотыми буквами слова из книги И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза».

Среди густозеленых платанов и тополей, окаймляющих памятник-кладбище, несколько нежных, стройных березок как бы хранят в своей листве дыхание Родины героев, напоминают о русской земле, которая вынесла опустошительную бурю нашествия.

В сознании советских воинов и трудящихся Берлина, которые приходят сюда, к этому памятнику вечной славы Советского Союза, встают во всей их проникновенной силе исторические слова товарища Сталина: «Ныне все признают, что советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков. В этом великая заслуга советского народа перед историей человечества».



Бронзовая статуя советского воина-освободителя на памятнике-кладбище в берлинском Трептов-парке.

Страницы первая и последняя

(К 8-летию со дня начала Великой Отечественной войны)

Б. ПОЛЕВОЙ

Надолго, навсегда в памяти советских людей останется то прозрачное июньское утро, когда советский народ, вдоволь потрудившийся в субботний день и заснувший крепким, предпраздничным сном, проснулся от свиста и грохота бомб, обрушившихся на наши мирные города, от рева и грома фашистских орудий, внезапно открывших огонь по нашей земле, от лязга и грохота тысяч и тысяч немецких танков, ринувшихся в атаку на наши пограничные заставы.

Когда были отысканы, уже после победы, секретнейшие архивы гитлеровской Германии и из тайников фашизма был извлечен подлинник «плана Барбароссы», мир узнал, о чем мечтал Гитлер, бросая на нашу страну 170 своих лучших, отборнейших дивизий. Опьяненный легкими победами в Европе, где под ударами его разбойничьих армий за недели рушились государства, Гитлер двинул на нас все боеспособные силы своей гигантской армии и армий своих сателлитов, все свои самолеты, все свои танки, рассчитывая завоевать нашу страну с помощью пресловутого «блицкрига». Нападая на советскую землю, как разбойник, неожиданно, из-за угла, он знал, что нашей армии придется сражаться с фашизмом один на один, и не заботился даже о том, чтобы, хоть для приличия, прикрыть свои западные фронты сколько-нибудь боеспособной военной силой.

В инструкции к «плану Барбароссы» так и записано было: «...германские вооруженные силы должны быть готовы победить Советскую Россию в результате быстрой кампании, даже до окончания войны против Англии. Армия должна использовать для этой цели все находящиеся в ее распоряжении силы». И дальше: «Массы русской армии, собранные в Западной России, должны быть уничтожены смелыми операциями: танковые клинья должны быть выброшены глубоко вперед, отступление боеспособных войск на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено».

В ночь, когда гитлеровская армия, «используя все находящиеся в ее распоряжении силы», напала на Советский Союз, открылась первая страница истории Великой Отечественной войны. Советские люди — все, от мала до велика,— пристально следили за ходом битв. Сводки Совинформбюро читались и перечитывались и чуть ли не выучивались наизусть. Но мы еще мало знаем эту первую страницу Великой Отечественной войны, мало изучили историю героических упорных сражений, которые завязали и вели пограничные части и небольшие по численности линейные гарнизоны Советской Армии против ста семидесяти немецких дивизий, во всеоружии своей смертоносной техники внезапно атаковавших советские рубежи.

Это была вначале неравная борьба. Нападающие немецкие части в десятки раз превосходили пограничные части и гарнизоны мирного времени, которые первыми приняли их вероломный удар. Но это была с нашей стороны борьба яростная и самоотверженная, борьба не на жизнь, а на смерть, борьба, которая уже тут, на первых метрах советской территории, потрясла врагов своим упорством. В этих жестоких схватках у пограничных укреплений были уничтожены и обескровлены лучшие ударные части немецкой армии, специально натасканные для прорыва сильнейших оборонительных рубежей.

В Литве, в Белоруссии, на Украине, в Молдавии неделями сражались некоторые пограничные заставы и гарнизоны. Обозленные немцы, чувствуя, что они бессильны сломить упорство этих небольших отрядов советских воинов силами пехоты и артиллерии, бросали в бой танки, вызывали эскадрильи бомбардировщиков, и те часами сбрасывали тяжелые бомбы, обрабатывая всю площадь пограничной земли. Пространства, где были укрепления пограничных застав, сплошь перепахивались фугасками. Лески и перелески выкашивались сосредоточенным огнем. Казалось, ничего уже больше не оставалось на этой оскальпированной, изрытой воронками, изуродованной земле. Но стоило немцам опять броситься в атаку, как земля эта оживала, начинали работать пулеметы, били замаскированные в казематах пушки, преграждая огнем путь врагу.

Даже когда немцам всей силой своей техники удавалось сломать оборонительную линию пограничных застав, прорваться в глубь территории и заставы эти оказывались глубоко в тылу противника, советские воины занимали круговую оборону и продолжали сражаться, не только отбивая врага, но и атакуя его коммуникации. На Западной Украине, в Молдавии, в Белоруссии некоторые из пограничных застав жили активной, боевой жизнью в тылу врага по семь, десять, пятнадцать, даже по двадцать дней. В непрерывных боях с врагом редели их маленькие гарнизоны. Но и раненые не уходили с поста. Они продолжали сражаться. Солдатами становились боевые подруги пограничников — их жены, за винтовку брались их старшие дети. Семьи пограничников ухаживали за ранеными, подносили боеприпасы, а в трудную минуту сменяли в бою мужей, отцов, павших смертью храбрых. Подвиги советских воинов, первыми принявших вражеский удар, еще ждут своих писателей и поэтов. Наши бойцы показали немецко-фашистской армии, привыкшей к легким победам в Европе, что такое настоящая война, показали уменье советских людей стоять насмерть за Родину.

Это беззаветное упорство советских патриотов, их мужество и героизм, проявленные на пограничной полосе СССР, поразили фашистских захватчиков. Как показывали на суде в Нюрнберге гитлеровские фельдмаршалы и, в частности, считавшийся у Гитлера мастером «блицкрига» Вильгельм Кейтель, они сразу поняли, что, напав на Советский Союз, ошиблись во всех своих расчетах. Наиболее дальновидная же часть германского генералитета, видя, как в непрерывных, все более напряженных сражениях на просторах советской земли тают фашистские дивизии, поняла, что Советская Армия сорвала все их планы и, даже отступая, не выпускает инициативы из своих рук.

В первые же дни войны наши пограничники и пограничные гарнизоны Советской Армии, принявшие на себя всю тяжесть внезапного удара, сражаясь с врагом, неизмеримо превосходившим числом и техникой, показали то мужество и военное мастерство, которое потом прославили на весь мир бойцы Сталинграда, ту стойкость, которая обессмертила защитников города Ленина, то воинское уменье и выносливость, так великолепно проявленные советскими воинами потом, в дни гигантских наступлений Советской Армии. Их борьба была озарена идеями большевистской партии, которые поддерживали и вдохновляли весь наш народ в труднейшие часы. Безграничный советский патриотизм, любовь к своей социалистической Отчизне воодушевляли их на славный подвиг.

И уже эти первые страницы Великой Отечественной войны, рассказывающие о подвигах солдат, самоотверженно отразивших первые удары гигантского военного кулака Германии, явились страницами, небывалыми в истории войн. В своей речи, обращенной к советскому народу 3 июля 1941 года, товарищ Сталин высоко оценил мощные удары, нанесенные советскими воинами фашистам. «И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма».

«Все силы народа — на разгром врага!» — этот призыв товарища Сталина вдохновил советский народ. Советские люди поняли всю глубину опасности, нависшей над нашей Родиной, и все, как один, от мала до велика, включились в священную народную войну.

Вся жизнь страны, вся работа была быстро перестроена на военный лад, подчинена интересам фронта, подчинена общей священной задаче разгрома врага. И здесь советские люди показали свой замечательный патриотизм, свою, невиданную еще в истории войн, организованность, свою непоколебимую сплоченность вокруг большевистской партии и советского правительства.

История передвижения нашей промышленности из угрожаемых районов на Восток — это история всенародного подвига, свершить который было по плечу только народу, одухотворенному великими идеями большевизма. Труженики тыла часто под вражескими бомбами, иногда даже под прямым артиллерийским обстрелом, демонтировали фабрики, заводы, мастерские, бережно упаковывали машины и грузили их на платформы. Рабочие, техники, инженеры целыми семьями оставляли свои дома, бросали накопленное десятилетиями личное добро и с эшелонами своих предприятий уезжали на Восток, в дальние края, не желая дышать одним воздухом с оккупантами.

Героизм и упорство советских тружеников в сказочно короткие сроки вновь возрождали эти заводы в пустынной степи или в густой тайге. Рабочие, инженеры, служащие, их жены, их дети превращались в каменщиков, плотников, штукатуров. Своими руками строили они корпуса цехов для машин. В зимние сибирские стужи, под холодными уральскими ветрами работали они на своих станках, в непокрытых, неутепленных цехах. Руки примерзали к станкам. Но люди упорно работали для фронта, для победы, работали без отдыха и сна. Эта быстрая перестройка всей социалистической экономики на военный лад, эвакуация промышленности на Восток, воссоздание и пуск передвинутых предприятий — все это одна из самых славных страниц Великой Отечественной войны.

Почти четыре года в тяжелых битвах невиданного до того масштаба, борясь со всеми силами фашизма, творил советский народ героическую историю Великой Отечественной войны. Поражение немцев под Москвой развеяло в прах разрекламированный гитлеровцами миф о непобедимости немецко-фашистской армии. В величайшей битве под Сталинградом наступил закат немецко-фашистской армии. В побоище на Курской дуге был окончательно сломан хребет немецко-фашистскому зверю, и гитлеровская армия была поставлена на грань катастрофы. С тех пор фашизм уже не мог ни на кого нападать, он только огрызался, обороняясь.

А потом, развернув гигантский фронт наступления, Советская Армия стала с боями преследовать противника, нанося ему удары с нарастающей силой. И пока Черчилль неторопливо пришивал последние пуговицы к шинелям своих солдат, пока вооруженные американцы и англичане не без приятности прохлаждались на Британских островах, советские солдаты, победив в великом единоборстве фашистские силы, вписывали в историю войн одну героическую главу за другой. Знаменитые десять сталинских ударов сокрушили гитлеровскую Германию. Взятие Харькова, Киева, второй Сталинград, устроенный немцам у Корсунь-Шевченковского, форсирование Днепра, Днестра, прыжок через Прут в Румынию, победы на Висле, Двине, Одере, Нейсе, Шпрее — сколько великолепных, незабываемых страниц вписано Советской Армией в историю за эти четыре года войны!

Доблестным советским войскам, разившим врага на фронте, деятельно помогали отважные советские партизаны. Разожженный по призыву товарища Сталина огонь партизанской войны вскоре бушевал



Памятник советским воинам, павшим при штурме Берлина, открытый недавно в Трептов-парке (Берлин).

уже на всей оккупированной врагом территории. Трудящиеся уходили в партизанские отряды целыми семьями. Они дрались не на жизнь, а на смерть. Они подрывали тылы фашистской армии, оттягивали на себя ее силы с фронта, они разрушали вражеские коммуникации и создавали врагу невыносимые условия. В Белоруссии, в Брянских лесах, на Смоленщине, на Калининщине и в других частях оккупированной территории были целые районы, находившиеся под контролем партизан, куда враг не смел сунуть носа, где была советская власть и люди хранили советские порядки.

Отважные советские партизаны, непокоренные советские люди на временно оккупированной территории, направляемые подпольными большевистскими организациями, наносили врагу серьезный урон, внушали страх и ужас оккупантам. Их удары по фашистам с тыла помогали Советской Армии развертывать ее гигантское наступление. Весь советский народ на фронте, в тылу и за линией фронта активно участвовал в священной борьбе с фашизмом.

И сегодня, когда в день годовщины вероломного нападения на Советский Союз мы вспоминаем о том, как восемь лет назад наши воины на границах советской земли нанесли первые сокрушительные удары гитлеровским захватчикам, мы вспоминаем и о последних страницах войны, когда Советская Армия во всеоружии своей боевой и технической мощи, в сиянии своей немеркнущей воинской славы нанесла врагу последние титанические удары.

Свершилось то, о чем великий Сталин говорил еще в тяжелые дни июля, в самом начале войны. Советская Армия, ведя гигантскую войну против всех фашистских армий, не слабела и не обескровливалась. Наоборот, силы ее росли от боя к бою, от сражения к сражению. Как у сказочного богатыря, ее карающая рука не уставала в борьбе с супостатами. Плоть от плоти великого народа, черпая в народе свою мощь, она крепла с каждым новым ударом по врагу, и каждый такой новый удар наливал ее новой силой.

Советская Армия подошла к Берлину могучей, как никогда. Кто видел, как многие десятки тысяч орудийных жерл в течение часов били по фашистской столице, кто видел в те дни автострады, дороги и проселки Германии, по которым мощной лавиной двигалась советская техника, кто наблюдал, как солнце гасло на немецком небе, утонув в облаках пыли, поднятой нашими войсками, те с особой глубиной постигали мощь и незыблемость советского строя, самого прочного государственного строя на земле.

Водрузив флаг над поверженной столицей врага, советский народ сторицей отплатил немецкому фашизму за то, что в июне 1941 года он коварно вломился в наш мирный дом. Советский народ дал хороший предметный урок всем, кто склонен забывать поучения истории, кто и сейчас ещё мечтает пойти по пути Наполеона, Вильгельма и Гитлера.

Первая и последняя страницы Великой Отечественной войны встают сегодня перед нами. Мы с огромной благодарностью думаем о том, кто еще тогда, в первые дни войны, когда решались судьбы нашей Родины, прозорливо предсказал неминуемый разгром немецко-фашистской армии, кто возглавил героическую борьбу советского народа, кто направлял Советскую Армию в великих битвах. Мы думаем о великом Сталине, гений которого помог советскому народу превратить страшные дни июня 1941 года в победные дни мая 1945 года.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РАБОТЫ МТС

Пятого июня 1929 года Совет Труда и Обороны вынес постановление об организации машинно-тракторных станций. В связи с двадцатилетием существования МТС корреспондент «Огонька» обратился к министру сельского хозяйства СССР тов. И. А. Бенедиктову с рядом вопросов.

— Расскажите историю организации машинно-тракторных станций в Советском Союзе.

— Известно, что социалистическое преобразование сельского хозяйства, как указывали Ленин и Сталин, возможно только после победы социалистической революции, на основе создания крупной социалистической промышленности, способной вооружить деревню машинной техникой. Это была одна из важнейших задач нашей партии, нашего государства. Уже в 1919 году на VIII съезде партии великий Ленин говорил: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т.-е. за коммунизм)».

Партия большевиков под водительством товарища Сталина решительно взялась за выполнение этого великого ленинского завета, за социалистическое преобразование сельского хозяйства нашей страны. Почетная, славная роль в укреплении колхозного строя принадлежит машинно-тракторным станциям, широкое строительство которых было начато по инициативе товарища Сталина 20 лет тому назад.

Товарищ Сталин раскрыл огромное значение машинно-тракторных станций в деле социалистического переустройства сельского хозяйства, как основного рычага технического перевооружения сельского хозяйства, организационно-хозяйственного укрепления колхозов и коммунистического перевоспитания многомиллионных масс крестьянства.

Первая тракторная колонна, оказавшая помощь бедняцко-середняцким хозяйствам, была организована совхозом имени Шевченко на Одессщине в 1927 году. С трибуны XV съезда ВКП(б) товарищ Сталин так оценил почин шевченковцев: «Побольше бы таких примеров, товарищи, и тогда можно было бы продвинуть это дело далеко вперед». Товарищ Сталин указал, что без объединения распыленных крестьянских хозяйств, без перевода их на общественную обработку земли нет возможности серьезно двинуть дальше ни интенсификацию, ни машинизацию сельского хозяйства, которое должно было догнать и перегнать по темпам своего развития капиталистические страны.

Товарищ Сталин призывал сосредоточить внимание на этом важнейшем деле. В мае 1928 года на базе совхоза имени Шевченко была организована первая в стране машинно-тракторная станция имени Шевченко, и с этого времени строительство МТС приняло поистине грандиозный размах. Напомню некоторые цифры: к концу первой пятилетки было создано 2446 МТС, к концу второй пятилетки — 5818, к концу 1940 года — 7069. В 1930 году в МТС было 7100 тракторов мощностью в 86 800 лошадиных сил, а накануне войны МТС имели уже 435 300 тракторов мощностью в 8359 тысяч лошадиных сил.

Война нанесла огромный ущерб машинно-тракторным станциям. Враг разрушил почти треть МТС с сотнями тысяч тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Благодаря принятым партией и правительством мерам сеть машинно-тракторных станций была восстановлена и за последние годы значительно расширена.

К началу текущего года в нашей стране уже было 7813 МТС. Число станций все время растет. В послевоенную пятилетку МТС получают сотни тысяч новых тракторов. Ни одна другая страна в мире не имеет столь высокого уровня механизации сельского хозяйства, какой достигнут в Советском Союзе.



И. А. БЕНЕДИКТОВ.

— Какое место в сельскохозяйственных работах страны занимают МТС?

— Огромное. МТС обслуживают 95 процентов всей посевной площади колхозов. Благодаря применению тракторов, комбайнов и других новейших сельскохозяйственных машин и орудий все тяжелые, трудоемкие работы механизированы, труд колхозника-земледельца облегчен. Механизация весенней пахоты, подъема паров, вспашки зяби в колхозах достигает сейчас 82 процентов. Это в среднем по Советскому Союзу, а в основных зерновых районах (Украина, Северный Кавказ, Алтай и другие) уровень механизации основных работ достигает 90—95 процентов.

Благодаря работе МТС колхозы ежегодно экономят огромное количество рабочей силы. Например, подсчитано, что уже в 1937 году тракторы и комбайны, работавшие в колхозах, заменили 7,2 миллиона работников. В нашей стране техника стала достоянием народа и служит народу. Новая, могучая техника пришла на помощь крестьянину и решительным образом изменила процессы его труда.

У нас нет или почти нет такой отрасли сельского хозяйства, где бы широко не использовалась новая машина. Тракторы стали основным средством производства не только в зерновом хозяйстве, но и при обработке технических культур, выращивании садов, огородов. Еще совсем недавно комбайном убирали лишь зерновые культуры. Теперь отечественной промышленностью созданы и внедряются в производство комбайны по уборке свеклы, льна, картофеля. Могущество социалистического сельского хозяйства, его неуклонный и непрерывный рост базируются на новейшей технике, которую дает наша советская индустрия.

— Что можно сказать о технической вооруженности машинно-тракторных станций, о новых сельскохозяйственных машинах?

— Советское государство, наша великая коммунистическая партия неустанно заботятся о техническом оснащении сельского хозяйства, о росте зажиточности и культуры колхозного крестьянства. МТС — живое воплощение этой великой заботы.

В 1910 году в крестьянских хозяйствах царской России насчитывалось 7,8 миллиона сох и косуль, 17,7 миллиона деревянных борон, 6,4 миллиона конных плугов; 34 процента крестьянских дворов были без инвентаря, 30 процентов — безлошадными. Современная вооруженность социалистического сельского хозяйства передовой машинной техникой в сравнении с приведенными данными дает яркое представление о масштабах технического переворота, который произвели МТС в земледелии нашей страны.

К концу 1940 года стоимость основных фондов МТС составила свыше 8 миллиардов рублей, и сейчас, после величайшей из войн, государство щедро помогает сельскому хозяйству. Несмотря на серьезный ущерб, нанесенный машинно-тракторным станциям войной, их техническое вооружение превысило довоенный уровень. Значительно вырос парк гусеничных тракторов, новых мощных тракторов, сконструированных советскими инженерами. МТС пополнились самоходными комбайнами «С-4», получают новый, усовершенствованный прицепной комбайн — «Сталинец-6». На колхозных лугах будут работать широкозахватные самоходные сенокосилки «КС-10».

Наши МТС получают свеклокомбайны, которые будут проводить копку свеклы, очистку ее от земли и отделение ботвы от корнеплодов. Специальные комбайны выйдут на льняные и картофельные поля. Советские инженеры создали хлопкоуборочную машину, которая позволит решить проблему механизации такой трудоемкой работы, как сбор хлопчатника. Новые машины уже в нынешнем году будут работать на сборе хлопка в колхозах Средней Азии.

Ни одна промышленность в мире не выпускает сейчас такого количества новых сельскохозяйственных машин, как наша: квадратно-шахматные сеялки, улучшенные культиваторы для борьбы с сорняками, лесопосадочные машины, садово-огородный трактор «СОТ», сложные молотилки, зерноочистительные машины и передвижные зерносушилки, машины для механизации работ по животноводству и т. д. Наш народ, наше государство самым решительным образом двигают вперед механизацию работ на колхозных и совхозных полях.

Технический прогресс в земледелии, растущий с каждым годом уровень механизации полевых работ и других трудоемких процессов в сельском хозяйстве обеспечивают значительное сокращение затрат труда и резкое повышение его производительности.

Дальнейшая широкая механизация полевых работ, а также работ в животноводстве позволит не только улучшить их качество, но проводить их в лучшие сроки.

Значительно повысит производительность труда колхозников широкое использование электричества в сельскохозяйственном производстве.

— Расскажите, пожалуйста, об этом подробней.

— Как известно, в прошлом году в колхозе «Заря», Свердловской области, были успешно проведены испытания на полевых работах двух электротракторов новой, советской конструкции. Электротракторы обрабатывали колхозные поля, используя энергию местной гидроэлектростанции, построенной колхозниками.

В этом году электротракторы уже используются в трех машинно-тракторных станциях — Рыбновской (Рязанская область), Корсунь-Шевченковской (Киевская область) и Баженовской (Свердловская область). Работа первой большой партии опытных электротракторов показала, что эти машины таят в себе большую будущность.

Народнохозяйственное значение внедрения электротракторов в полеводство поистине трудно переоценить. По сравнению с тракторами, работающими на жидком топливе, электротракторы более экономичны и производительны. Устойчивое и равномерное движение электротрактора обеспечивает отличную обработку почвы, сохраняя заданную глубину пахоты даже на участках с неровным рельефом. Это, конечно, имеет большое

влияние на повышение урожайности. И, наконец, электротрактор значительно облегчает труд тракториста, который управляет машиной с помощью кнопочного приспособления.

Таким образом, внедрение электротракторов в сельское хозяйство решительно изменяет и улучшает условия труда колхозников. Электрификация полеводства, начатая в нынешнем году, будет еще в большей степени способствовать превращению сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального. Можно с полным основанием утверждать, что наш советский электротрактор в ближайшие годы найдет в сельском хозяйстве широкое применение. Кроме того намечено более широкое использование электроэнергии на таких работах, как молотьба, очистка семян, подготовка кормов, водоснабжение, доение, стрижка овец, орошение и т. д.

— Как работали МТС на весеннем севе, как они готовятся к уборке?

— Весенний сев в 1949 году проведен колхозами в более ранние и сжатые сроки, чем в прошлом году. Огромную роль в этом сыграли МТС. Значительно увеличив объем работ по зяблевой вспашке осенью 1948 года, МТС обеспечили повышение удельного веса посева яровых культур по зяби. Более чем на 15 миллионов гектаров увеличилась площадь посева яровых по пахоте, проведенной МТС тракторными плугами с предплужниками.

Объем тракторных работ, выполненных МТС за весенний период 1949 года (до 20 мая), вырос по сравнению с прошлым годом на 19 процентов, а выработка на один 15-сильный трактор повысилась на 5,3 процента.

Сейчас МТС заканчивают весенние полевые работы, ведут подъем паров, уход за культурами и заканчивают подготовку к уборке урожая.

Лучше, чем в прошлом году, проводится в МТС ремонт комбайнов и других уборочных машин. Роль МТС в уборке урожая 1949 года возрастает по сравнению с прошлым годом.

Огромную работу должны провести МТС, выполняя сталинский план преобразования природы. Оказание помощи колхозам в полезащитном лесоразведении — одна из важнейших задач МТС степных и лесостепных районов страны.

План лесопосадок в 1949 году колхозы с помощью машинно-тракторных и лесозащитных станций перевыполнили.

Наряду с машинно-тракторными станциями в этом году организованы новые типы станций: лесозащитные (ЛЗС) и луго-мелиоративные. Создаются машинно-животноводческие станции.

64 лесозащитных станций были организованы министерством зимой. Они получили тракторы, лесопосадочные и землеройные машины и другое оборудование, которое уже находится в действии. Кроме лесопосадочных работ, ЛЗС занимаются также уходом за лесополосами, строительством прудов, водоемов и дорог. Наши лесозащитные станции еще очень молоды, и все же многие из них показали прекрасные образцы работы. Так, например, Судбищенская ЛЗС строит плотины в колхозе «Авангард». Здесь работают трактор «С-80» с бульдозером и трактор «СТЗ-НАТИ» со скрепером. Трактористы Боравлев и Бутяев, как и их бригадир Чаузов, великолепно справляются с заданиями, превышая норму почти в полтора раза. Таких фактов я мог бы привести много.

— Какие задачи стоят перед МТС в выполнении трехлетнего плана развития животноводства?

— Весьма и весьма значительные. Они четко сформулированы в постановлении ЦК ВКП(б) и Совета министров СССР. Успешное выполнение трехлетнего плана развития животноводства — увеличение поголовья скота, повышение его продуктивности, обеспечение животноводства прочной кормовой базой — эти задачи могут быть решены только путем внедрения широкой механизации заготовки кормов и других производственных процессов на животноводческих фермах.

Надо признать, что еще до последних лет работы по заготовке кормов и обслуживанию животных на фермах были слабо механизированы и поэтому требовали большого количества рабочих рук. В 1947 году понадобилось около 4 миллионов колхозников для обслуживания общественного скота колхозов и более 2 миллионов человек для заготовки кормов, не говоря уже о большом количестве рабочей силы, которая была занята на других работах в животноводстве.

Трехлетний план развития животноводства указывает нам пути решения этой большой задачи. Разумеется, в разных районах она будет решаться по-разному. Например, в районах отгонного животноводства, где зерновыми культурами заняты небольшие площади, организуется сеть специальных машинно-животноводческих станций (МЖС). Уборка сена, стрижка овец, рытье колодцев, транспортировка готовой продукции, механизация водопоения, улучшение лугов и пастбищ — вот примерный перечень работ, которые будут вести организуемые ныне МЖС.

Каждая МЖС будет обслуживать колхозы с общим поголовьем примерно в 100—120 тысяч овец. Кроме всех других дел она должна помогать колхозам организовывать показательные механизированные фермы.

До сих пор было совершенно недостаточно участие машинно-тракторных станций в подъеме животноводства, и теперь эта задача встает перед ними во всю ширь.

При оценке деятельности машинно-тракторных станций должно учитываться, как они помогают колхозам обеспечить скот необходимым количеством грубых и сочных кормов и как они помогают в механизации ферм.

В работу МТС вкладывается дополнительное содержание. В связи с этим необходимо нашим кадрам, работающим на машинно-тракторных станциях, создать коренной перелом в работе, связанной с развитием животноводства. Кроме того надо быстро вооружить кадры машинно-тракторных станций новыми, более широкими знаниями по животноводству.

Десятки тысяч тракторов и других первоклассных машин, двинутые социалистическим государством в деревню в годы великого перелома, выполнили роль «снарядов, взрывающих старый буржуазный мир и прокладывающих дорогу новому социалистическому укладу в деревне» (Сталин). МТС сыграли огромную роль в строительстве социалистического земледелия, в разрешении зерновой проблемы и организационно-хозяйственном укреплении колхозов.

Сотни тысяч машин, направленных советским государством в деревню, должны быть использованы с максимальной производительностью. Роль МТС подчеркнута в решениях февральского Пленума ЦК ВКП(б), где сказано: «Установить, что основной задачей машинно-тракторных станций является повышение урожайности в обслуживаемых колхозах, дальнейшее улучшение использования машинно-тракторного парка, повышение качества тракторных работ и выполнение их в агротехнические сроки, своевременная уборка урожая и выполнение планов сдачи натуроплаты за работы МТС».

Сейчас главная задача сельского хозяйства — дальнейшее повышение урожайности и развитие общественного животноводства. МТС должны быть организующей силой в повсеместном, широком внедрении травопольной системы земледелия, в повышении его культуры, широком использовании достижений передовой агротехнической науки, в выполнении трехлетнего плана развития общественного животноводства.

Для решения этих задач механизация процессов труда в сельском хозяйстве должна быть поднята на еще более высокую ступень. В ближайшие годы необходимо создать и внедрить в МТС, совхозы и колхозы машины, обеспечивающие всестороннюю механизацию процессов сельскохозяйственного производства. Нашей промышленности и научно-исследовательским учреждениям страны предстоит разработать новые конструкции машин для комплексной механизации животноводства и возделывания сельскохозяйственных культур.

Борьба за изобилие продуктов в нашей стране решается многомиллионной армией колхозников, рабочих совхозов и МТС, трактористов, комбайнеров, которые упорным трудом выращивают высокие урожаи.

Партия и правительство отвели нашим машинно-тракторным станциям весьма почетную и значительную роль. Они отмечают передовиков высокими наградами — золотыми звездами, орденами и медалями. Наши трактористы, комбайнеры, ремонтные рабочие трудятся с большим воодушевлением. Однако у МТС есть еще огромные не использованные резервы для дальнейшего увеличения производительности тракторов и других машин.

Созданные по инициативе товарища Сталина машинно-тракторные станции укрепляют колхозы и оказывают огромную помощь советскому народу в его движении вперед к заветной цели — построению коммунизма в нашей стране.



Самоходная косилка на уборке трав в совхозе «1 Мая» (Сталинградская область)
Фото А. Маклецова (ТАСС).



Тракторы в

С. КАНЕВСКИЙ

Фото Г. Зельмы

На просторах алтайских степей усадьба Ново-Егорьевской МТС видна километров за десять. Окаймленная стройными серебристыми тополями, сквозь зелень которых едва проглядывают светлые корпуса зданий, станция внешне похожа на санаторий.

Внутри усадьбы все строго распланировано и разумно размещено. Вот, словно на параде, стоят шеренги прицепных комбайнов «Сталинец-6», отремонтированных еще зимой, 74 машины готовы выйти на поля.

В механическом, кузнечном, деревообделочном и других цехах отменная чистота. По оборудованию МТС — настоящий завод с токарными, сверлильными, фрезерными и шлифовальными станками, с литейной для цветных металлов, с электросварочной мастерской. И люди здесь понимают толк в геометрии резца и в скоростях резания.

Директор МТС Тихон Иванович Жилин знакомит нас с прошлым, настоящим и будущим станции. Коренной местный житель, Тихон Иванович работает в Ново-Егорьевской МТС со дня ее основания. Будучи вначале рядовым трактористом, он выдвинулся в старшие механики, а со времени войны стал директором и возглавил огромный коллектив, состоящий из 4 агрономов, 8 механиков, 27 бригадиров, 190 трактористов, 74 комбайнеров и нескольких сотен рабочих. Тихон Иванович награжден за работу в Ново-Егорьевской МТС двумя орденами Ленина. Знаток сельскохозяйственной техники, темпераментный и волевой руководитель, он сумел организовать в трудные военные и затем в послевоенные годы строительство электростанции, лесопильного завода, механического цеха, нефтебазы, клуба, шестнадцати жилых домов, бани и строит в этом году зимний гараж для комбайнов.

— Хотелось бы большего. Меня огорчает, что в жизни не все происходит достаточно быстро,— говорит Тихон Иванович.

Жилину кажется, что пять лет слишком много для осуществления генерального плана развития его МТС. А план предусматривает удвоение мощности электростанции, постройку зимних гаражей для тракторов, создание стационарных мастерских во всех 27 полевых станах и многое другое.

* * *

Закончив осмотр усадьбы и цехов, мы пришли с Тихоном Ивановичем на радиостанцию. Радист объявил:

— Внимание! Говорит центральная радиостанция Ново-Егорьевской МТС! Внимание, слушайте доклад директора товарища Жилина!

Его слушали незримые люди в аудитории площадью в 82 тысячи гектаров: бригадиры, трактористы, прицепщики, председатели колхозов, звеньевые — все, кто обязан знать, что скажет директор МТС, и все, кто хотел его слушать. Тихон Иванович сделал самый короткий доклад об итогах весенней посевной кампании, какой когда-либо довелось нам слушать.

— Сев зерновых, трав и силосных культур закончен досрочно. План выполнен на 141 процент. На первом месте бригада трактористов Егора Воистинова — 167 процентов. На втором — Алексей Нелюбов. На последнем месте Василий Ермошин.

В наушниках слышен голос Ермошина:

— На то свои причины, Тихон Иванович!

— Знаем твои причины, Василий Гаврилович! То у тебя тракторы буксовали, то работали поперек борозды, то клапан полетел из-за перегрева. Как ни верти, Василий Гаврилович,— дрянь твое дело. Перевожу тракторы на подъем паров,— продолжал директор,— закончить работы в пятидневку. Боремся за переходящее знамя Алтайского края! Ермошин, прошу тебя по-дружески, не подведи коллектив.

— Перед товарищами обещание даю.

— Работайте при фарах. Синоптики предсказывают затяжные дожди и резкое похолодание. Вопросы есть?

— Пока нет.

— Доклад окончен. Сообщаю приятную новость. В будущем году открывается Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Пока-

Слева вверху: директор Ново-Егорьевской МТС Т. И. Жилин проводит по радио совещание тракторных бригадиров и председателей колхозов. Ниже: бригадир тракторной бригады Е. Г. Воистинов. Внизу подготовка комбайнов к уборке.

степи

Семья механика С. П. Переворочаева — потомственные комбайнеры.

затели для нас вполне посильные: для трактористов Алтайского края 550 гектаров в условном измерении.

Радист выключил директорский микрофон, надел наушники и под диктовку бригадных учетчиков стал принимать рапортички о работе утренних смен.

— Вы, должно быть, записали мой разговор с Ермошиным,— говорит Тихон Иванович.— Не думайте, что он безнадежный парень. Иначе ради чего держал бы его в бригадирах да еще в самом большом по площади колхозе. Василий Гаврилович все-таки свой план сева выполнил на 114 процентов! Но что поделаешь? Надо же кому-нибудь быть на последнем месте, если 27 бригад! Хотите знать правду? И Василий Гаврилович наверняка попадет на выставку. В прошлом году он дал 750 гектаров выработки на трактор, нынче за весну набрал уже добрых 300, а впереди еще лето и осень.

* * *

Ново-Егорьевская МТС — одна из самых крупных не только в Алтайском крае, но и в стране. Суммарная мощность ее тракторного парка — почти 2500 лошадиных сил (в 1930 году было 700 лошадиных сил). В 1948 году выработка на трактор в условном измерении составляла 730 гектаров. Это втрое выше американской нормы.

— Ничего удивительного,— говорит Жилин.— Новоегорьевские трактористы — виртуозы. С русскими трактористами тягаться по выработке за границей некому. Пожалуй, я мог бы с нашим парком машин и нашими людьми перепахать и засеять пшеницей площадь, равную всей Дании.

На Алтае родится лучшая в мире по хлебопекарным свойствам яровая пшеница.

Тяжело доставалась пшеница алтайским хлеборобам в старое время. Гремела слава об алтайской яровой пшенице на хлебных биржах в Одессе, Гамбурге, Лондоне, а собирал ее алтайский мужик горстями — по 10, 15 пудов с десятины. 30 пудов почитал он великим благодеянием всевышнего.

Но вот свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, и в наступление на алтайские степи по воле мудрой партии большевиков двинулись тракторы. Началась упорная битва за хлеб, за настоящую жизнь. В боях против вековой нищеты и предрассудков выковывались новые люди, новая психология. На руинах прошлого возникла социалистическая деревня. Свершилась великая победа.

* * *

В 1936 году в колхозе «Искра» Михаил Ефремов вырастил 300 пудов яровой пшеницы на гектаре. То был первый рекорд алтайских колхозников, прогремевший на всю страну. Поистине из искры разгорелось пламя. Потом Иван Черногоров собрал 470 пудов с гектара, Иван Ракитин — 474, Иван Чуманов — 516 пудов. Ефремов увлек за собой стариков и молодежь, и теперь 12—13 тысяч ефремовских звеньев собирают на огромных площадях двухсотпудовые урожаи.

Последователи Ефремова нашлись и в колхозах Ново-Егорьевской МТС. Урожайность яровой пшеницы в пределах ее зоны за 20 лет увеличилась в шесть раз. Это в среднем, но есть и другие цифры. Герой Социалистического Труда Маруся Кабанова из колхоза «Сибирский пахарь» собрала по 30 центнеров пшеницы с 11 гектаров. Герой Социалистического Труда Маруся Порченко из колхоза имени Сталина — по 29 центнеров с площади в 20 гектаров.



Старший агроном МТС депутат Верховного Совета РСФСР М. И. Кожинова с молодежным звеном Героя Социалистического Труда Марии Кабановой из колхоза «Сибирский пахарь».

Вдали от Родины

Ирина ИЛЬИЧЕВА

Фото В. Рудима

На самом юге Тюрингии, в предгорьях Альп, раскинулся немецкий городок Зонneберг. В трех километрах от него, за полосатым шлагбаумом, начинается Бавария — американская зона оккупации Германии.

Русскому глазу все в этом городке чуждо и неприветливо: узкие, старинные улицы, мертвенно-синий свет газовых фонарей, бесчисленные тяжелые запоры на дверях, калитках, воротах, ставнях каждого немецкого дома.

По вечерам в Зоннеберге ярко освещено здание, на котором развевается красный флаг. Табличка: «Военный комендант». В чужой стране, в средневековом городке, лицом к лицу с американцами несет службу, живет, работает небольшой коллектив солдат и офицеров армии СССР.

Кто видел фильм «Встреча на Эльбе», тот легко может представить себе условия, в которых проходят дни советской военной комендатуры Зоннеберга.

Вечером я встретилась с офицерами комендатуры. Мы сидели в большой комнате, заставленной типичной для этих мест тяжелой и некрасивой баварской мебелью. Как всегда это бывает у русских людей на чужбине, разговор быстро перешел к Родине, к новостям из Союза, письмам, воспоминаниям. Комендант включил приемник. Москва.

Широкая русская песня заполнила комнату.

Песню слушали так, как умеют ее слушать только советские люди в чужедальних краях. Песня была для нас сейчас кусочком дома, весточкой с Родины.

Офицеры — седой майор, совсем юный лейтенант, женщина-врач — чуть придвинулись к приемнику. Песня изменила их лица: теплым светом зажглись глаза, сгладились морщины. У каждого из них позади лежал нелегкий путь. Они пришли в этот немецкий город через войну, горе и ненависть. Они остались на чужой земле по приказу Родины. И каждый из них считает дни до возвращения в СССР, ждет вестей из дому, по вечерам ищет среди европейских фокстротов и разных заокеанских голосов только волну Москвы.

В небольшом саксонском городке Мерзебурге я видела карту: сорок две линии связывают его с различными городами Советского Союза. Тысячи и тысячи километров легли между Мерзебургом и Сталинградом, Одессой, Новгородом, Бухарой, Свердловском. Но благодаря теплым письмам незнакомых друзей небольшой советский гарнизон в Мерзебурге чувствует себя участником жизни сорока двух городов родины, с которыми солдаты и офицеры поддерживают постоянную связь.

В далекой Германии советские воины радуются успехам донецких шахтеров, спорят о возможности постройки колхозной электростанции в селе Снигирево, подолгу рассматривают снимки восстановленных харьковских заводов и поднятых из руин исторических памятников Новгорода. Письма из дальних городов зачитывают до дыр, новости горячо обсуждают все солдаты и офицеры.

Большая дружба и оживленная переписка связали воинов комендатур Берлина, Бренбурга, Стендаля, Пархима, Бад-Либенверка, Науена с советскими заводами, колхозами России, Средней Азии, Кавказа.

Комсомольцы районной комендатуры Трептова в Берлине посылают в письмах к молодежи колхоза имени Буденного на Смоленщине свои планы посадки общественных садов, расспрашивают о новых методах обработки почвы, об агроучебе. Офицеры комендатуры Пренцлауер-Берг в Берлине следят за соревнованием нефтяников города Грозного, и каждый болеет за успехи «своей бригады».

Молодые солдаты Ольховский и Красильников гордятся новыми рекордами своей далекой подруги — стахановки московского завода «Каучук» Марии Стабровой, с которой они переписываются.

Славная традиция переписки с далекими, незнакомыми друзьями, возникшая в дни Великой Отечественной войны, сохраняется и сейчас в частях Советской Армии, несущих службу в Германии.

Артиллеристы — Герой Советского Союза капитан Ануприенко, старший сержант Третьяков и младший сержант Басенко — поехали во время отпуска в подшефный их воинской части детский дом в станице Нижне-Чирской, на Дону. Воины хотели посмотреть, как живут дети, с которыми они подружились по письмам.

В каждой комендатуре, в любом советском учреждении, находящемся в Германии, проводятся доклады и беседы о Родине, обсуждение вопросов советской действительности. «План защитных лесонасаждений», «Газопровод Москва — Саратов», «Новые пьесы в московских театрах», «План реконструкции Москвы», «Книга «Над картой Родины», «Послевоенное развитие сельского хозяйства» — таковы лекции и беседы, намеченные в районной комендатуре Кепеник в Берлине.



«Письма пришли!» — еще издали кричит почтальон Головченко, самый желанный гость в комендатуре Мерзебурга.

Каждое постановление партии и правительства обсуждается на митингах. Центральные газеты передаются из рук в руки.

В одной комендатуре земли Мекленбург я увидела у солдата Демьяненко газетную вырезку — сообщение о присвоении сибирским колхозникам звания Героя Социалистического Труда.

— Уже 38 Героев в нашем Минусинском районе! — сказал с гордостью солдат и спрятал вырезку в карман гимнастерки.

Газеты «Правда», «Известия», «Вечерняя Москва», «Вечерний Ленинград», «Правда Украины», «Заря Востока» и другие идут из СССР в бандеролях во многие города Германии, где несут службу москвичи, ленинградцы, киевляне, тбилисцы. Статьи о родных районах, заводах, институтах вырезаются и бережно хранятся вместе с личными письмами.

Любая весть с Родины: успех промышленности за квартал, новый сорт пшеницы, рапорт москвичей товарищу Сталину, снижение цен на рынках — воспринимается советским человеком за границей как личный успех и победа.

...Я уезжала из Зоннеберга на рассвете в одной машине с комендантом города, который в это время отправлялся на проверку пограничных постов.

— Два года назад,— сказал комендант,— я возил по своему району одного американца из военной миссии. Мы разговорились с ним о чувстве родины. «Тоска по родине? — спросил американец.— Я этого не понимаю. Я могу работать в любом закоулке мира,— текли бы доллары. В Мюнхене у меня дом, сад удобства — и все бесплатно. Чего же еще? Родина? Это уже русская темная психология...» Мой адъютант, лейтенант из Смоленска, очень хорошо ответил американцу: «Как вы бедны чувствами, мистер майор! Мы, советские люди, не меряем нашу любовь к родной земле ни деньгами, ни комфортабельными ваннами...»

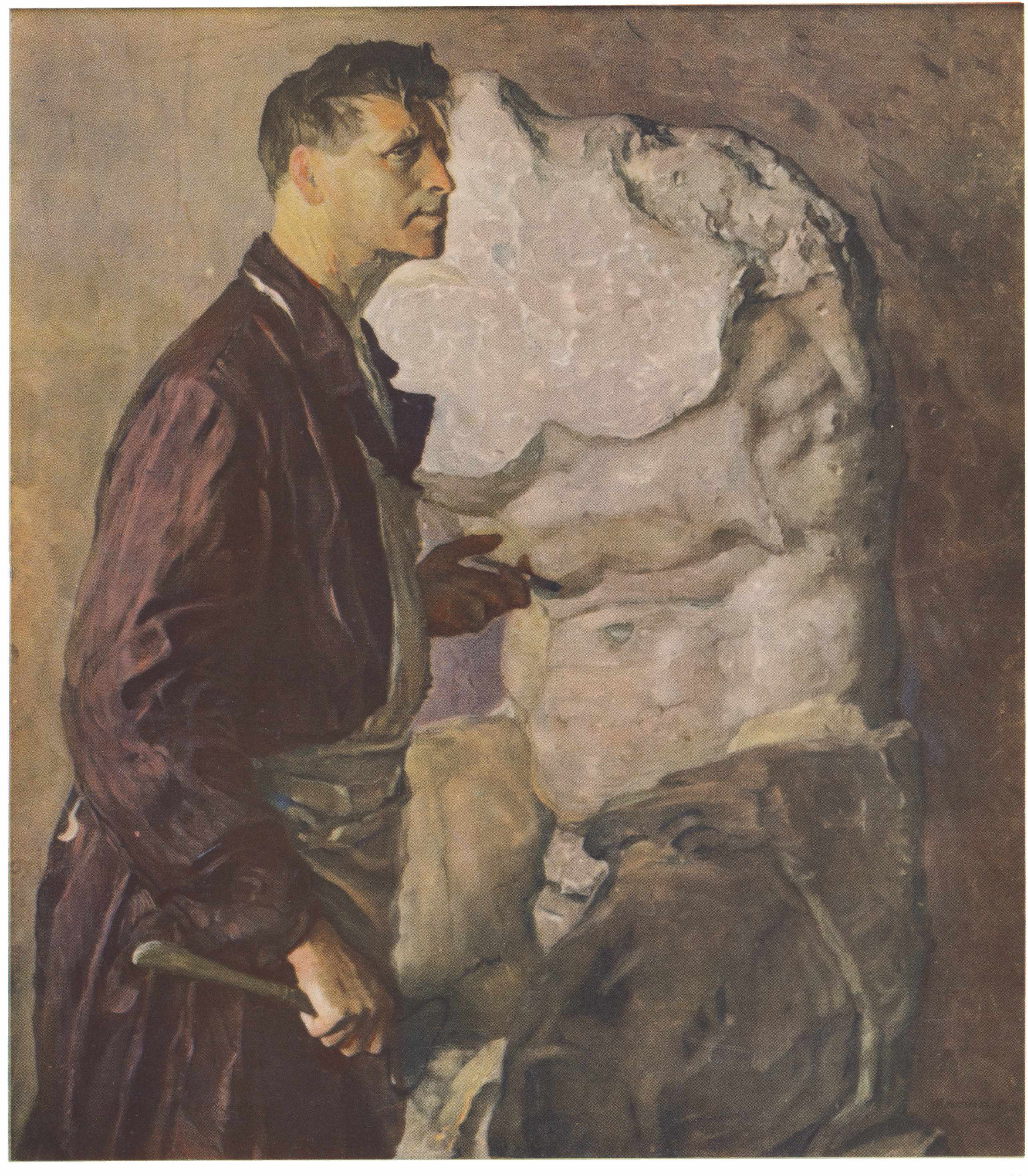
Машина остановилась на границе. У шлагбаума высокий широкоплечий солдат отдал рапорт коменданту и что-то произнес, указывая на усердно жующего резинку американского капрала за шлагбаумом. Я видела, как изменилось лицо коменданта. Очевидно, на границе опять случилась неприятность. Обернувшись, он крикнул мне: «Привет Москве!» — и пошел в сторону американцев. Капрал лениво посторонился, пропуская его мимо шлагбаума.

Отъезжая, я оглянулась. Крепко сжав автомат, стоял у шлагбаума советский солдат.

Зоннеберг—Берлин.

Младший сержант Дударев рассказывает солдатам комендатуры Мерзебурга о послевоенном развитии хозяйства Сибири.





М. В. Нестеров.

ПОРТРЕТ СКУЛЬПТОРА ИВАНА ДМИТРИЕВИЧА ШАДРА.
Государственная Третьяковская галлерея.



М. В. Нестеров.

ОСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ.
Государственная Третьяковская галлерея.

ПУШКИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА

Фото специального корреспондента «Огонька» **Дм. Бальтерманца**

В ГОРОДЕ, НОСЯЩЕМ ИМЯ ПОЭТА

Из Москвы, столь ярко и радостно отпраздновавшей 150-летие со дня рождения А. С. Пушкина, центр пушкинских торжеств переместился в город Пушкин, где в лицее учился великий поэт, в село Михайловское, где он похоронен.

Сюда, в эти святые для советских людей места, прибыли члены Всесоюзного Пушкинского комитета — видные ученые, поэты, писатели, иностранные гости. Среди прибывших: президент Академии наук СССР С. И. Вавилов, академики А. В. Палладин, И. И. Мещанинов, И. В. Гребенщиков; писатели Н. С. Тихонов, П. Тычина, Б. Н. Полевой, А. А. Первенцев; иностранные писатели П. Неруда, Ш. Гергель, Эми Сяо, Я. Дрда, П. Блекман, З. Станку, Д. Полянов и другие.

В знаменитом Актовом зале бывшего Царскосельского лицея, где 8 января 1815 года юный поэт читал свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», 10 июня состоялось торжественное заседание президиума Академии наук СССР, посвященное 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина. За столом ученые, представители ленинградских организаций, потомки Пушкина — праправнучка поэта С. Н. Данилевская с сыном А. С. Данилевским,— зарубежные гости. Академик И. И. Мещанинов выступил с докладом «А. С. Пушкин в лицее», член-корреспондент Академии наук СССР Н. К. Пиксанов рассказал о лицейской лирике Пушкина. После этого советские поэты прочли свои стихи, посвященные Пушкину. Теплые, проникновенные стихи прочел чилийский поэт Пабло Неруда. Его стихотворение заканчивается следующими словами:

«Пушкин, ты старший брат поэзии и свободы! Сегодня Советский Союз поет твои бессмертные песни и свое величие. Во всех местах, куда бы мы ни пошли бороться и воспевать твою Родину, память о тебе всегда будет с нами, давая нам источник вдохновения, мужества, прелести и ясности».

После закрытия торжественного заседания гости вышли на улицы возрожденного города, где у величественной колоннады восстановленного Александровского дворца академик С. И. Вавилов открыл митинг.

— Мы присутствуем при замечательном торжестве советской культуры,— говорит он. — В стенах бывшего Александровского дворца, по постановлению правительства, организуется Пушкинская выставка, составляющая первый и основной шаг в создании Всесоюзного музея А. С. Пушкина в городе, носящем его имя. Пушкин сегодня входит в этот бывший Александровский дворец, входит как его властелин, как образ благородной души этого огромного прекрасного здания. Величественный Музей Пушкина, Пушкинский лицей, весь город с его рощами, озерами, памятниками, восстановленным дворцом, несомненно, будет местом паломничества советских людей, любящих свою культуру, гордящихся ею. В этом Пушкинском дворце — храме искусства — найдут новое вдохновение ученый, школьник, студент, рабочий, колхозник и поэт.

После выступления представителей Ленинградского и Пушкинского Советов, поэтов и писателей С. И. Вавилов направляется к входу в здание дворца, разрезает голубую ленту и объявляет музей открытым. Люди входят в залы, где собрано более десяти тысяч экспонатов, освещающих жизнь и творчество великого русского поэта.

Вечером 10 июня в Пушкине состоялось торжественное заседание городских организаций, посвященное 150-летию со дня рождения поэта. После этого гости специальным поездом выехали в Псков и в Пушкинский заповедник — село Михайловское.



Город Пушкин. 10 июня у Александровского дворца состоялся митинг, посвященный открытию Музея А. С. Пушкина.
Фото Д. Трахтенберга

В ДРЕВНЕМ ПСКОВЕ

Утром 11 июня в Псков из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Риги, Таллина и других городов прибыли участники юбилейных торжеств. Встречать гостей на празднично украшенный вокзал пришли представители партийных, советских и общественных организаций, трудящиеся города и школьники.

Днем члены Всесоюзного Пушкинского комитета, ученые, писатели, художники, зарубежные делегаты ознакомились с достопримечательностями Пскова. Вечером в Театре имени А. С. Пушкина состоялось торжественное заседание. Кроме гостей, приехавших на празднества, в зале театра собрались стахановцы предприятий Пскова, знатные колхозники области, представители общественных организаций.

Открывая торжественное заседание, писатель Н. С. Тихонов сказал:

— Особенное чувство овладевает всеми нами здесь, в древнем Пскове, на древних русских землях, где Пушкин провел плодотворные годы творчества.

Профессор Д. Д. Благой сделал доклад о жизни и творчестве А. С. Пушкина.

Тепло встреченный собравшимися президент Академии наук СССР С. И. Вавилов в своей речи говорит об определяющей роли, которую сыграли в жизни Пушкина Москва, Петербург, Царское Село, Псковская область с ее села-



Президент Академии наук Украинской ССР академик А. В. Палладин произносит речь на могиле А. С. Пушкина при возложении венка.



ми Михайловским, Тригорским и Святогорьем. Здесь, на Псковщине,— основные народные источники «Евгения Онегина», «Повестей Белкина», сказок. Вот почему пушкинские места в Псковской области стали святыми, вот почему они объявлены заповедником.

— Слава Псковщине, на почве которой окреп народный дух Пушкина! — восклицает академик С. И. Вавилов.

Горячую, взволнованную речь произнес венгерский писатель Шандор Гергель.

— Я прибыл сюда,— говорит он,— где все напоминает поэта, чтобы в великом благоговении преклонить колени у могилы того, чей лозунг «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» стал лозунгом нашего народа, лозунгом всех тех, кто вместе с Советским Союзом борется за дело мира, за свободу и независимость.

С приветственными речами выступили секретарь Псковского обкома ВКП(б) В. Ф. Михайлов, председатель Союза советских писателей Эстонии И. Семпер, писатель Б. Н. Полевой и другие.

Участники заседания принимают приветствие великому вождю народов товарищу И. В. Сталину.

ПРАЗДНИК В МИХАЙЛОВСКОМ

Нескончаемые потоки людей направлялись 12 июня к Святогорскому монастырю. Десятки тысяч трудящихся ехали в автобусах и на грузовиках, в легковых автомобилях, на крестьянских подводах, катились на велосипедах и шли пешком, чтобы отпраздновать 150-летие со дня рождения А. С. Пушкина. Все вокруг: портреты, панно, увитые цветами деревенские избы, арки, воздвигнутые у околиц,— напоминало о великом человеке, которого здешняя природа вдохновляла когда-то на создание гениальных, бессмертных произведений.

В многотысячной толпе, заполнившей улицу и площадь возле Святогорского монастыря, аллеи Михайловского парка, цветущую долину реки Сороти,— люди всех возрастов и профессий. Выделяются своими яркими национальными костюмами гости из Эстонии и Латвии.

...По древним ступеням поднимаются одна за другой делегации, чтобы возложить венки на могилу поэта: от Союза советских писателей, от Академии наук СССР, от академий наук союзных республик, от народов Чехословакии, от трудящихся Ленинграда и Пскова. Пышная стена венков, окружающая могилу,— дань всенародной любви к великому поэту.

Делегации, приехавшие в село Михайловское, несут венки на могилу поэта.



На торжества в село Михайловское прибыли многочисленные гости из Эстонии и Латвии.

После возложения венков празднество переносится в село Михайловское. В торжественной обстановке проходит открытие Дома-музея А. С. Пушкина и домика няни поэта — Арины Родионовны. С глубоким волнением осматривают делегаты и экскурсанты кабинет поэта — комнату, где он написал народную драму «Борис Годунов», поэмы «Цыганы», «Граф Нулин», основные главы «Евгения Онегина», сотни замечательных стихотворений.

На просторном Михайловском лугу состоялся митинг, посвященный 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

— Пушкин наш. Он с нами,— говорит, открывая митинг, писатель Н. С. Тихонов.—Мы ощущаем его как своего современника. Пушкин целиком принадлежит нашему времени. Слава Пушкину!

На митинге выступили академик С. И. Вавилов, секретарь Псковского обкома ВЛКСМ К. Ф. Барышникова, правнук великого поэта Г. Г. Пушкин и другие.

Китайский писатель Эми Сяо, чешский писатель Ян Дрда, английский поэт Питер Блекман говорили о том, что слава Пушкина перешагнула границы его родины, что во всех странах мира прогрессивные люди читают и любят великого русского поэта.

После митинга началось народное гулянье. Выступали хоры самодеятельности рабочих и колхозников, самодеятельные кружки показывали сцены из пушкинских пьес. На просторных полянах долго веселилась молодежь, звенели песни.

До позднего вечера длилось гулянье, в котором приняло участие около 100 тысяч человек.

ЭНТУЗИАСТЫ ЛЕСНОЙ НАУКИ

Огромная карта полезащитных лесонасаждений занимает почти всю стену. Яркими световыми линиями выделяются цепи будущих лесов, обрамляющих степи. Рядом с картой — перечень практических мероприятий, связанных с великим сталинским планом преобразования природы. На другой стене — красочно оформленная витрина: механизация посадки полезащитных полос и уход за ними. Тут лесные культиваторы, лесопосадочные механизмы и другие машины новой советской конструкции.

Нет необходимости читать вывеску у входа. Оформление вестибюля говорит само за себя: здесь занимаются наукой о лесе.

Московский лесотехнический институт очень молод. Ему всего пять лет.

На обширном участке возле станции «Строитель», близ Москвы, раскинулись его учебные корпуса и жилищные дома. Лаборатории оснащены новейшей аппаратурой.

Вся деятельность института направлена к одной цели — к осуществлению плана великих работ по борьбе с засухой.

Научные работники института выпускают в этом году свои труды по вопросам лесонасаждения. Профессор А. С. Яблоков работает над учебником по селекции, генетике и лесному семеноводству с учетом задач полезащитного лесонасаждения. Профессор К. В. Войт и доцент Е. И. Власов разрабатывают агротехнические требования, предъявляемые к лесопосадочным машинам.

Вносят свой вклад в осуществление сталинского плана и студенты института. Выпускница лесохозяйственного факультета В. Курпакова провела под руководством профессора В. Г. Нестерова интересные наблюдения над развитием ели.

Научное значение имеет и дипломная работа студента лесохозяйственного факультета, сталинского стипендиата Н. Свалова. До сих пор считалось, что в районах Иркутской области лиственница растет очень медленно. Свалов опровергает это мнение, доказывая в своей работе, что лиственница способна и здесь развиваться так же быстро, как в других областях. Для этого нужно обрабатывать землю под лесные посадки так же, как для посевов сельскохозяйственных культур. Тогда дерево будет иметь ежегодный прирост в 100—120 сантиметров. Выводы, сделанные студентом Сваловым, могут сыграть большую роль в облесении и других районов страны.

Учеба в институте приходит к концу. В ближайшее время 89 молодых инженеров лесного дела, сдав государственные экзамены, разъедутся в разные концы страны. Родина получит новые кадры специалистов, призванных осуществлять великий сталинский план преобразования природы.



Профессор К. В. Войт консультирует студента С. Васина.

ПОЛЬ РОБСОН В МОСКВЕ



Фото А. Гаранина

На празднование 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина в Москву прибыл известный общественный деятель США артист Поль Робсон.

В беседе с корреспондентом «Огонька» Поль Робсон сказал:

— Не впервые я посещаю вашу великую страну. Все, что я видел в Советском Союзе, производило на меня неизгладимое впечатление. Где бы я потом ни был, всегда в своих мыслях возвращался я к замечательной советской столице. В разных странах, куда забрасывала меня судьба, мне многое пришлось увидеть, но все это ни в какой степени не может сравниваться с тем, что я видел и чувствовал в Москве, в СССР.

Я был несказанно обрадован, когда получил приглашение Всесоюзного общества культурной связи с заграницей и Всесоюзного комитета по проведению 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина приехать в Москву.

Сравниваю Москву с той, которую посетил в 1937 году, и вижу: она стала красивее и лучше. Мне особенно приятно, что мой приезд снова связан с пушкинскими днями. Пушкин — мой любимый поэт, перед светлым талантом которого я преклоняюсь с юности.

Впервые я серьезно начал изучать Пушкина в 1917 году, когда слушал лекции одного прогрессивного ученого в Колумбийском университете. Он так увлекательно и горячо говорил о Пушкине, о его жизненном и творческом пути, что я дал себе слово изучить русский язык, чтобы иметь возможность читать великого русского поэта в подлиннике. Мне удалось это сделать: теперь я читаю Пушкина на том языке, на котором он творил. Вы помните эти строки:

Вновь я посетил тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных...

Поль Робсон читает наизусть отрывки из «Евгения Онегина», из поэмы «Руслан и Людмила», из сказок Пушкина.

— Я давно хотел, — продолжал Поль Робсон, — подготовить партию Бориса Годунова. Это была моя большая мечта. Сейчас она осуществилась. Мои выступления в роли Бориса Годунова в концертных залах Америки, Англии, Франции, Дании, Швеции и других стран пользовались успехом: исполнение любого романса, любой арии на слова Пушкина доходит до сердца самых различных слушателей. Всюду, где мне приходилось бывать, я встречал глубокое уважение и огромный интерес к творчеству вашего великого соотечественника.

Быть может, вам станет понятным мое волнение, если я скажу, что я много думал о встречах в Москве и долго готовился к ним. Мне очень дорога честь выступить перед москвичами, гражданами города, который все прогрессивное человечество называет знаменосцем мира во всем мире.

В заключение беседы Поль Робсон просил передать читателям «Огонька» свой сердечный привет.

В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

ЛЕСОНАСАЖДЕНИЯ В БОЛГАРИИ. В Болгарской Народной республике проводятся лесонасаждения в районах, подверженных засухе и влиянию бурных горных потоков. В текущем году высаживаются леса на площади в девять тысяч гектаров. Впервые в республике, главным образом в Добрудже, создаются полезащитные лесные полосы протяженностью в двести километров. Большая часть всех этих работ выполнена весною.

МИЧУРИНСКИЕ САДЫ В ВЕНГРИИ. В Будапеште недавно открылись курсы садоводов. Каждая область страны прислала на эти курсы одного — двух молодых крестьян, чтобы они ознакомились с основами учения и практическими работами великого русского селекционера И. В. Мичурина. По возвращении домой молодые садоводы создадут опытные мичуринские сады.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ В ПОЛЬШЕ. В Польской республике в мае состоялся музыкальный фестиваль. Польское радио организовало передачи народной музыки СССР, Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии и Венгрии. Во время фестиваля три тысячи вокальных ансамблей выступали с концертами по всей стране.

НОВЫЙ ЧЕШСКИЙ АВТОБУС. На заводах Шкода в Пльзне сконструирован новый тип удобного шестидесятиместного автобуса. Скорость автобуса — 60—70 километров в час.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В АЛБАНИИ. Институт наук Народной республики Албании организует этим летом ряд археологических и этнографических экспедиций с целью сбора материалов для научного обоснования истории страны.

БОРЕЦ ЗА ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ

Недавно советская общественность отметила 75-летие со дня рождения и 50-летие научной, врачебной и педагогической деятельности члена-корреспондента Академии наук СССР, действительного члена Академии медицинских наук, заслуженного деятеля наук Георгия Нестеровича Сперанского.

Г. Н. Сперанский — один из основателей отечественной педиатрии и создатель науки о физиологии ребенка раннего детского возраста. За выдающиеся заслуги он награжден двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

В беседе с корреспондентом «Огонька» Георгий Нестерович сказал:

— Уже пятьдесят лет работаю я врачом-педиатром, и когда оглядываюсь назад и вспоминаю старые времена, — все, что окружает меня сегодня, кажется чудесной сказкой. Только при советской власти забота о детях и матерях стала государственным делом.

Если нам, врачам, и удавалось в царское время устраивать единичные детские учреждения, то только в порядке благотворительности. Так, в 1910 году на частные пожертвования мною была организована в Москве первая в России больница для детей грудного возраста.

С первых же дней советской власти Георгий Нестерович Сперанский включается в борьбу за воспитание здорового потомства. В 1922 году по его инициативе в Москве создается Институт охраны материнства и младенчества, впоследствии ставший Институтом педиатрии. С самого начала и до настоящего времени Г. Н. Сперанский — бессменный директор и научный руководитель института — этого научно-исследовательского центра советской педиатрии.

— Советское правительство, — говорит Георгий Нестерович, — возложило на нас задачу — энергично бороться с заболеваниями, которые раньше приводили к большой смертности детей: дизентерией, сепсисом новорожденного, скарлатиной и другими тяжелыми болезнями.

Институт разработал новые методы их лечения. До сих пор было принято считать, что при дизентерии нельзя давать пищу, содержащую белковые вещества. Сейчас это мнение нами научно опровергнуто. Доказано, что введение белка в организм больного ребенка играет большую роль в борьбе с инфекцией.

Прекрасным лекарственным веществом оказался стрептомицин, который употребляется наряду с пенициллином. Это новое лекарство — одно из средств излечения туберкулезного менингита.

Каждый раз, когда я бываю в отделении, где лежат больные менингитом, я с радостным волнением смотрю на выздоравливающих детей. Мы открыли возможности излечения этой страшной болезни.

В другом отделении института находятся недоношенные дети. Некоторые из них при рождении весили меньше килограмма. Им создана такая среда, которая дает возможность не только выжить, но и стать полноценными детьми.

Далее Георгий Нестерович рассказал, что большое место в работе института занимает изучение физиологии здорового ребенка. Наблюдая особенности каждого возраста, научные сотрудники института устанавливают отклонение от нормы и разрабатывают необходимые профилактические и лечебные меры.

Институт педиатрии, руководимый Г. Н. Сперанским, помогает формированию кадров врачей-педиатров. Многие из них проходят врачебную практику в самом институте, многие слушают лекции Сперанского в Центральном институте усовершенствования врачей. Коллектив института трудится сейчас над подготовкой нового учебника по детским болезням и кроме того ведет большую работу по популяризации советских идей охраны материнства и детства.



Георгий Нестерович Сперанский.

Фото В. Ясырева





В Кишиневе, в городском саду, состоялся торжественный митинг школьников города, посвященный 150-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина.

Фото П. Лисенкина (ТАСС)

ОХОТА — СПОРТ СМЕЛЫХ

Такой лозунг, начертанный большими буквами на красном полотнище, висит над входом на московскую выставку охоты и собаководства, устроенную в парке ЦДКА.

Для того чтобы показать, как увлекателен и разнообразен охотничий спорт, на выставке создан отдел «Фауна Подмосковья».

Среди декоративной зелени и кустарника разместились десятки чучел животных и птиц, от лося до куропатки, — объекты охоты в Подмосковье.

Московское общество охотников объединяет 43 тысячи человек. За последние три года они сдали государству пушнины более чем на 20 миллионов рублей.

Посетитель мог увидеть на выставке меха, добытые столичными охотниками. Меховые фабрики показали разнообразную продукцию высокого качества. Тут же размещены изделия отечественных оружейных заводов. Они представили 16 моделей охотничьих ружей, в том числе ряд моделей новой, советской конструкции.

В выставочном павильоне есть место и для рыболовов-любителей. Они с законной гордостью показали переходящий кубок, отвоеванный у ленинградских спиннингистов.

Главными экспонатами выставки были четвероногие друзья охотника—собаки. Их собрали больше тысячи, и неумолчный лай оглашал всю округу. Владельцы выводили своих питомцев на ринг. Судья, пристально вглядываясь, оценивал достоинства живых экспонатов по признакам, которые простым смертным понять нелегко. Так продолжалось в течение нескольких часов, пока судья выносил свой окончательный приговор.



Стая англо-русских гончих Тульского общества охотников.

Фото В. Евграфова

Затем на ринг были вызваны собачьи стаи. Наибольший успех выпал на долю стаи англо-русских гончих, выставленных Тульским обществом охотников. В прошлом году тульские охотники взяли со стаей 46 волков, причем 18 из них загрызли собаки, и охотникам не пришлось даже стрелять.

На выставке было показано много лаек — прекрасных собак для промысловой охоты.

Я. ЛАПИН



НА ВЫСТАВКЕ В. Е. САВИНСКОГО

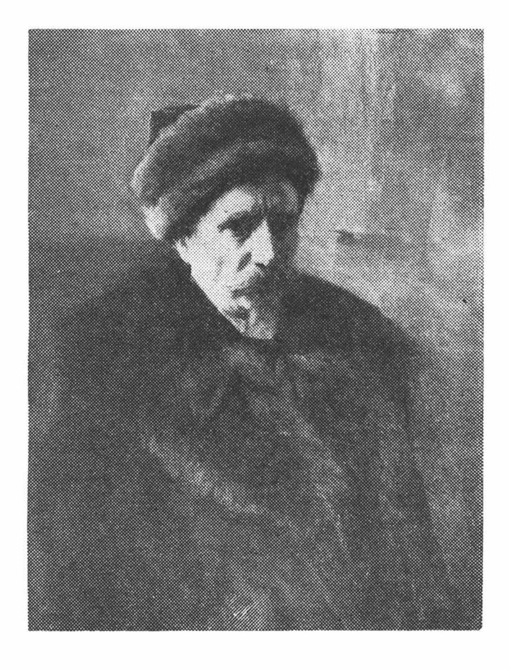
Василию Евмениевичу Савинскому (1859—1937 годы) принадлежит почетное место в русском изобразительном искусстве как художнику, сумевшему всю свою жизнь высоко держать знамя русского реализма. Верность этому славному знамени он воспитывал в своих многочисленных учениках — И. Бродском и А. Рылове, М. Манизере, А. Шовкуненко, В. Серове, А. Яр-Кравченко, И. Серебряном, Ю. Непринцеве и других известных советских художниках. Имя Савинского должно быть названо рядом с именем его учителя Павла Петровича Чистякова. Великий педагог, Чистяков был, по выражению Стасова, «всеобщим» учителем русских художников. «Картина, в которой зритель старается отыскать смысл, душу, понять содержание ее и краски коей не отвлекают его от вдумчивости и рассуждения,— высокая, серьезная картина. Гоняться за эффектом, за тем, что не есть суть, а наносное,— не высоко»,— писал Чистяков. Этих же взглядов неколебимо придерживался Савинский.

Савинский, так же как и Чистяков, учил своих питомцев, что в основе искусства лежат долголетний, упорный труд, освоение глубоких знаний. «Высокое искусство — просто, а простота даром не дается, она требует громадных знаний и долгого и прилежного изучения».

Учиться у Савинского было нелегко. Но тот, кто проходил его школу, становился мастером своего дела, тот смело решал самые сложные композиционные задачи, овладевая рисунком — первоосновой картинной живописи. И сам Савинский был превосходным рисовальщиком. В этом ярко убеждает выставка его произведений, открытая в Москве в залах Академии художеств СССР.

Уже академические рисунки Савинского поражают способностью при тщательной деталировке передать цельное впечатление, сохранить свежесть рисунка. Окончив Академию в 1882 году, Савинский за картину «Больной князь Пожарский принимает московских послов» получил Большую золотую медаль. Репин писал тогда: «Одна есть светлая точка в Академии, это Чистяков... А уж вот учитель, так учитель! Единственный!! Благодаря ему только выходят такие превосходные результаты, как Савинский...»

С 1889 по 1930 год Савинский преподавал в Академии и всей душой отдался педагогической деятельности, которая занимала чуть ли не все его время. Поэтому число его живописных и графических произведений относительно невелико. Однако собранные на настоящей выставке, они говорят о большом таланте, помноженном на высокое мастерство.



В. Савинский. Автопортрет.

Изучение опыта В. Е. Савинского необходимо советским художникам. Особенное значение имеют его произведения для учащейся молодежи, помогая усвоению традиций русского реалистического искусства.

Выставка произведений В. Е. Савинского вызывает живой интерес художественной общественности.

ПЕРВЫЕ РЕКОРДЫ

Соревнование легкоатлетов

Легкоатлетический сезон начался повсеместно. В сотнях городов состоялись весенние кроссы, традиционные соревнования бегунов по улицам, матчевые состязания спринтеров, прыгунов, метателей. И несмотря на то, что прошли только первые майские встречи и еще не все атлеты вошли в спортивную форму, таблицы рекордов, особенно юношеских, кое-где уже обновлены.

Прежде всего хочется отметить новый успех самого юного в нашей стране мастера спорта — школьницы Нади Хныкиной. Недавно, во время розыгрыша «Кубка Тбилиси», ей удалось прыгнуть в длину с разбега на 5 метров 43 сантиметра — результат, превышающий норму взрослой спортсменки 1-го разряда. На этих же соревнованиях Надя Хныкина установила новый рекорд СССР для девушек в беге на 100 метров. Она преодолела эту дистанцию за 12,4 секунды. Для того чтобы по праву оценить достижения тбилисской школьницы, стоит вспомнить, что недавно на легкоатлетическом матче трех городов, в котором приняли участие сильнейшие спортсмены Москвы, Ленинграда и Киева, лучший результат в беге на 100 метров для женщин показала Зоя Духович, пробежав дистанцию на 0,2 секунды медленнее Нади Хныкиной — за 12,6 секунды.

Новый белорусский рекорд для девушек установила минская студентка Н. Обрубова: она пробежала 80 метров с барьерами за 12,9 секунды.

Еще лучшего результата (12,6 секунды) в этом же виде спорта добилась юная спортсменка Тбилиси — Мери Кочладзе.

На многих соревнованиях в крупных городах улучшены местные легкоатлетические достижения. На спартакиаде Ставропольского края обновлены 14 рекордов.

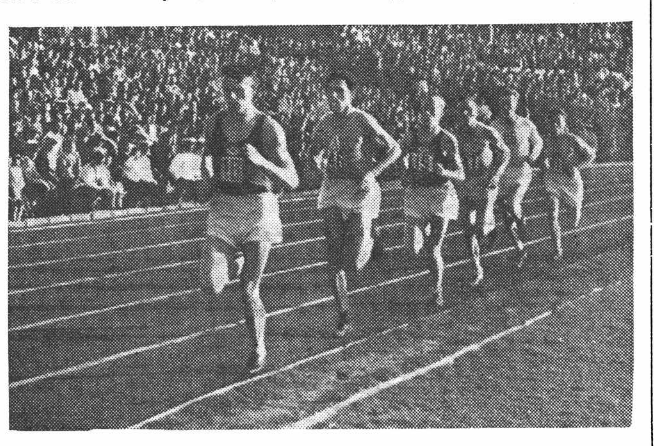


Крупного успеха добился бегун на длинные дистанции Никифор Попов. Во время матча трех городов он в борьбе с ленинградцем Пожидаевым прекрасно прошел всю дистанцию. Пять километров пройдены Поповым за 14 минут 33,8 секунды. Это новый рекорд, который на 3 с лишним секунды улучшает известный рекорд Серафима Знаменского, установленный в 1940 году.

В матче трех городов следует отметить отличное достижение молодого динамовского спринтера В. Сухарева, который пробежал стометровку за 10,5 секунды, обогнав Н. Каракулова на 3 десятых секунды. Такой же результат показан в Тбилиси спринтером Л. Санадзе. В нынешнем сезоне лучшего результата пока никто в Европе не показал.

Прекрасно провел бег на 110 метров с барьерами киевлянин Е. Буланчик. Он пробежал дистанцию за 14,5 секунды, лишь на одну десятую секунды хуже своего же всесоюзного рекорда.

К сожалению, однако, этим и ограничиваются лучшие результаты матча трех городов, в котором участвовали свыше 100 сильнейших легкоатлетов Москвы, Ленинграда и Киева. Лишь три спортсмена (Н. Попов, В. Сухарев и Е. Буланчик) выполнили нормы мастера, только 21 человек выполнили нормы 1-го разряда, а остальные показали результаты второго и третьего разрядов. То же самое можно сказать о соревновании женщин: лишь А. Чудина и Г. Ганекер выполнили нормы мастера. Для матча трех городов, даже если учесть, что он происходил в конце мая, результаты эти признать удачными трудно.



Рекордсмен Никифор Попов ведет бег.

Фото А. Бочинина

ПРАВДА О КОЛОНИАЛЬНОМ РАБСТВЕ

А. ЖУРАВСКИЙ

...Люди стояли, тесно прижавшись друг к другу, и слушали выступления ораторов, поднимавшихся на импровизированную трибуну. Говорили негры. Их слушали тоже негры. Потом зачитывалась резолюция, и толпа в эти минуты хранила напряженное молчание — такое молчание, которое бывает убедительнее самых громких возгласов одобрения. Но вот чтение резолюции закончилось, и мгновенно сотни людей, присутствовавших на митинге, пришли в движение. Поднялся лес рук. Митинг проголосовал за резолюцию.

Но почему вслед за тем снова поднялись руки — на этот раз с зажатыми в них клочками бумаги? Потому, что принятая резолюция осудила ненавистную систему пропусков, без которых африканский негр не может ступить и шага. Эти-то пропуски участники митинга передают на трибуну, в президиум. С пристальным вниманием следят они за тем, как растет стопка бумаги, как подходит к ней простая негритянская женщина и поджигает ее.

Об этом митинге, состоявшемся уже в послевоенное время в южноафриканском селении Ланга, рассказывает индийский прогрессивный писатель Кумар Гошал в книге «Народ в колониях», выпущенной недавно Издательством иностранной литературы.

Автор книги правдиво описал быт многих миллионов людей — жителей колоний, расположенных в различных районах земного шара — в Африке и на крохотных островах Тихого океана, в Азии и у самых берегов Соединенных Штатов. При всем многообразии жизненных условий колониальных народов всем им присуща одна общая черта. Она делает гневные речи, звучавшие на митинге в селении Ланга, одинаково близкими жителям, скажем, острова Порто-Рико, от которого чуть ли не рукой подать до статуи Свободы, и населению Алжира и Малайи, Кении и Новой Гвинеи. Эта общая черта, колониальное рабство, — одно из самых отвратительных явлений империализма.

* * *

Вот одна из бытовых картинок, обычных для многих южноафриканских городов.

9 часов вечера. На улицах немало прохожих. Одни куда-то торопятся, другие просто гуляют группами или в одиночку. Но вглядитесь в лица этих мужчин и женщин: все это белые люди. Вы не увидите ни одного негра.

Вдруг на одной из менее оживленных улиц раздается пронзительный свисток полицейского: замечен негр! В какую-то долю секунды негр принимает решение скрыться за углом. Он круто поворачивает, бежит, стараясь держаться подальше от света уличных фонарей. Но свисток полицейского звучит непрерывно, и перед беглецом вырастает фигура другого блюстителя порядка.

Путь к отступлению закрыт — негр пойман.

В чем же состоит «преступление» этого человека? Только в том, что он без пропуска появился на улице в «запретное время». Его ждет штраф или тюремная камера.

Кумар Гошал приводит характерные цифры. В Трансваале (Южная Африка) черные обязаны иметь свыше десяти различных видов пропусков. Только за три года было оштрафовано или заключено в тюрьму около 274 тысяч негров. Для многих из них это означает принудительный труд на плантациях или на фабрике...

...В африканской деревне, расположенной в одной из колоний Испании или Португалии, появляется агент-вербовщик. Долго и красноречиво он живописует перед неграми сказочные перспективы, которые якобы ждут тех, кто согласится поехать на работу в город. Затем вербовщик извлекает из кармана стандартные контракты, содержащие бесчисленное множество пунктов, в которых нелегко разобраться даже опытному юристу. Он предлагает неграм подписать договоры на 5 лет. Грамотных людей среди негров крайне мало, и каждый из них ставит на бумаге отпечаток пальца, заменяющий подпись. С этого момента завербованный превращается в раба или, точнее говоря, становится рабом в еще большей степени, чем был до сих пор. И если на фабрике он нарушит один из пунктов договора, с содержанием которого, собственно, и не был никогда ознакомлен, «справедливый» суд выносит приговор: продлить срок контракта.

Кумар Гошал рассказывает об законе о земельных контрактах, который был опубликован в Южной Африке в 1932 году и установил полную рабскую зависимость черного батрака от помещика. Мало этого: в рабской зависимости от плантатора оказываются и дети сельскохозяйственного рабочего.

...Английский государственный деятель произносит речь о положении в колониях, принадлежащих Англии. О, он красноречив, этот государственный деятель! Он с пафосом говорит о процветании колониальных народов, о счастье, которое они якобы обрели в лоне Британской империи.

Столь идиллические высказывания издавна типичны для английских политиков. Но в высказываниях этих нет и грана правды.

Это миф, рассчитанный на простаков, самая грубая фальсификация. Приведем из книги Кумара Гошала выдержки из недавних донесений английских чиновников министерству по делам колоний.

Вот эти факты, не нуждающиеся ни в каких комментариях:

Британская Гвиана: «Все медицинские работники, практикующие в государственных больницах, а также в деревнях и сельских местностях, в один голос заявляют, что дистрофия (истощение) среди детей распространена повсеместно».

Свазиленд (Африка): «Свыше 80 процентов новорожденных страдает от истощения».

Базуталенд (Африка): «Повсеместно наблюдается сильное истощение людей».

Остров Барбадос: «Совершенно очевидно, что в течение многих лет жители, занимающиеся сельским хозяйством, не имеют возможности содержать свои семьи, вероятно, вследствие их многочисленности и низкой заработной платы, которую они получают».

Багамские острова: «Широко распространена пеллагра, а плохое питание вызывает огромное количество заболеваний и истощение населения».

Золотой Берег (Африка): «Широко распространен туберкулез».

Ужасны условия жизни трудящихся и в колониях Соединенных Штатов.

Вот большой тихоокеанский остров Гуам, с конца прошлого века принадлежащий американцам. Народ Гуама не избежал участи других колониальных народов.

В книге Кумара Гошала приведены высказывания бывшего министра внутренних дел США Икеса. Он сообщал, что на острове Гуам американский губернатор издал распоряжение: 1) запрещается употреблять язык местного населения — чамарро — в правительственных учреждениях и школах; 2) предлагается сжечь словари языка чамарро.

Так ведут себя американцы на Гуаме, острове, который они уже давно превратили в военную базу.

А вот другая тихоокеанская колония Соединенных Штатов — острова Самоа. Достаточно ознакомиться с кодексом законов, изданным американцами на Самоа, чтобы составить себе представление о том, как жестоко и открыто эксплоатируется население этой колонии. Автор приводит одну из статей этого кодекса. В ней говорится следующее: «Ежегодно 15 декабря каждый житель Самоа мужского пола, достигший 5 футов и 1 дюйма роста, будет облагаться персональным налогом, который будет именоваться подушным налогом и размеры которого будут устанавливаться губернатором».

Кумар Гошал повествует в своей книге и о судьбе Филиппин, страны, завоеванной американцами почти полвека тому назад после продолжительной, кровопролитной борьбы с филиппинскими партизанами и получившей недавно от Соединенных Штатов лишь фиктивную независимость, которая на деле ничего не меняет в положении народа.

Филиппины сегодня — это множество арендаторов жалких клочков земли, вынужденных отдавать помещику две трети своего нищенского урожая. Филиппины сегодня — это американские военные базы, разбросанные по всей стране. Филиппины сегодня — это диктатура американских ставленников, служивших ранее японцам, и безжалостные репрессии против демократов...

* * *

Насыщенная богатым фактическим материалом, книга Кумара Гошала не лишена недостатков. Самым крупным недостатком является высказанная автором мысль о возможности уничтожения колониальной системы без уничтожения капитализма. Разумеется, эта точка зрения находится в полном противоречии с марксистско-ленинским учением. Ошибки Кумара Гошала легко заметит советский читатель.

Ценность же его книги состоит в том, что она дает реальное представление о жизни народов колоний, эксплоатируемых империалистическими хищниками, об усиливающейся борьбе этих народов со своими поработителями.



Жилища африканцев близ города Иоганнесбурга.



ДЕНЬ В ЦЕНТРЕ КУЛЬТУРЫ

М. ГОРЬКИЙ

Рисунки О. Верейского

Еще в дореволюционную пору, когда либералы всех мастей видели идеал «цивилизации» в буржуазных государствах Западной Европы и США, Максим Горький гневно обличал лицемерную «демократию» и лживую «свободу» капиталистических стран. В своих знаменитых памфлетах Горький заклеймил правящие круги Америки и Франции.

После Великой Октябрьской социалистической революции Горький еще чаще выступал против «европейско-американского мещанства», окончательно озверевшего перед неминуемой гибелью империализма. Наряду с повседневным разоблачением внешней и внутренней политики буржуазных государств Горький считал весьма важным также освещение несомненных признаков разложения «быта» капиталистов, падения их «нравов», загнивания буржуазной «культуры». Недаром свою программную статью для журнала «За рубежом» он озаглавил: «Освещать быт, обнажать скрытую в нем политику»; а в тексте ее писал: «Культура освещается в быте, культура не существует вне быта». В своих статьях и полубеллетристических очерках на эти темы Горький стремился неизменно разоблачать «нравы и вкусы «послевоенной» буржуазии, небывало уродливое развитие роскоши, распад семьи, положение детей, рост сексуальных извращений, легализацию их, рост преступлений в среде крупной буржуазии, ее развлечения и т. д.», а также «буржуазную газету, кинофильм, театр, книгу и все, что относится к области «духовной жизни».

Памфлет «День в центре культуры» был опубликован в 1930 году в журнале «Наши достижения» № 3. Мы воспроизводим его с некоторыми сокращениями.

Огромный город накрыт грязновато-серой тучей. Она опустилась так низко, что кажется плоской и такой плотной, что разорвать ее может только сила урагана. На крыши великолепных зданий, на оголенные деревья, черные зонтики людей и асфальт мостовой сеется мокрая пыль, смешанная с горьким запахом дыма и грибов, которые загнили. Темно-каменные стены домов осклизли, они как будто покрыты плесенью, черная мостовая траурно блестит. Гудят, звонят автобусы, автомобили, трамваи, трещат мотоциклеты, и этот треск заставляет подумать, что у города расстроен желудок. Шум почти заглушает голоса людей, люди кажутся немыми, лишь изредка слух ловит сердитые окрики и печальное всхлипывание воды в трубах водостоков. Быстро идут навстречу друг другу пешеходы, и есть что-то враждебное в том, как неохотно уступает дорогу один другому. Мелькают в глазах желтые ноги женщин. Женщины, покрытые зонтиками, похожи на ожившие грибы более, чем мужчины.

За высокой стеною, сшитой из гладко выстроганного тёса, возводится, уплотняя город, еще одно огромное здание. Стена с низу доверха ярко расписана рекламами, у основания ее отсыревшая старуха, окутав голову и плечи изношенной, грязной шалью, молча продает газеты. Одна из реклам изображает женщину в голубой пижаме, она сидит в желтом кресле, пред изящным столиком, на нем — кофейный прибор. Тонкими пальчиками розовой ручки женщина держит маленькую чашку. Все — очень красиво и соблазнительно, только ноги женщины неестественно длинные.

К ним прижался спиною человек в черных очках, на деревяшке вместо правой ноги и без кисти на правой руке, левая висит вдоль тела, в ней зажата измятая, серая шляпа. Он — неподвижен и тоже кажется неуместно написанным на рекламе художником-реалистом. Но он — живой и каждые две, три минуты шевелится, подставляя прохожим шляпу. Жест этот он делает очень странно и сложно: сначала сгибает руку в локте, потом заносит ее медленно к правому плечу и, делая ею косой полукруг справа налево и сверху вниз, протягивает вперед. Лицо его морщится, перекосив рот, он двигает губами. Рука его держится вытянутой четверть минуты, не более, и снова бессильно падает вдоль тела. Этот сложный и трудный жест — бесполезен,— милостыню человеку в черных очках не подают, в течение двух часов никто не бросил монету в шляпу его. Черные стекла на месте глаз делают лицо его мертвым, и после каждого жеста он снова неподвижен, точно написанный на рекламе о пижамах. Он, должно быть, один из героев войны, «защитник отечества», «борец за национальную культуру». Рекламу он портит, он, вероятно, сотрет своей спиною ноги элегантной женщины, которая так изящно держит розовой ручкой маленькую чашку для кофе.

Широкие витрины магазинов показывают тысячи метров разноцветных материй, струятся потоки шелка и всюду — чулки, чулки! Пред витриной с чулками стоит группа женщин, над ними — многосводный пузырь черных зонтиков, он совершенно скрывает головы и лица. Женщины думают о ногах своих, и, вероятно, многие из них сожалеют о том, что природа создала их только двуногими. На четыре ноги можно бы натянуть две пары прелестных чулок.

Стремительно скользит по мокрому асфальту авто «Скорой помощи» и круто поворачивает на панель, почти упираясь в дверь магазина измерительных приборов,— дорогу ему пересек маленький шикарный автомобильчик на двоих; из него высовывается голова в блестящем цилиндре, желтое лицо с моноклем в глазу и кулак в рыжей перчатке, кулак гневно грозит шоферу «Скорой помощи», в другой руке человека с моноклем букет цветов. Спешно подошел полицейский в плаще, уже собралась небольшая толпа зрителей,— в авто «Скорой помощи» что-то неблагополучно, дверь в него открыта, суетятся два санитара, поднимая кучу мокрой и грязной одежды, полицейский отдает честь человеку в цилиндре и, подойдя к шоферу «Скорой помощи», вынимает из-под плаща книжку, карандаш.

— Виноват не я,— кричит шофер.

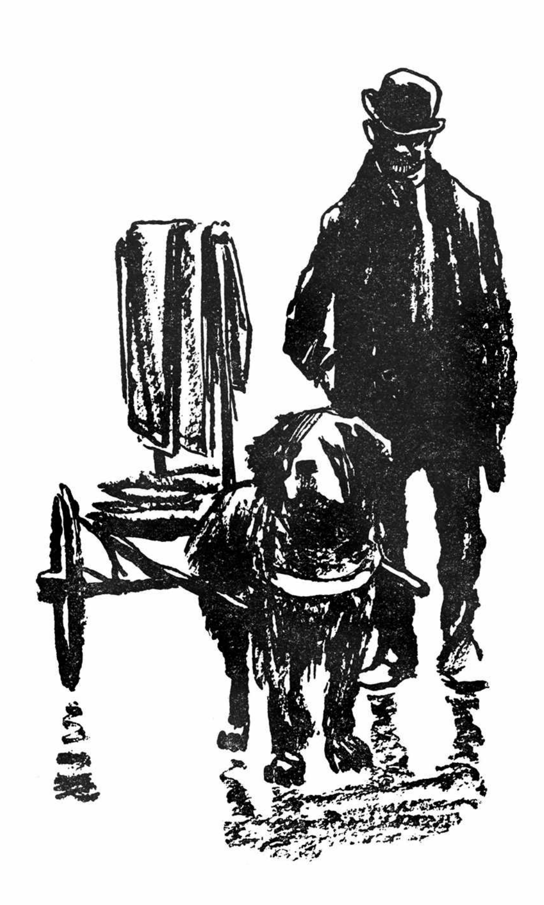
— Не он,— подтверждают зрители. Человек в цилиндре уже уехал. Полицейский молча пишет.

У витрины магазина готового платья для мужчин стоит некто в мокром пиджаке, окурок папиросы приклеен к его синей, нижней губе. Воротник пиджака поднят, одна рука засунута в карман измятых брюк, другая держит под мышкой маленький ящик, в нем шевелится, повизгивает кудлатый щенок. За стеклом витрины стоят великолепно одетые люди с головами из мастики, у всех верхние части

черепов пристегнуты глазами к скулам точно пуговицами, раскрашенные лица ангельски красивы, но несколько идиотичны. Вполне возможно, что без голов эти люди были бы внушительнее, но традиция требует, чтоб человек имел голову даже и в том случае, если она не нужна ему. Человек с кутенком под мышкой и окурком на губе смотрит на этих людей так, точно он горестно сожалеет: почему он не манекен и не стоит за стеклом? Он тоже умеет стоять неподвижно и от куклы его отличает только сухой, осторожный кашель. На серую кепку его регулярно, через определенное число секунд, падает крупная капля воды. Только одна почему-то.

Некоторые магазины налиты светом, и кажется, что люди в них плавают, точно рыбы в воде аквариумов. В одном разноцветно сверкают флаконы духов, рядом витрина резиновых изделий — игрушки для детей, игрушки для отцов, которые не желают иметь детей. Далее — выставка очень ярких картин: одна из них изображает фиолетовое дерево, а может быть — стог сена и синеватую женщину в тени его. Женщина — голая и лежит на боку в позе невероятно трудной,— одновременно и лицом, и спиной к зрителю. Синее тело ее наводит на мысль, что она не только лежит, но и разлагается. Напротив — магазин ювелира, торговля перчатками, серебряная посуда. На углу — роскошный магазин дамского белья и снова чулки, чулки! И снова группы желтоногих женщин очарованно застыли в сырости и запахе бензина, карболовой кислоты, лизола,— туман прижимает все запахи к земле. Тут-же, на углу, маленький, уютный писсуар, железные стенки его украшены заявлениями врачей-венерологов о их готовности лечить болезни, которые сопровождают любовь.

Откуда-то появляется тележка, запряженная большой, лохматой собакой, с красными глазами; очень старая собака, глаза ее гноятся. На тележке, впереди ее и сзади, торчат две палки, третья соединяет их, и на ней развешаны старые, хорошо выглаженные брюки. Сзади тележки идет, виновато улыбаясь, сухонький человечек небольшого роста, кривые ноги его шагают по асфальту нерешительно, как по тонкому стеклу. Из-под полей старого



котелка виден рот, растянутый улыбкой, и острый, небритый подбородок. Это — честный торговец, он не скрывает изъянов своего товара,— вся коллекция брюк в заплатах, к одной паре пришиты от колен продолжения из материи другого цвета, темнее; можно думать, что бывшему носителю этой пары брюк отрезали ноги. Пешеходы посматривают на торговца с недоумением.

Величественным жестом руки полицейский останавливает подвижной магазин брюк; собака устало садится на мокрый асфальт, но тотчас же встает и, оглянувшись назад, нюхает воздух. Что-то не понравилось ей, так же как и полицейскому. Он угрожающе поднял толстый белый палец, затем жестом полководца с дешевой картины протянул руку в глубину тихой улицы, украшенной двумя рядами мокрых деревьев; на каждом из них — по десятку желтых листьев, они как будто сосчитаны и оставлены только для того, чтоб напомнить людям о возможности весны. Хозяин магазинка брюк, сняв котелок, обнажив лысый череп, указывает полицейскому куда-то за его плечо, но полицейский неумолимо недвижим, и собака, зевнув, поворачивает тележку с брюками туда, куда повелевает власть.

— Все, что может быть куплено, должно быть продано; так или не так?

Это говорит седой, курчавый, горбоносый человек, в зеленом переднике, протирая тряпкой стекло витрины, забрызганное грязью.

— Да. Но — скорей, скорей,— торопит его маленький круглый приказчик, стоя у двери магазина.

Похоронная процессия тоже торопится. Черные люди в цилиндрах, ведя за собою тощих черных лошадей, шагают слишком быстро, они как будто смущены тем, что в таком великолепном городе, на такой богатой улице, им пришлось провожать кого-то, кто не мог заработать себе на похороны более приличные. Черная колесница судорожно трясет кистями и тихонько поскрипывает, внутри ее стоит гроб, небольшой, рыжий, он похож на чемодан. За колесницей следует наемный автомобиль, рядом с шофером — человек без шляпы, длинноволосый с растрепанной седой бородкой, в очках. А сзади автомобиля сердито стучит грузовик, наполненный бочками, они распространяют запах соленой рыбы, на бочках, прикрыв плечи брезентом, сидит парень в шляпе из клеенки; презрительно оттопырив губы, он наблюдает, как безуспешно шофер грузовика пытается обогнать черный катафалк, и, сплевывая на мостовую, покрикивает что-то шоферу.

— Снимите шляпу! Уважение к мертвым,— строго внушает толстый большой человек прохожему, который обогнал его. Но тот, очевидно, не уважает ни мертвых, ни живых; надвинув шляпу на лоб, наклонив голову, он стремительно несется вперед, расталкивая людей локтями рук, засунутых в карманы непромокаемого пальто. Он похож на сыщика из английского уголовного романа.

— Глупая голова,— бормочет толстяк, провожая его отталкивающим жестом, и, толкнув сразу двух дам, не извиняется перед ними...

В залах выставки картин молодых художников бродят десятка два юношей и девиц, шагает, точно цапля, человек с большим животом на длинных ногах и длинным лицом; кости лица обтянуты багровой кожей, круглые глаза болезненно вытаращены, рот полуоткрыт, зубы у него зеленоватые и два — золотых. Он вызывает впечатление человека очень несчастного, возможно, что это — художественный критик. Беспощадно яркие картины кажутся недописанными, видимо художники делали их крайне поспешно, нимало не заботясь об анатомической правильности линий человеческого тела и о законах перспективы. Вот — женщина, левая нога у нее вывихнута, впрочем, художник оправдал этот вывих тем, что надел на ноги женщины деревянные чулки и туфли с каблуками различной высоты: левый выше правого сантиметра на три.

На деревьях с листвою серого цвета стоит красный дом, сильно помятый ураганом, один его угол втиснут внутрь, колоды окон искривлены, из одного окна смотрит человек без ушей, с медным маятником часов вместо правой щеки. У подножья серых деревьев — ярко зеленые пятна, издали они напоминают ежей, но, может быть, это просто трава, только не было времени написать ее.

Сковородка с яичницей из двух несвежих яиц, шампиньоном и кусочком помидора, конечно — «натюр морт». Но девушка в клетчатом пальто, посмотрев на сковородку, говорит спутнику своему.

— Я ее знаю, это — жена его брата. Очень похожа.

Человек с длинными ногами смотрит на картины очень пристально и долго, потом отходит к окну и механическим пером пишет в толстенькой книжке. Лицо его становится все более несчастным и унылым, на этой выставке ярчайших красок он, как будто, окончательно убеждается в своей бездарности.

В залах, так же как на улице, сильный запах бензина и плесени. На десятках полотен вихри красок хотят вырваться из тусклой действительности, но, еще более искажая ее, преодолеть не могут. Картины убеждают, что искусство живописи, теряя волшебную способность украшать жизнь, подчиняется грубой силе текущего дня, но все еще немножко бунтует против его и, прикрываясь «наивностью», со-



здает злые шаржи. Грустное и нелестное для художников впечатление вызывает этот бунт из-за угла.

Хотя глаза утомлены бессвязной пестротой красок, истеричными мазками кистей, но после этого испытания — мокрые улицы каменного города кажутся еще более мрачными, а весь город — декорацией трагедии, исполнители которой опаздывают качать игру. Группа рабочих, вырыв на площади длинную яму, хоронит в ней широкую трубу. Другая группа разбивает асфальт кирками, третья копается в глубокой канаве, удлиняя ее. Работают молча, торопливо, с ожесточением, из-под шин авто на них брызгает жидкая грязь. Стоят два полицейских в плащах, оба точно склепанные из железа. Они как бы олицетворяют несокрушимое равнодушие прохожих и проезжих обывателей города к людям, которые работают для их удобства.

Огромное тяжелое здание набито оружием, которым «защищал свою свободу» народ этой страны против народов других стран, которые «защищали свою свободу» от натиска народа этой страны. Здесь можно любоваться всеми формами орудий убийства от простой дубины, окованной железом, и от самострела до пулемета и чудовищной длинной пушки с оторванным концом хобота. Рыцарские доспехи и современные ружья, мечи, кинжалы и штыки, которыми можно колоть, рубить, пилить. Очень много вещей сделано художественно, а в общем — огромное количество испорченного металла. Пройдут года, разразится та, последняя война, которая уничтожит возможность массовых убийств, столь выгодных империалистам, на эту выставку придут дети, и очень трудно будет им поверить, что предки их, живя впроголодь, тратили неисчислимое количество средств и сил для того, чтоб истреблять друг друга.

Ресторан туго наполнен обедающими. Все они сидят на стульях замечательно крепко, плотно и кушают так, как будто завтра им уже не дадут есть. Дымно, и в сизом дыме плавают, точно угри в воде, слуги, разнося пищу по столам. Пианино, скрипка и саксофон пы-

таются заглушить лязг ножей, вилок, дребезг посуды, звон стаканов и ворчливые голоса. На саксофоне играет человек с голодным лицом и стеклянным глазом, мертвый взгляд этого глаза неподвижно устремлен в широкую, голую спину женщины,— она чистит яблоко, срезая с него очень тонкий слой кожицы, чистит медленно. Наверное она скушала бы яблоко вместе с кожей, если б на одном из ее пальцев не сверкал крупный бриллиант. Женщины, у которых нет бриллиантов, показывают ноги.

Ресторан — скромный. Дамы раскрашены умеренно, мужчины в меру толсты. Все вместе они кажутся членами огромного семейства, которое выработало для каждой единицы и для всех обязательную манеру есть, пить, ковырять в зубах, улыбаться, одни и те же поклоны, жесты, междометия. Вполне допустимо думать, что каждый из них обязан круговой порукой употреблять определенное количество точно установленных слов, например: 113. Человек, который употребляет 133 слова,—уже не понятен и считается «вольнодумцем».

Слуга «нечаянно» плеснул пивом из кружки на колено гостя, тот вскочил со стула и, яростно размахивая салфеткой пред лицом слуги, указывая всеми пятью пальцами на колено свое, закричал, как будто его облили серной кислотой или расплавленным свинцом. Десятки пар глаз смотрят на слугу уничтожающе, и все люди, ближайшие к месту драмы, прячут колени свои под столы. Один из них громко «констатирует факт»:

— Эти люди служат все хуже.

— О, да,— соглашаются с ним.

Какое единодушие, какая солидарность чувств и мнений!

Если б ресторан загорелся, члены этой секты сытых, наверное, вышли бы из огня целы и невредимы. В случае катастроф они тоже оставляют женщин позади себя, а если женщины мешают им спасать пиджаки, брюки и кожу,— мужья и любовники избивают женщин, как это бывало всегда и было еще недавно в одном из «центров национальной культуры».

На улице стало светлее, чем днем, город богато засеян разноцветными огнями, дождь падает серебряной и золотой пылью, на крышах, на фасадах зданий сверкают огненные рекламы, витрины магазинов, точно жерла печей, где горят, плавятся и создаются вещи всех форм и цветов, всюду блестят круглые глаза автомобилей. Отражая эту безумнейшую игру земных огней, небо смущенно покраснело,— в нем ни одной звезды. Совершенно ясно, что один из центров земной культуры богаче светом, чем эти старенькие, прокопченные дымом, выпачканные облаками небеса с их созвездиями и Млечным путем, более тусклым и бледным, чем рекламы кино.

Вспоминается напечатанный в Библии анекдот о распутном царе Валтасаре; однажды на стене его дворца появились написанные огнем слова:

— «Мани, текел, фарес!»

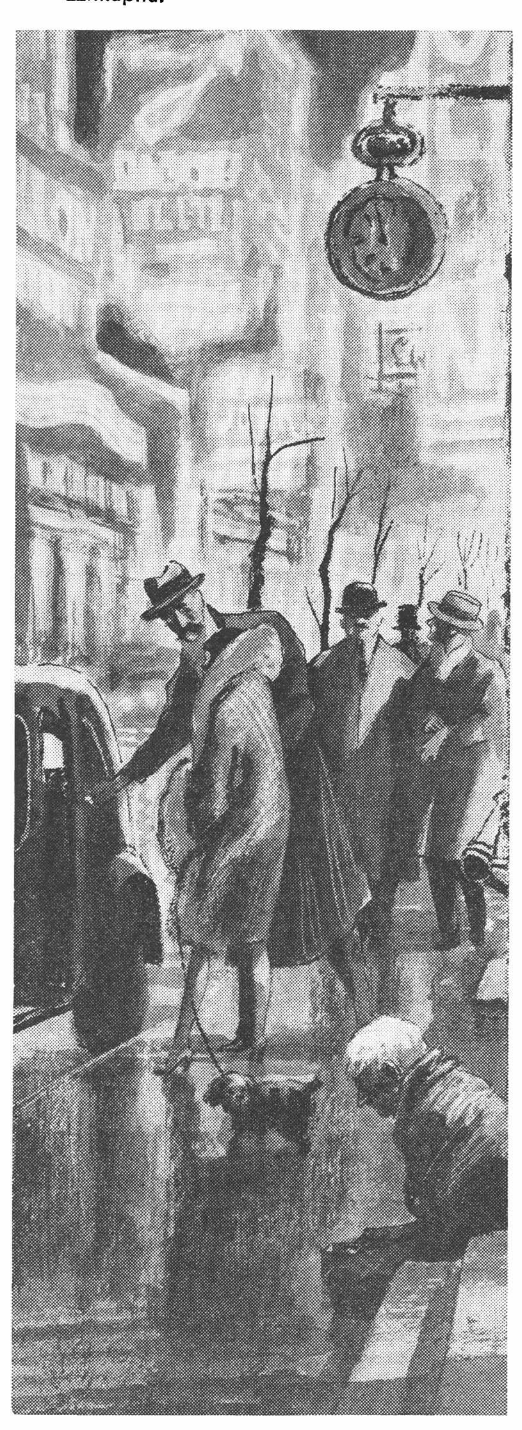
Смысл этих слов остался неразгаданным и до сего дня, но Библия утверждает, что Валтасар погиб, а царство его было разрушено.

В наши дни огненные слова, никого не пугая, соблазнительно кричат о зубной пасте, о кондитерских и серенькой наслаждении кинофильм. Дерзкий богоборец Прометей, похитив огонь с небес, действительно оказал серьезнейшую услугу торговой рекламе. И давно бы пора ставить на улицах культурных центров, на месте неуклюжих фонарей фигуры врага богов, с фонарем в руке. Этого не делают вероятно потому, что б вольнодумцы не вывали Прометея за циника Диогена, который долго и безуспешно искал с фонарем в руке человека на земле.

Диоген, живи он среди нас, вероятно заметил бы человека, который уютно устроился на панели между дверями в магазин часов и магазин художественных изделий. Это — человек сокращенный до минимума, ноги у него отрезаны по колени, правая рука — по плечо, левая — по локать. Голова — цела, покрыта серебром волос, между ними — темные клочья еще не успевших поседеть, он как будто в серебряном шлеме, художественно украшенном чернью. Глаз — один, другой закрыт черной повязкой. Лицо — неестественно измято. Между обрубками его ног стоит жестяная коробка из-под бисквитов; наклонив голову немножко на бок, он смотрит уцелевшим глазом в эту коробку, ожидая, когда ее наполнят монетами. Бесконечной вереницей мимо него идут двуногие, цельные люди, одетые тепло и красиво, скользят авто, похрюкивая, точно огромные безголовые жирные свиньи.

Из магазина художественных изделий выходит высокий человек с большими усами, в пенснэ, в мягкой, серой шляпе, в длинном пальто, рядом с ним окутанная мехом дама на тонких ножках и высоких каблуках; бережно ставя золотистые туфельки на кафли панели, она ведет за собою на цепочке маленькую, рыжую мохнатую собачку. Собачка останавливает ее и, подняв изящную ножку, орошает обрубок ноги человека. И тут, заметив калеку, усатый бросает в жестяную коробку монету, великодушно возмещая собачкино неприличие. Затем усатый помогает даме своей и мехам ее поместиться в маленький авто фисташкового цвета, а толстенький пешеход, весьма похожий на того, который требовал «уважения к мертвым», говорит спутнику своему:

— Шикарна!



— Да,— соглашается спутник и добавляет:— Но содержать такую — очень дорого!

Они входят в кино. Там показывают «блестящий боевик», безмолвно разыгрывается серая тяжелая драма: полицейский, честный старик, имеет сына, тоже честного полицейского. Сын арестует воровку, очень красивую, богато одетую девушку, усаживает ее в автомобиль, везет в полицию. Девушка артистически плачет, она буквально моет слезами лицо свое, и мягкосердечная публика тронута, тысячи две мужчин и женщин сокрушенно молчат. Может быть кое-кто думает:

— Да, чорт побери! В мире нашем немало слез и страданий и если это хорошо подать,— оно волнует.

Но услужливый режиссер, зная публику, знает, что ей не нравится, если долго играть на одной струне,— девица забавно пудрит свой оплаканный нос, и этого вполне достаточно, чтоб публика захихикала. Затем преступная девица уговаривает честного полицейского заехать к ней на квартиру, квартира оказывается богато обставленной, очень трудно поверить, чтоб в ней жила воровка. Шикарная обстановка квартиры настраивает публику еще более гуманно, девица снова артистически плачет, и кое-кто наверное думает:

— Нет, чорт побери! Мир устроен не так плохо, если и на уменьи плакать можно заработать хорошие деньги!

Честный полицейский ходит из комнаты в комнату, осматривая роскошную квартиру, а возвратясь в ту, где он оставил девицу плакать, находит ее лежащей в широчайшей кровати, под великолепным одеялом. Девица объявляет, что она устала, взволнована, больна, не может ехать в полицию, и при этом оказывается, что у нее очень красивые плечи. Дальнейшее поглощается серой пустотой, затем вспыхивают сотни лампочек, освещая не очень довольные лица публики,— картину морального падения охранителя порядка прервали на самом интересном месте. Деньги берут большие, могли бы показать еще что-нибудь... Не все, конечно.

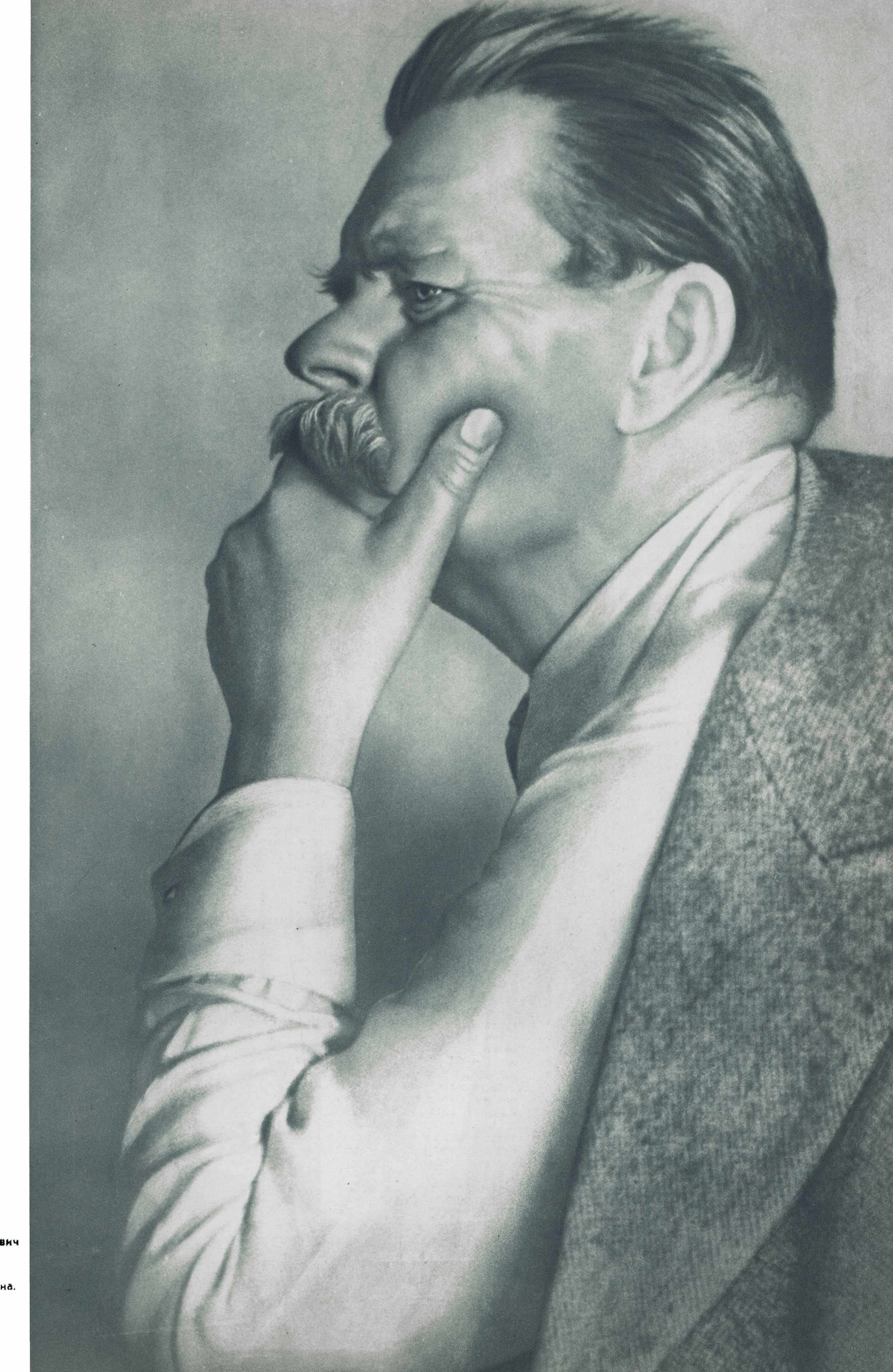
В следующей картине показано, как честного полицейского раздирают муки совести, как влюбленная в него воровка рассматривает забытый им служебный билет и портрет свой, как она посылает его рассеянному полицейскому, а он, думая, что это взятка, не посмотрев, что в пакете, возмущенно идет к ней, там все объясняется, честный малый снова целует воровку, но тут из другого центра культуры прилетает на аэроплане любовник воровки, только что ограбивший банк, мужчины, как это принято в драмах, дерутся, полицейский, конечно, убивает вора, затем он сознается в этом отцу, и честный старик сам ведет его в полицию. Все кончилось вполне благополучно: вор убит, воровка арестована, порядок торжествует, публика аплодирует двум поколениям честных полицейских.

Дождь перестал, дома, залитые огнями, как бы только что приняли ванну, стены и окна их кажутся теплыми, хотя воздух влажно холоден. Людей на улицах — больше, автомобилей — меньше, голодные женщины с раскрашенными лицами вопросительно заглядывают в глаза мужчин, возможно, что среди этих женщин невольно гуляет и воровка, отбыв срок наказания. Впрочем, история воровки выдумана для развлечения публики и воспитания молодых полицейских. Последние монументально стоят всюду, где им указано стоять, бензиновый дым отечества окуривает их черные фигуры, шины авто брызгают на них жидкой грязью отечества.

Публика втискивается в зал кабаре, огромный, как манеж для верховой езды. Гремит и воет модная музыка, одна труба в оркестре жутко гукает точно болотная птица выпь, другая — пронзительно визжит, неистово гнусавят саксофоны. Кажется, что и музыка так же недописана, как недописаны картины на выставке. За столиками сотни мужчин и женщин усердно едят, пьют, на эстраде талантливые люди всех наций танцуют, поют, показывая опасные для целости костей своих акробатические трюки, соперничают друг с другом в силе и ловкости, в гибкости мускулов и остроумии смешных выдумок. Им помогают развлекать публику медведи, попугаи, кошки, собаки, обезьяны. Та часть зрителей, которая не ест или уже насытилась, благосклонно аплодирует артистам, одобряя нелегкий труд, забавляясь опасной работой. С полной уверенностью можно сказать, что многие зрители думают:

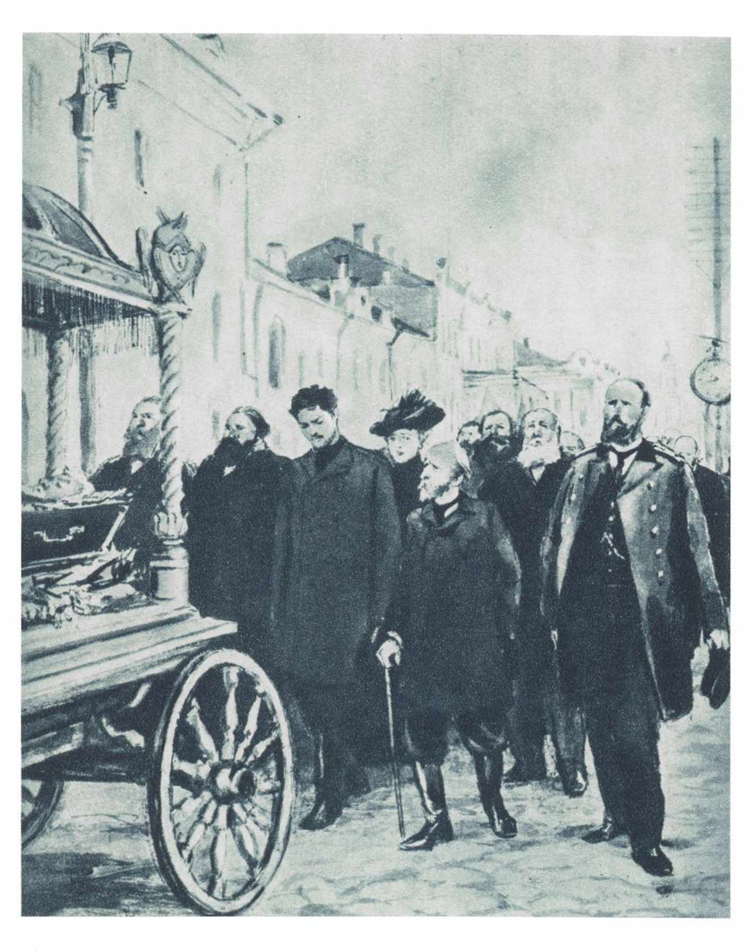
— А хорошо, что я не обладаю никакими талантами, иначе и мне пришлось бы делать что-нибудь в этом роде. Очень хорошо, что я не талантлив!..

. . . .



Алексей Максимович Горький.

Фото Э. Евзерихина.



...он шел, ничего не видя, кроме седой головы отца...



Фома Гордеев и Люба Маякина.

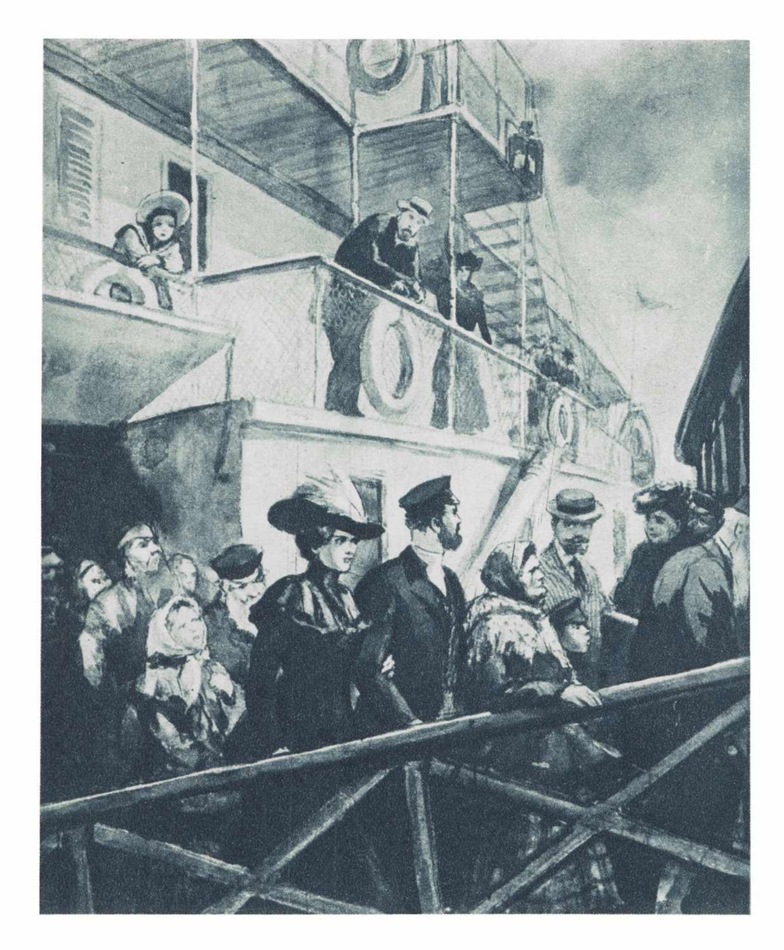
НОВЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ХУДОЖНИКОВ КУКРЫНИКС



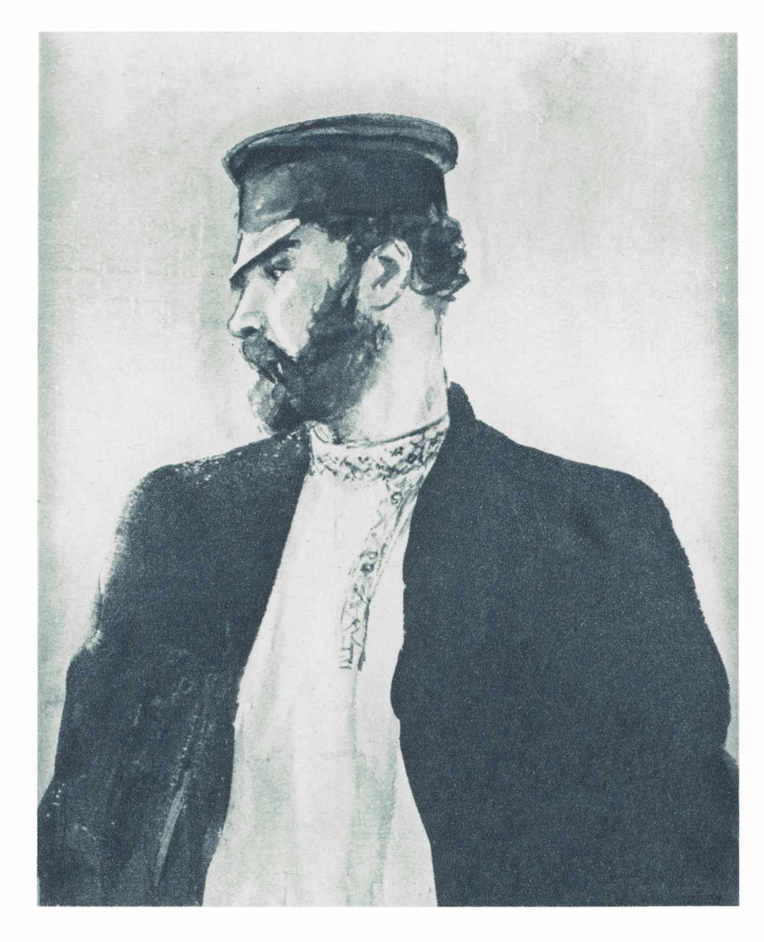
Яков Маякин.



Кто-то — должно быть солидный господин с бакенбардами — ревел басом:
— Топят... топят людеи...
— Разве вы люди?! — зло крикнул Фома...

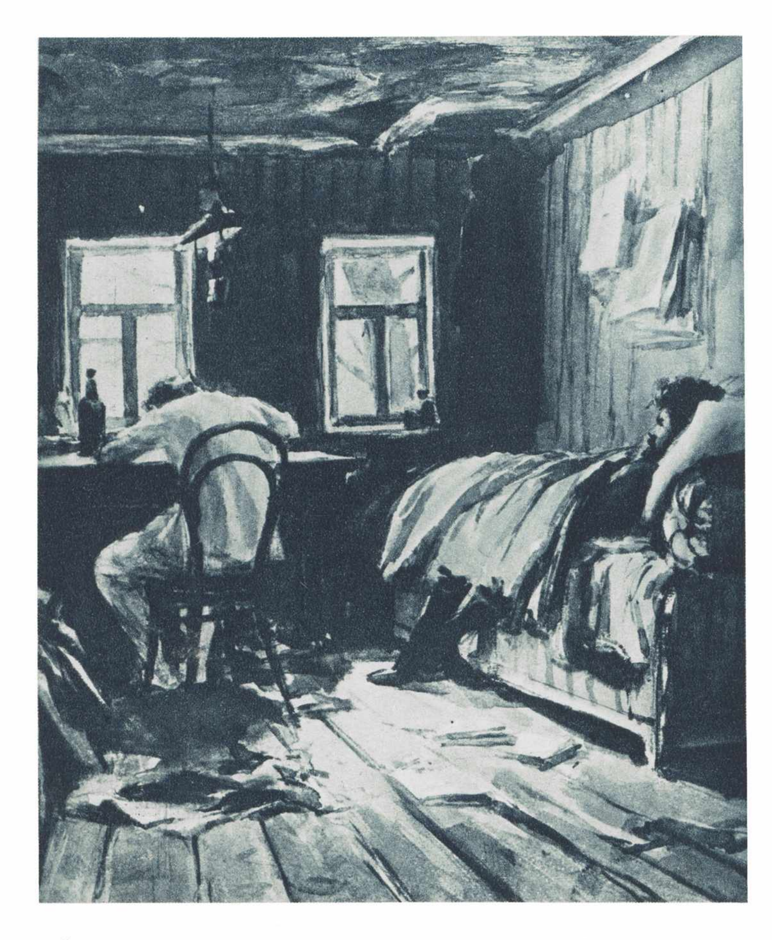


Пароход пристал, люди хлынули волной на пристань.

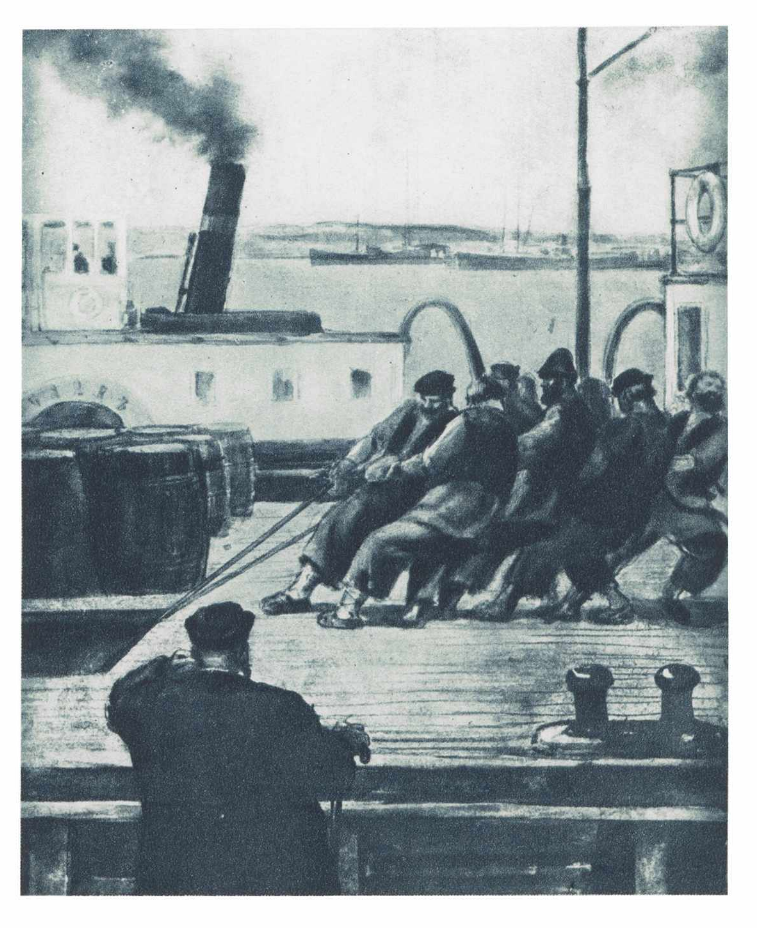


Фома Гордеев.

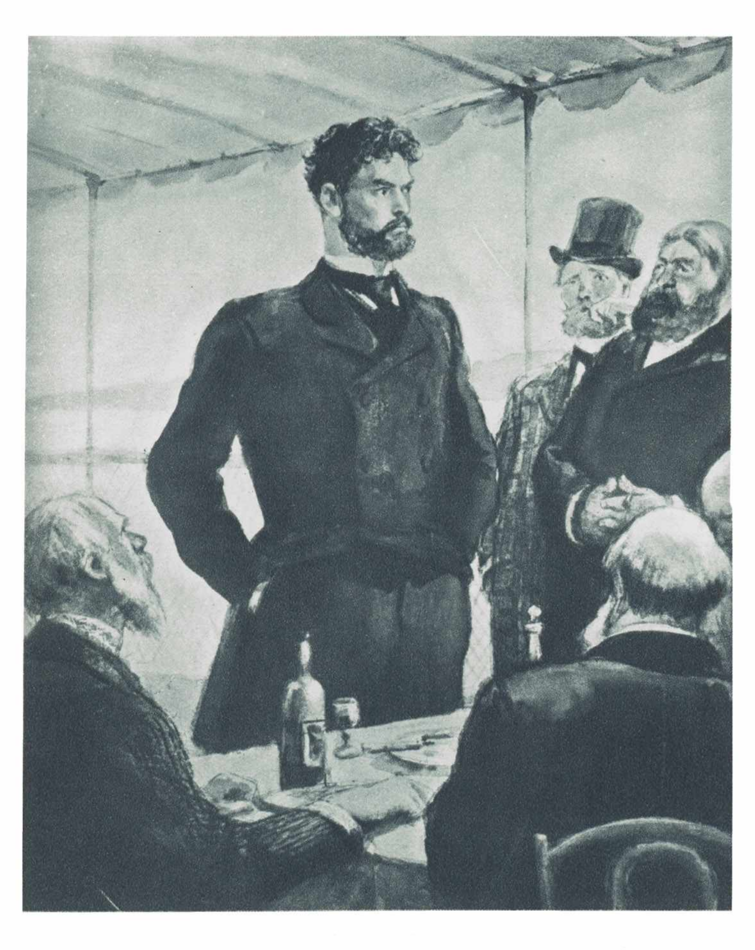
СЫ К ПОВЕСТИ А. М. ГОРЬКОГО «ФОМА ГОРДЕЕВ»



С трудом поворотив на подушке тяжелую голову, Фома увидал маленького черного человечка, он, сидя за столом, быстро царапал пером по бумаге...



...крючники, вытянувшись в две линии, выкатывают на веревках из трюма парохода огромные бочки.



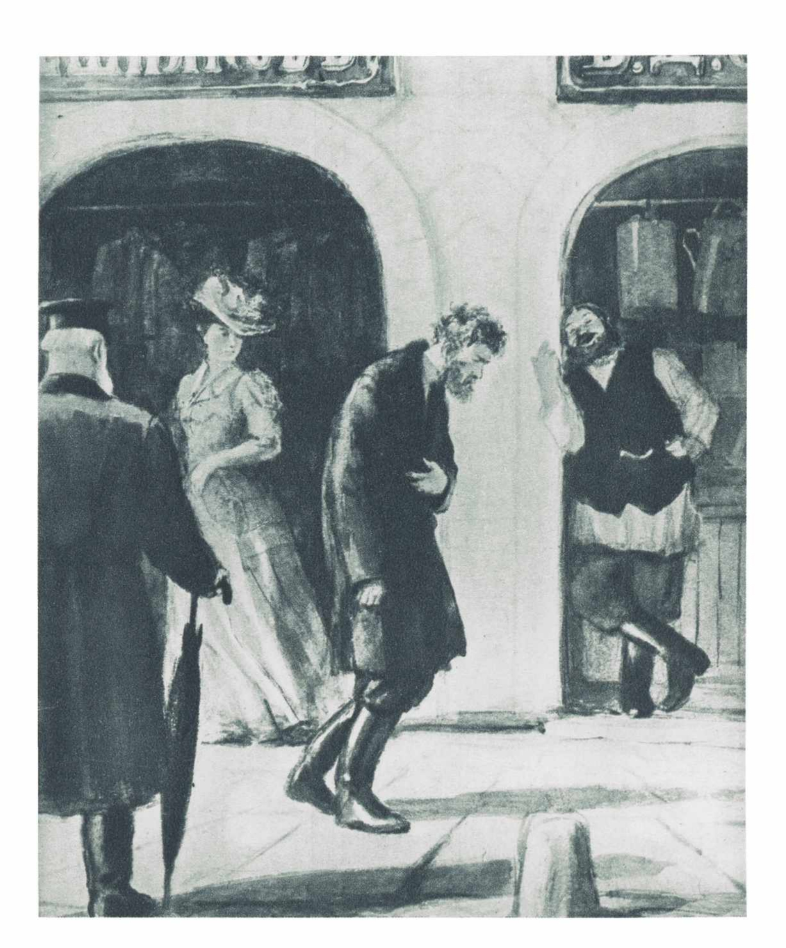
— Лестью да лаской вы мне теперь рта не замажете! — сказал он твердо и с угрозой. — Будете слушать или нет, а я говорить буду...



Фома отступил назад и очутился рядом с невысоким, круглым человеком, он, кланяясь Маякину, хриплым голосом говорил:
— Здравствуйте, папаша!



Теперь настала очередь издеваться над ним.



Недавно Фома явился на улицах города. Он какой-то истертый измятый и полоумный.

УТРОМ

Рассказ

Сергей АНТОНОВ

Рисунки О. Георгиева

Мы сидим возле моста: Алексей — на бревне, а я — на ящике своего теодолита. Мне нужна попутная машина, и я не свожу глаз с дороги.

Пятый час утра. Уже рассвело; небо под березовой рощей порозовело, но солнце еще не показывается.

Птицы спят. В деревне, растянувшейся вдоль оврага, в крайней избе затопили печь, и тонкий, волокнистый дымок покойно тянется вверх.

Изредка доносятся тупые звуки взрывов: возле плотины рвут лед. Явственно слышно, как тараторят колеса поезда, словно железная дорога совсем рядом, за ближним пригорком. А на самом деле поезд идет далеко-далеко, и не за пригорком, а в противоположной стороне, возле рощи, там, где виднеются прозрачные мачты высоковольтной передачи и новая труба кирпичного завода.

Стучит поезд, на откосах журчат ручьи, ухают вдали взрывы, и, несмотря на это, все вокруг, от земли до самого неба, наполнено спокойной утренней тишиной.

Она царит над рекой, над полями и крышами деревни, над рощей, надо мной, над Алексеем, и никакой шум не может спугнуть эту особенную неподвижную тишину, торжественную тишину ожидания солнца.

Алексей, парень лет двадцати трех, сероглазый и светловолосый, с широкими округлыми плечами и гладким блестящим лицом, словно только что умытый студеной водой из проруби, неторопливо насаживает пешню на шест и косится на снежную поверхность реки, покрытую темными пятнами. Ему поручено следить за мостом. За ночь он разобрал перила и перетаскал брусья и стойки метров за пятьсот, на горку, чтобы их не снесло в половодье. Вода в этом году будет высокая. Лед может пойти выше настила.

Делать Алексею пока что нечего, и он медленно, стараясь затянуть работу, остругивает топором шест пешни, и колечки стружки висят на его брюках. На нем кепка, надетая наискосок, и стеганый ватник нараспашку.

— А машины все нет...— говорю я, с беспокойством поглядывая на реку.

— Нету,— равнодушно соглашается Алексей.

— Лед пойдет, тогда ведь не проехать?..

— Конечно, не проехать.

— А вдруг лед пойдет раньше, чем машины будут? Тогда мне здесь двое суток загорать.

— Двое, а то и трое.

— Ну вот...

— А ты не беспокойся. Две машины пойдут. Васька из «Первой пятилетки» на своем драндулете за суперфосфатом поедет. Они всегда в последний день хватятся. И директор МТС машину за соляркой пошлет. Этот директор — человек крепкий: если надо, так он не посмотрит, ледоход там или не ледоход. Прикажет привезти солярку — и больше ничего.

Говорит Алексей тихо, как будто нехотя, и между каждым его словом я слышу тишину апрельского утра. Сыро и прохладно. Солнца все еще нет. В сером небе виден тающий месяц.

— Идет,— неожиданно произносит Алексей и перестает строгать.

— Кто?

— Моя. Кто же еще в такую рань вскочит.

Я прислушался. Поезд давно прошел. Взрывы кончились. И только ручьи, наперегонки сбегая в реку, попрежнему позванивают на откосах.

— Ишь, как торопится,— Алексей ласково усмехнулся.

— Это тебе показалось.

— Погоди. Сейчас и тебе покажется. Ясно, Дуська идет.

И правда, вскоре из-за пригорка появилась торопливо шагающая женщина в белом полушубке, сшитом в талию, и в валенках с красными калошами. В руке у нее узелок. Видно, что Алексею приятно и то, что она встала так рано, и то, что торопится к нему с завтраком, но он старается скрыть это от меня и делает хмурое лицо.

— Я думал, свежие, а это все те же,— говорит он жене.

Дуся ничуть не обижается.

— Простынешь. Застегни хоть ворот-то,— просит она.

— Не простыну. Талый воздух самый сытный. Силы наглотаюсь, и больше ничего,— отвечает Алексей, но все-таки застегивает воротник.— Чего принесла?

— Чего велел, то и принесла. Двинься-ка.

— Ничего. Ноги молодые. Постоишь,— говорит Алексей и двигается.

Дуся садится рядом, разворачивает узелок и достает из кармана соль, завернутую в бумагу так, как в аптеках заворачивают порошки.

Лицо ее закутано в полушалок, и видны только серые, по-ребячьи любопытные глаза и вздернутый нос.

— Вот гляди,— она достает кринку и свертки,— здесь молоко, здесь хлеб, яички. Скорлупу, гляди, не выбрасывай, домой снеси...

— Ну вот еще! Буду я скорлупу собирать.

— Да и сам поскорей приходи.

— Ага. Соскучилась!

— Больно надо по тебе скучать. Хорошо, хоть в избе не курено.

— Ну и ладно,— с трудом сохраняя серьезный вид, говорит Алексей.— Мне, видать, придется еще суток двое тут сидеть.

— Это почему? — пугается Дуся.

Испуг ее так искренен и неожидан, что Алексей не может удержаться от смеха.

— Да ну тебя... — Дуся машет рукой, поняв, что он шутит. — Ишь ты какой зубоскал. Не думай, не напугалась. Живи здесь хоть неделю, мне-то что... Хоть бы угостил землемера-то. Тоже, наверно, сидит не евши.

Она хочет переменить разговор, а Алексей все смеется. Становится смешно и мне.

— А ну вас... — говорит Дуся, смущаясь. — Конечно, отвыкла одна в избе ночью... Боязно... Ну, я пошла.

Попрощавшись со мной, она отправляется домой, и скоро шаги ее затихают за пригорком.

— Вот уже порядочно живем вместе, скоро год, а она без меня часу пробыть не может...

Я вижу, что Алексей хочет добавить еще что-то, думает, колеблется и не решается. Я вытаскиваю свои сплюснутые бутерброды, и мы начинаем завтракать.

Из-за рощи поднимается большое красное солнце. Не видно ни трубы кирпичного завода, ни мачты высоковольтной передачи: все расплавилось в розовом восходе.

— Она у меня Герой...— вдруг говорит Алексей.

— Я вижу,— отвечаю я, не поняв сначала, в чем дело.

— Да нет. Не то, что сорви-голова или там бойкая девка. Настоящий Герой! Герой Социалистического Труда. Вот она, ее звезда, и орден.

Он достал бумажник, опоясанный резинкой, и вынул из него Золотую Звезду.

— У меня тут надежнее. А то Дуська каждый день прячет в одно место, в другое, а когда надо, не знает, где искать. Один раз она эту звезду в коробку из-под конфет положила, коробку — в испорченный патефон, а патефон — в сундук, на самое дно. А потом, как на комсомольское совещание ехать, так и не найти было. Она всю избу на дыбы поставила. Велела теперь мне сохранять.

— За что ее наградили?

— За гречку. Гречневую-то кашу едал? Вот это самая и есть гречка. Она у нас самая привередливая культура. Эта культура ни холода, ни тепла не переносит. В холодное лето померзнет, в жаркое от солнышка сгорит. Маялись мы с ней, сеяли ее в три срока: сперва сеяли сразу, как только снег сойдет, потом еще раз, а потом чуть не летом. И, смотря по погоде, то ранняя выживет, то поздняя. А в позапрошлом году спустили нам план на гречку в пять раз больше, чем всегда. Мы — все правление — сильно призадумались. Одна Дуська смеется. Тогда я мимо Дуськи безо всякого внимания проходил. Так, вижу, бегает туда-сюда девчонка маленькая, вот этакая, да на комсомольских собраниях стрекочет без перерыва — и больше ничего. А эта Дуська бегала-бегала и надумала такую гречку, которая солнышка не боится. Надумала она ветвистую гречку... Как бы это объяснить лучше... Знаешь дерево тополь? Есть такая открытка под названием «Украинская ночь», на ней нарисован тополь. Так вот, нормальная гречка



вроде тополя, а дуськина — ветвистая, вроде дуба. У нее сверху листики, ровно зонтик, а под этим зонтиком, в тени — зерно.

— Это что, другой сорт, что ли?

— Нет, зачем другой сорт. От тех же семян. На поле мы ее тесно сеяли, все равно, как рожь там или пшеницу. Ей простору не было. А если ее посадить рядками, через полметра рядок от рядка, станет



тогда она ветвистая. Такую гречку три раза сеять не надо, ее солнышко не спалит. Вот когда мы осенью на колхозном собрании обсуждали свои дела, Дуська встала и просит, чтобы разрешили ее звену сеять гречку один раз в поздний срок, и обещается собрать пятнадцать центнеров с гектара.

— Ты, конечно, поддержал ее?

— Да видишь тут какое дело... Я тогда про ее опыты с гречкой ничего не знал. Ну а так, на слова, я не верю. Как только она выговорилась и села в президиуме, я встал и начал ее стыдить. Мы ориентируем народ, чтобы сев кончить как можно раньше, а она, глядите-ка, просит, чтобы ей сеять попозже. А всем известно, что гречиху пожжет солнце, сади ее хоть через полметра, хоть через метр. Сегодня Дуська какую-то неведомую ветвистую гречку придумала, завтра шестиногую козу выдумает, а мы должны потакать?..

Смотрю, народ смеется. Тут я, дурной, начинаю еще сильней высказываться... Я всегда, когда говорю на людях, так руку закладываю за пиджак, чтобы она у меня воздух не рубала, а тут и про руку забыл, машу направо и налево — и больше ничего. Дескать, не может быть никакой ветвистой гречихи.

Вижу, наши еще сильней смеются. Тут я понял: что-то не то. Уж не надо мной ли? Осмотрелся. Все у меня в порядке. А они все смеются. Дедушку Степана совсем завело: уже и дышать не может.

Я совсем спутался, стою, молчу, ничего не понимаю. А Дуська, оказывается, у себя на огороде для опыта посадила несколько кустиков рядками через полметра, и выросла у нее ветвистая гречка. И пока я говорил, она достала кустик своей гречки, пересаженный в горшок, и поставила за моей спиной на стол президиума. Я распинаюсь, что такой гречки быть не может, а гречка стоит, и все, кроме меня, ее видят. Так и молчу, не понимаю, с чего смеются. Наконец догадался оглянуться назад и язык-то закусил.

А председатель колхоза, у нас такой Иван Никифорович, гогочет на всю горницу, стучит карандашом и приговаривает: «Высказывайся, Леша, высказывайся. Не обращай внимания».

Конечно, надо мне было за такие насмешки на Дуську озлиться, но уж сам не знаю, почему, получилось наоборот. С того самого вечера обратил я на нее внимание... Да тебе, наверное, слушать скучно? Ведь это все сельскохозяйственная техника...

Я попросил рассказывать дальше.

— Ну ладно. Раньше видел ее каждый день, глядел, как она «семеновну» танцует, глядел, как бахчевод Павлушка ее на велосипеде катает — и больше ничего. А здесь вот с того самого вечера сбился. Конечно, первое время вида не подавал.

Стали сеять по ее способу. Я, сколько мог, помогал ее звену: то скажу, чтобы им получше коней выделили, то в МТС договорюсь, чтобы культивацию им провели в первую очередь. Танцовать научился. Вечером соберемся, песни играем, я с ней потанцую немного, доведу до избы, как полагается, а виду не подаю. Шут ее знает, как она догадалась, но вижу, что догадалась. Как вдвоем с ней останемся — насторожится и молчит. Неловко ей со мной. Ну, раз догадалась, так уж нечего тут. Я и сказал ей все честно, по-комсомольски. А она сказала: «Боюсь я тебя, Лешка. Больно у тебя много характеру. А я тоже нипочем не уступлю. Не пара мы с тобой». И ушла. А в воскресенье снова Павлушка катал ее на велосипеде.

Я тогда решил — все. Раз не хочет — значит все. На танцы ходить перестал. Сижу вечерами дома и читаю, читаю беспрерывно, а все кажется, Дуська вот тут рядом сидит и в эту же книжку смотрит. Я тогда даже поглупел малость. Поверишь ли: в зеркало стал глядеться. Век не глядел, а тут подойду к зеркалу и гляжу, гляжу, на нос погляжу, на глаза, на губы и думаю: «Да, только у тебя, Лешка и есть, что характеру много, а больше и нет ничего. Мать, и та заметила. Спрашивает: «Что это ты, Лексей, все в зеркало глядишь?..» Галстук в сельпо купил. Не люблю я этих галстуков: шею душат. А вот купил. Ходил к учителю за консультацией, как его, чорта, привязывать. Привязал, опять в зеркало гляжу и не пойму: лучше или хуже стало. В город, помню, на комсомольский актив поехал. Сижу в полуторке, гляжу на дорогу. И как попадается кто-нибудь на велосипеде, так у меня зубы скрипят. Не мог я видеть велосипедов — и больше ничего. Вот она как меня довела.

Пришло лето. Дни стояли жаркие. Бывало, проснешься утром, распахнешь окно, высунешь руку на волю, словно в теплую воду окунешь. Гречка у Дуськи росла с каждым часом. На комсомольском поле — как будто кругом молоко разлито — белый цвет гречки. Даже глазам больно. Сердце радовалось глядеть на это поле.

Однажды я пришел туда, когда Дуська и все ее звено пололи.

— Чего это ты каждый день к нам повадился? — спросила Дуська. Встала она против меня, рукава засучены, в руках по кусту пырея, и глядит мне на галстук и глазами усмехается. «Ишь ты, думаю, какая. Один на один молчишь, робеешь, а на людях так смеешься. Ладно, сейчас я тебе и при людях покажу, зачем каждый день на поле бываю. Как будто я людей испугался!» В общем сгреб я ее в охапку, да и поцеловал. Она бьется, отворачивается, да от меня и мужику нелегко отбиться.

Девчата визжат, смеются, а я целую, и больше ничего. Вижу: сейчас заплачет — выпустил. Стоит она красная, трепаная, косынка на спину сбилась. «Вот гляди, сколько гречки стоптал, сколько вреда наделал»,— сказала она. Я отвечаю, что, мол, ничего, пользы больше принес. Ведь помогал им. «Помогал! Как увидел, что гречка рекордная растет, так и начал про свою помощь звонить. А ты вспомнил, что на собрании городил?» Я начал было отвечать, а она и говорить не дает: «Нужна нам твоя помощь, как пятое колесо. И без твоей помощи обойдемся. А то как увидел гречку, так и начал подмазываться к чужому делу». Хотела она меня обидеть или так, сгоряча, сказала, не знаю, но меня ее слова словно ударили. «Ты, говорю, смотри, не заговаривайся, звеньевая. А то ни разу больше не подойду». «А я тебя и сама на свой участок не пущу. Знаю, чужими руками хочешь почет заработать». Еще сильнее ударили меня ее слова, и, чтобы не сказать чего-нибудь дурного, я в кровь закусил губу, но поднял гребень, сунул его Дуське в руку и только тогда ушел. «Ну все, думаю, пускай сами работают».

И в тот же день, как нарочно, хватились девчата, что пчел нехватает для опыления этой гречки. Стали ездить в колхоз «Победа», вон туда, за реку, просить, чтобы пасеку переставили на наши поля. А в «Победе» не дают! И председатель ездил, и Павлушка на своем велосипеде, и сама Дуська — не дают. Вижу — дело плохо. Председатель ругается. Дуська ревет. А мне ехать в «Победу» никак нельзя. Дуська подумает, подмазываюсь. Но на другой день решился. Взял вечером нашу полуторку и поехал в «Победу», у меня там дядя двоюродный живет, Федор Никитич, у него пасека на двенадцать ульев. Сидел я у него часов до одиннадцати, объяснял, что ему же самому будет польза. Ведь гречишный мед самый сладкий. Дядя то соглашался, то нет. А его жена, Пелагея Степановна, вовсе не соглашалась. Наконец она ушла спать, а одного-то Федора Никитича я уговорил быстро. Погрузили мы с шофером колоды, привезли ночью, и тут же, за ночь, поставили их на гречишных полях. Я попросил шофера не говорить никому, а особенно Дуське, о том, что это я привез, и пошел в избу. Устал я тогда сильно, вошел в горницу и сразу, не раздеваясь, кинулся спать. Немного поспал, слышу, будят. Встряхнулся. В избе светло. Мамы нет. А около постели стоит Дуська и глядит на меня так, как еще никогда не глядела.

— Леша,— говорит она,— кто ульи привез?

— Не знаю,— отвечаю я и поворачиваюсь на другой бок.

— Ты только не сердись, Леша. Пелагея Степановна приехала.

— Зачем?

— Ульи обратно забрать. Ругается.

— А ты не давай! Федор Никитич — хозяин...

— И Федор Никитич с ней здесь, на поле.

— Ну и что?..

— Что ж... Он грузит, а она командует.

— Эти ульи, кажется, Василий Иванович, шофер, привез. Сходи к нему, пусть он разберется.

— И Василий Иванович там. Ничего не помогает.

Я хотел было вскочить, но Дуська нагнулась и прислонила к моей щеке свою холодную щеку. Потом сказала на ухо: «Хороший ты, Леша, красивый ты, да разве можно так-то, при всех» — и выбегла на улицу, чуть маму в дверях с ног не сбила.

Я сел на кровати. Сижу. «Наконец-то, думаю, ей моя физиономия приглянулась». Мама вошла с подойником, поглядела на меня и встала, как вкопанная. «Что это с тобой, Лексей?» — сказала она. «А что?» «Посмотри-ка в зеркало...» Я глянул и ахнул. Все лицо перекошено. Пчелы ночью перекусали. Губа вздулась, под глазом вот этакая шишка голубая, ровно чернилами вымазан... Дуська, увидев такую физиономию, сразу, конечно, догадалась, кто пчел привез, а ничего не сказала. Хитрая. Ну умылся, пошел на поле. Федор Никитич со своими пчелами уже уехал. Девчата стоят, руками разводят. Но скоро вышли из положения. Надумали они искусственно опылять гречку — веревками. Навешали на веревку тряпок, взялись за концы и тянут тряпки по цвету. Опыление получается не хуже, чем от пчел... Да тебе слушать неинтересно про эту нашу сельскохозяйственную технику...

Алексей умолкает и начинает аккуратно собирать яичную скорлупу в бумагу. Солнце уже высоко, и снова видно трубу кирпичного завода, розовую, как очищенная морковка, и словно вычерченную на небе мачту высоковольтной передачи. Река вздувается...

— Вот она, и машина идет, Васька из «Первой пятилетки» едет,— говорит Алексей.

Я еще ничего не слышу, но радостно начинаю собираться. Вскоре действительно подходит машина. В кабинке, к сожалению, два человека. Я гружу рейки, треногу, теодолит и, попрощавшись с Алексеем, забираюсь в кузов. Мы едем весенними полями и рощами, и я долго думаю о новой красоте человеческой...

Шахтерская СТОЛИЦА

Четверть века назад — в 1924 году — Всеукраинский центральный исполнительный комитет удовлетворил ходатайство Юзовского городского Совета о переименовании Юзовки в город Сталино. До той поры Юзовка имела уже более чем полувековую историю своего существования, в некотором отношении весьма примечательную.

Возникновение Юзовки относится к тому периоду минувшего столетия, когда в Южную Россию целыми массами переселялись иностранные капиталы, инженеры и рабочие... Переселившись внутрь таможенной стены и недурно устроившись на «чужой» почве, международный капитал как бы демонстрировал истинность латинской пословицы: «Где хорошо, там и отечество».

Англичанин Джон Юз, облюбовав богатства, таящиеся в недрах донецкой степи, получил от царского правительства щедрые кредиты, и скоро на берегу Кальмиуса, на месте безвестного Овечьего хутора, появились рельсоделательный завод и шахта, снабжавшая его каменным углем. В карман предприимчивого колонизатора потекли обильные барыши. Наличие избыточной рабочей силы — безземельных, обнищавших русских крестьян — представляло для Юза невиданную выгоду и позволяло нещадно эксплоатировать их.

Но нужда гнала людей в «Юзовку». Число заводских рабочих и шахтеров неуклонно увеличивалось. Еще в 1870 году здесь обитали всего 164 жителя, а за какое-нибудь десятилетие в Юзовке образовался город с 29-тысячным населением. Накануне первой мировой войны здесь насчитывалось уже 40 тысяч жителей.

Это был типичный рабочий поселок того времени. Рабочие со своими семьями ютились в зловонных «балаганах» и в «каютах», как назывались вырытые на склонах балок землянки. Жизнь в этих условиях была невыносима.

История Юзовки после переименования ее в город Сталино, совпавшего с подъемом хозяйства нашей страны, — это история неуклонного роста ее промышленности, городского хозяйства, культуры. Основанный Юзом металлургический завод был обновлен и расширен в такой степени, что, по существу, превратился в новое предприятие. Появились мощные шахты, трамвай, были сооружены индустриальный и медицинский институты, театр, созданы Парк культуры и отдыха, картинная галлерея, исторический музей. В 1941 году в городе обучалось много тысяч студентов, имелось 113 школ с 85 тысячами учащихся, работали многочисленные лечебные, торговые и бытовые учреждения.

Немецкие захватчики причинили шахтерской столице огромный ущерб. Они разрушили все заводы и шахты, школы, коммунальное хозяйство, сожгли 3760 домов, сотни магазинов.

Потребовались титанические усилия донецких тружеников и помощь всей страны, чтобы вновь вдохнуть жизнь в мертвые кварталы города и возвратить ему былую индустриальную мощь и славу.

Ко дню своего юбилея город Сталино приобрел почти довоенный облик, во многом стал даже лучше. За годы возрождения в нем построено около 700 тысяч квадратных метров жилой площади, восстановлены все школы, действует до 300 лечебных учреждений, три института, 55 клубов и дворцов культуры, 240 библиотек, два театра. Снова открылась филармония. Издаются две газеты, книги, действует широковещательная радиостанция.

Доброе имя сталинских шахтеров, металлургов, машиностроителей и тружеников других профессий ожило в эшелонах угля, кокса, проката, в изготовляемых на заводах города машинах, во множестве изделий легкой и пищевой промышленности.

Будущее шахтерской столицы прекрасно. Уже в ближайшие годы здесь вырастут новые жилые кварталы, новая площадь со скверами и фонтанами, новые парки, новые мосты и многое другое. Город станет еще более достойным имени великого человека.

Ал. ИОНОВ



Восстановленный жилой дом работников комбината «Сталинуголь» на улице Артема.

Государственный театр оперы и балета в городе Сталино.

Фото Л. Азриеля

Исследователь, поэт, новатор

Олег ПИСАРЖЕВСКИЙ

Когда вспоминаешь Александра Евгеньевича Ферсмана, всегда представляешь себе его в шумном окружении друзей, учеников, последователей. Он возмутился бы, если бы ему сказали, что счастье ученого состоит в уединенном общении исследователя с природой.

Мне пришлось как-то искать встречи с Ферсманом в санатории «Узкое» под Москвой, где отдыхают и работают ученые. В ожидании условленного свидания я отправился побродить по тенистому парку. У обочины главной аллеи я наткнулся на странную груду камней. Здесь были шлифованные «чортовы пальцы» из речных размывов, причудливо изломанные кремни, отпечатки доисторических раковин и другие окаменелости и настоящие камни. Я терялся в догадках: кто мог сложить здесь это сумбурное собрание достопримечательностей ископаемого царства? И вот что мне рассказали.

Врачи закрыли больному Ферсману доступ в Минералогический музей, в лаборатории. Он мечтал в то время о создании Дворца истории земной коры, а врачи предписали ему покой и бездействие. Наивные люди! Больной часами лежал в шезлонге, напоминая Марата своим крупным, массивным, безбородым лицом и всегда сверкающими глазами. Он исполнял предписания, он не делал ничего — он только разговаривал. Он только рассказывал, но поток обуревавших его образов и идей увлекал слушателей. И они: старые индологи, академики архитектуры, мореведы — отправлялись в «дальние странствия» по окрестным оврагам за добычей. Они выгружали ее здесь, у порога «стоянки Ферсмана» из всех карманов, чтобы спросить, о чем говорят камни. Они заново обучались по этим обломкам планеты уменью видеть мир. Таковы чары поэзии. Она овладевает нами, помимо нашей воли...

Камень, согретый дыханием истории

Ферсман начинал свой путь ученого с минералогии. Это уже была не та чисто описательная наука, против ограниченности которой некогда ополчался Ломоносов. Она занималась не только систематизацией общих примет минералов, но под влиянием Менделеева и Вернадского училась познавать жизнь минерала, угадывать обстоятельства его рождения, узнавать его первоначальный облик, прослеживать его превращения на протяжении тысячелетий. Только училась! Ферсману предстояло стать во главе нового направления в геологии, опирающегося в изучении сокровищ земных недр на понимание законов движения химических элементов.

Ферсман много путешествовал, всецело отдаваясь владевшей им страсти. Он собирал минералогические коллекции и коллекционировал впечатления.

Камни оживали в его фантазии. Золотистый горящий камень янтарь заставлял его вспоминать похождения былинных «гостей», новгородские узорчатые ладьи, привозившие янтарь из Прибалтики. Пестрые яшмы напоминали ему о первых исследователях, которые разъезжали по всей стране «на колымагах и фурах», когда «Россия начала узнавать себя». Прозаически и бледно на фоне этих образов выглядело первое исследование Ферсмана, имевшее в виду приложение его науки к нуждам сегодняшнего дня. Это было всестороннее исследование сукновальных глин. Оно отвечало производственным потребностям дореволюционной России и, разумеется, не могло надолго захватить воображение исследователя.

Но не таков был Ферсман, чтобы позволить фантазии окончательно увести себя от жизни сегодняшнего дня, от очередных задач науки. Крепчайшими нитями его привязывала к действительности любознательность исследователя, толкавшая его от созерцания реки к выяснению ее истоков. Пестрые с замысловатыми рисунками агаты и зеленые яшмы с цветистыми пятнами, которые он подбирал для коллекции Минералогического музея, волновали его не только как художника и историка. Он умел видеть в них куски подводных лав, изверженных где-то в морских глубинах. Мягкие цеолиты рассказывали ему о горячих источниках, которые вытекали из вулкана, когда уже затихли скованные в недрах силы.

Там, где камни рождаются

Весной 1920 года, вскоре после освобождения Севера от английской оккупации, управление Мурманской железной дороги предложило А. Е. Ферсману во главе небольшой группы энтузиастов из научной молодежи Минералогического музея и Института по изучению Севера обследовать Хибины.

Молодые исследователи Хибин работали в трудных условиях. Весь груз собираемых образцов следовал... на спинах участников похода. Путешествовали по оленьим тропкам, часто совсем без карты. То и дело путь преграждался бурными потоками тающих снегов. Изнемогали от комаров и мошек, носившихся вокруг головы, плотно укутанной черной марлей. В полярные солнечные ночи усталый организм долго не мог найти покоя.

Экспедиция повторилась и на следующий год. В этом году путешественники возвращались назад поздней осенью, когда все вершины были покрыты глубоким снегом. Исследователи везли с собой замечательный подарок гор — награду выдержке и мужеству. В 1921 году впервые между южными отрогами горы Кукисвумчорр (недалеко от того места, где позднее возникли рудники) был найден первый кусок апатитовой породы.

Апатит — минерал, в основном состоящий из фосфора — элемента, обеспечивающего плодородие наших полей.

Апатит — одно из тех замечательных минеральных скоплений, которые образовывались в результате остывания и кристаллизации пород, расплавленных глубинным жаром Земли. Восстанавливая картины прошлого, Ферсман постигал на конкретных примерах ряд новых закономерностей химии земной коры. В этих исследованиях объединялись две смежные дисциплины — минералогия, изучающая минерал как соединение элементов в природе, и созданная Вернадским молодая геохимия — наука об истории атомов в мироздании. От отдельных примеров мысль летела к широким обобщениям, к неизученным грандиозным проблемам.

В обновленном виде, вооруженная законами физической химии и химии кристаллов, минералогия позволяла предвидеть, какие минералы могли при известных условиях возникать в любой природной системе элементов и в какой последовательности это происходило. Ферсман восстанавливал своеобразную картину создания рельефа хибинской тундры из расплавленных магм, и первые попытки геохимического предвидения тут же получали опытную проверку.

Камни и люди

Так отчеканивался метод исследования.

А самого исследователя-ученого захватывал поток событий, последовавших за открытием апатита: постройка города, дорог, рудника, фабрики, электростанций, детских садов и школ. И, как оказалось впоследствии, они имели прямое отношение к геохимии как науке.

Участники экспедиции Ферсмана составляли специальную минералогическую карту хибинских тундр. Различные типы месторождений минералов они обозначали значками разных цветов. Для обозначения апатита остановились на золотом значке. Апатит действительно вскоре сделался «мурманским золотом», но в то время этот значок был избран только потому, что им нечасто пользовались. Валуны светлозеленой апатитовой породы были редкой находкой на склонах гор или в послеледниковых россыпях нагорий.

В 1925 году на южном отроге большого центрального плато Кукисвумчорра был построен домик из камня, в котором жили молодые исследователи. Гору решено было обследовать основательно. Для этого с поверхности скал снимали полосками мох и камни, разгребали осыпи и пески, пробивали борозды с верха до самого низа. Таких борозд было проделано восемь, каждая длиной по 700 с лишним метров. Метр за метром отбивались куски породы, анализы которой производились в химической лаборатории на станции Хибины. Для каждого метра выяснялось содержание фосфорной кислоты и других составных частей минерала, из которого был образован массив. И постепенно, как на фотопластинке под действием проявителя, на карте горы из сотен аналитических отметок проявилась грандиозная картина. Вся гора на протяжении более километра целиком состояла из апатитовых пород. «Камень плодородия», как назвали апатит в журналах и газетах того времени, залегал здесь сплошной неправдоподобно чудовищной толщей. Это была, по выражению самого Ферсмана, «окаменелая сказка природы». Апатит можно было добывать, дробить и сразу же отправлять на поля. Не было в мире богатства, равного этому.

Материал для постройки первой базы промышленных изысканий перевозили на оленях. К 1 октября 1929 года здесь действовала уже прекрасная автомобильная трасса. Тракторы повезли грузы на больших санях. Новые буровые возникали в тундре, расширялся список ископаемых богатств Кольского полуострова, уточнялись способы поисков, проверялась теория. Здесь, как и по всей стране, шла суровая, напряженная борьба и с технологическими трудностями и с косными, иной раз враждебными людьми, путавшими карты, сдерживавшими, срывавшими развитие рудников и города. «Сколько новых буровых,— рассказывал впоследствии об этом периоде Ферсман,— сколько надежд и разочарований, сколько грандиозных, но бедных запасов... сколько упрямых идей!» И, добавим мы, сколько памятных встреч, сколько могучей уверенности в конечной победе! «Здесь,— вспоминал потом Ферсман,— в глухую декабрьскую ночь С. М. Киров сам готовил диспозицию к бою... с темной полярной ночью, с неверьем старых, заскорузлых геологов, с неведомыми еще силами Заполярья, со снегами, морозами и вьюгами». Здесь Ферсман впервые на деле соприкоснулся с новым племенем людей, у которых он находил «определенность, целеустремленность и настойчивость в достижении цели, искренность, правдивость, чистоту и вместе с тем реальность, конкретность при большом увлечении, но без фантазий, нередко при большой лирике, но без сентиментальности; горячее, необоримое желание читать и учиться, изучать свою родную страну, ее богатства, твердое убеждение в необходимости участвовать в общей стройке Союза, уверенность в силе и мощи родины». Этим замечательным людям сталинской эпохи многому приходилось учиться у академика Ферсмана. Но и он учился у них... Бережно он донес до страниц своих «Воспоминаний о камне» прекрасные слова С. М. Кирова о том, что нет такой земли, которая бы в умелых руках при советской власти не могла быть повернута на благо человечества.

Неистощимо щедрый на описание излюбленных картин природы, Ферсман обычно становится скупым и сдержанным, как только речь заходит о нем самом. Лишь намеком на страницах «Воспоминаний о камне» мелькнуло

признание, относящееся к ранней поре его жизни:

«Я проходил мимо людей, меня называли часто сухим, бесчувственным. Годы шли, лучшие молодые годы, а люди оставались как-то вне моего жизненного пути... Камень владел мною, моими мыслями, желаниями, даже снами...»

Но в тех же записках Ферсмана мы находим теплые, задушевные портреты настоящих, больших людей современности, с которыми он встречался в зрелые годы.

Участие в легендарной стройке первых сталинских пятилеток принесло Ферсману понимание новых людей, выдвинутых революцией, понимание огромного влияния происшедших перемен на его собственную жизнь. Эта жизнь была теперь всецело отдана служению великим целям, поставленным партией большевиков.

С огромной силой новое ощущение близости к созидательным устремлениям социализма сказалось на содержании научного творчества Александра Евгеньевича Ферсмана.

Наука, которой некогда ошибаться

Тысяча девятьсот тридцать первый год...

Время уплотнено до предела. Творческий труд исследователя достигает высочайшего напряжения. Ферсман все чаще пользуется для своих экспедиционных работ автомобилем, а то и самолетом. На вездеходе он пересекает безжизненные пески Кара-Кумов для того, чтобы воссоздать картину образования знаменитых серных бугров — редчайших залежей чистой серы. Он публикует колоритные отчеты, в которых очерки пустыни, наспех набросанные на стоянке каравана, перемежаются с описаниями древних лагун, морей и соленых озер, где вода и солнце при содействии бактерий, а не подземный огонь родили скопления самородной серы.

Едва вернувшись из одного путешествия, он уже собирается в другое. Он отшучивается от настояний отдохнуть, весело потирая ладонью бритую голову: «Видите, какой я круглый... Так уж мне на роду написано, видно, катиться без остановки...» Вернувшись из поездки по Уралу, выгружает целую гору обрывков бумаги: он пишет только на обрывках, заполняя их мелким бисером своего четкого почерка. Здесь описания ландшафтов, наброски к готовящимся книгам, цифры и имена. Здесь заметки летучего дневника. Ферсман пишет: «Мне пришлось убедиться за последние годы, как при росте наших гигантов должны раздвигаться старые рамки и самые понятия о полезных и бесполезных веществах земной коры и как мощно внедряются в нашу промышленность новые продукты».

Его взор, обращенный к любимым камням, остается взором художника. Но как он обогащен теперь! Какую проникновенность он приобрел! В геохимии сближаются области естествознания, некогда отделенные непроходимыми рвами узкой специализации и кастовой разобщенности. И это сближение, как по волшебству, раскрывает связь вещей. Горы становятся прозрачными, обнажаются недра земли.

Металлы, на которых строится мощь новой промышленности,— черные, цветные металлы, легкие, редкие металлы — все это закономерно связано между собой и прежде всего с охлаждением расплавленных масс, которые в разное время поднимались из глубин и как бы окружали собой скопления отдельных полезных ископаемых. Ферсман составлял теоретические таблицы таких «ореолов» полезных ископаемых вокруг, например, типичнейших гранитных очагов. По одну сторону в этой таблице он располагал вещества, которые осаждаются раньше всего при высоких температурах. Дальше помещались вещества, выделяющиеся в более холодной части, и, наконец, такие металлы, которые встречаются лишь на расстоянии многих километров от этих охлаждающихся расплавленных очагов.

«Нужно разграничить геологическую историю местности,— учил он,— попытаться выявить характер очагов, наметить, где сохранились чистые породы, где сейчас остались только их корни, и если мы умело и правильно сделаем эту работу, то сможем с бо́льшим или меньшим вероятием предсказать распределение различных металлов в различных областях Союза».



С. М. Киров и А. Е. Ферсман в Хибинах. Картина В. Федорова

Нам надо знать больше, как можно больше, как можно точнее!

На специальную сессию Академии наук СССР, обсуждавшую задачи научной помощи новостройкам Сибири, Ферсман прилетел из Кузнецка, где закладывались тогда основы Урало-Кузнецкого комбината. Он весь находился под впечатлением новых гигантов индустрии, их небывалых масштабов и темпов строительства. Необычным было и его выступление на сессии, посвященное геохимическим проблемам Сибири.

Он говорил:

«Когда в течение нескольких минут на трехмоторном самолете поднимаешься над землей на высоту тысячи метров, и перед тобой проходит вся грандиозная картина Южного и Среднего Урала, тогда начинаешь понимать, как трудна работа партии геологов, брошенной в эти громадные пространства... Еще резче начинаешь понимать то громадное значение, которое должен иметь прогноз теоретической мысли, которая одна позволяет под этой поверхностью отыскать лежащие там богатства, проникнуть под ее покров какими-то другими глазами, чем глаза простого геолога, глазами новых научных методов — методов геофизики и молодой геохимии...»

И мне хочется изложить рядом с этим совпадающее с ним по времени выступление на совещании по семеноводству ратоборца новой, мичуринской биологии Трофима Денисовича Лысенко, который говорил, что наука, которая в Советской стране служит народу, подхватывается миллионами и тут же внедряется в жизнь,— эта наука не может, не смеет ошибаться. Нам некогда ошибаться!.. Отсюда та страстность, которую Лысенко вносит в теоретические споры с противниками. Здесь объяснение и той настойчивости, с которой Ферсман боролся за распространение передовых идей геохимии — науки, рожденной в нашей стране и откристаллизовавшейся под влиянием запросов социалистической индустрии.

«Я определенно верю,— писал Ферсман,— что только широкий научный прогноз позволит нам достигнуть разрешения великих проблем,— но только путем глубочайшей пропаганды этих идей, чтобы каждый рабочий, краевед, комсомолец-турист, проникся идеей поисков полезных ископаемых, чтобы укрепление сырьевой базы сделалось общим делом всего нашего строительства».

Этот свой завет, созвучный тимирязевскому девизу — «работать для науки, писать для народа»,— Ферсман выполнял неукоснительно. Он написал «Занимательную минералогию» и гордился потоком откликов, которые она вызвала. Он выпустил книгу «Цвета минералов». Проводя читателя мимо черных базальтовых пород, разлившихся на сотни тысяч квадратных километров в Сибири, Ферсман рассказывал, как поднимались эти базальты по неведомым путям из глубин общей базальтовой постели, на которой тихо колышутся наши гранитные материки. Черными полосами протянулись базальты под землей, мрачными утесами встали на порогах сибирских рек и громадными черными колоннами окаймили их берега. Ферсман спускался с читателем в сверкающие камеры соляных копей Илецка, рассказывая ему попутно о соли как об одном из начал вещества у алхимиков, как о проблеме современной кристаллохимии — проблеме сочетания положительного и отрицательного зарядов электричества. Серые, угрюмо окрашенные породы — это химические соединения, образовавшиеся в глубинах. Радостно светлые, прозрачные соединения образовались уже на земной поверхности из растворов. Бесконечно увлекательна эта химия ландшафта... Но Ферсман никогда не забывал напомнить своему читателю, что постижение закономерностей геохимии — серьезное оружие разведчика недр, которое надо совершенствовать.

Пользуясь этим оружием, Ферсману в его многотомной «Геохимии» и в сотнях текущих работ удалось сделать первые наброски общей геохимической картины Союза и самому подробно проследить с геохимической точки зрения геологическую историю нескольких великих поясов руд и металлов. Он исследовал, таким образом, Сибирь и великий Уральский хребет, зажатый между Европой и Азией. Он проследил его отроги — «отроги Уралид», как он их называл,— скрывающиеся на Полярном Севере, под вечными льдами, а на Юге — под поверхностью полынных степей и песков Казахстана и выходящие на поверхность среди пустынь Кызыл-Кумов и Бет-Пак-Далы. «И я вижу: в темных тяжелых расплавах глубин сверкают тяжелые металлы, «как исчадие мрака и тяжести»,— платина, железо, медь, хром, никель; — вдохновенно писал он. — Я вижу, как из глубины гранитов поднимаются расплавленные, закутанные в сплошной туман паров и газов, жилы пегматитов; я вижу, как, наподобие ветвистого дерева, поднимаются к солнцу горячие растворы — эти дыхания земли, а блестящие металлы — золото, медь и цинк, свинец и серебро — уже блестят кристаллами своих соединений на их стенках. Я вижу, как великие законы физики и химии управляют этими грандиозными процессами прошлого, как хаос превращается на моих глазах в величайшие законы гармонии».

В ЯПОНСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Михаил БЕЛЯЕВ

1. ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТОКИО

Внизу, под крылом самолета, остров Хонсю. Позади остались его восточный берег, изрезанный заливами и бухтами, огромная панорама Токио и бескрайний простор Тихого океана. Впереди горы. Они идут широкой цепью с юга на север, то причудливо пестрые, то голые, матово-белого цвета, то одетые в зелень лесов. Смутно видны ущелья, кратеры потухших вулканов, отблески горных озер, тоненькие, извилистые ниточки речек. А слева над хребтами возвышается конус Фудзиямы — «госпожи-горы», или «Фудзи-сан», как зовут ее японцы. Тесной толпой окружили Фудзияму облака, но она, стройная и величественная, покрытая вечным снегом, ослепительно белеет в лучах щедрого солнца... Япония, как огромная топографическая карта, раскинулась под крыльями самолета.

Семь восьмых поверхности острова Хонсю заняли горы, возвышенности, холмы. Прямо из глубин океана поднимаются скалистые берега, о которые разбиваются волны, тяжелые и ленивые в тихую погоду, стремительные и остервенелые в шторм. Горы кое-где расступаются, давая место широким холмистым долинам...

Деревянные домишки, крытые рисовой соломой, крохотные лоскутья полей, разбросанные по склонам пригорков,— такова японская деревня. Вместе с зеленью лесов, млеющих в зное жаркого и влажного лета, весь стандартно-красивый сельский пейзаж Японии, дополненный видом далекого горного хребта, словно тающего в голубом мареве, поневоле создает впечатление театральной декорации. Чем-то искусственным и неживым веет от него...

Однажды я совершил поездку на машине из Токио по направлению к Фудзияме, к горному озеру Хаконе.

В одном поселке мы остановили машину у бамбуковой изгороди, чтобы размять ноги после 70 километров пути от Токио, дать остыть мотору и позавтракать. Немедленно собралась кучка ребят. Молча остановились они в отдалении. Впалые щеки, худые руки и ноги, обожженное солнцем полуголое тело, у многих покрытое лишаями. В Токио это уже стало привычным зрелищем. Но здесь, в деревне, рядом с побережьем залива, в окружении щедрой природы, вид голодных, изможденных ребятишек лег особенно тяжелым осадком на сердце.

— Как тебя звать?— спросил мой спутник худенькую девочку, которая стояла ближе других.

— Харуко.

— Сколько тебе лет?

— Не помню, может быть, девять,— после длительного молчания ответила она.

— Где мать?

— Убирает рис у Мацумаги-сан... Отец сгорел на заводе,— добавила она, опустив голову.

— В школу ходишь?

— Нет, у нас и другие не ходят. Плохо сейчас, нет риса.

— Есть хочешь?

— Я всегда хочу есть, мой брат и сестренка тоже.

На нас глядели пятнадцать пар голодных, не по-детски серьёзных, угрюмых глаз. Мы отдали ребятишкам наши дорожные запасы. Зажав в руках банки с консервами и куски хлеба с колбасой, дети долго и изумленно смотрели вслед нашей машине.

Чем дальше от Токио, тем резче бросается в глаза убожество и нищета японской деревни... Полуголые, коричневые от загара, движутся по сторонам дороги мужчины, старики, подростки. Некоторые, впрягшись в двухколесные повозки, с усилием тянут их в гору. В повозках бочки с гниющими отбросами, их содержимое бережно вывозят на поля. Согнувшись, бредут японки с неуклюжими мотыгами в руках и с ребятишками за спиной.

На полях десятки голых спин и широкополых соломенных шляп. Здесь обрабатывают и убирают поля тем же способом, что и сотни лет назад.

Я вспомнил некоторые статьи в японских журналах и газетах. «Положение в районе Тохоку ужасное,— писала газета «Ници-Ници» незадолго до войны.— Количество крестьян, которым угрожает голодная смерть, достигает 700 тысяч человек. Матери истощены, дети голодают. Ежедневно школьники на уроках падают в обморок. Крестьяне не могут купить риса для пропитания и продают дочерей. Стынет кровь при виде этой нужды и нищеты, в которую ввергнуто крестьянство».

«Допотопными способами,— сообщал тогда же журнал «Бунгэй Сундзю»,— мотыгой и руками обрабатывают крестьяне землю. Не расширяются, а сокращаются посевные участки, земля все хуже родит рис и ячмень».

Изменилось ли что-нибудь в японской деревне после вступления в силу макартуровского закона об аграрной реформе? Ведь мистер Харди, представитель «секции естественных ресурсов» штаба Макартура, еще в 1947 году утверждал, что реформа проводится в жизнь и притом «с соблюдением порядка, демократических принципов и здравого планирования».

Может быть, то, что видишь из окна автомобиля, не есть еще настоящая японская деревня? Мы решаем свернуть с автомагистрали и двинуться в глубь рисовых полей, туда, где по склонам дальних холмов разбросаны бамбуковые хижины земледельцев. Надо посмотреть своими глазами, как выглядят «демократические преобразования», о которых говорил мистер Харди...

2. КРЕСТЬЯНИН КОБАЯСИ

Японского крестьянина мало назвать нищим. Он всегда был бесправным рабом. Вся его горькая жизнь с детства и до последнего часа — это цепь унижений и страха перед богатыми и имущими: перед хозяином земли, у которого он арендует крохотный ее кусочек; перед ростовщиками, капиталистами и спекулянтами, от которых он зависит, как продавец своего урожая и как покупатель промышленных товаров; перед полицией и сборщиками налогов.

Трудно представить себе нищету этого вечного раба клочка земли — своего или, что гораздо чаще, чужого. Над ним крестьянин дрожит всю жизнь. Политый потом, истощенный, обрабатываемый допотопными орудиями, этот клочок земли кажется ему единственным спасением от голодной смерти. Вечная битва с нуждой, вечный трепет перед завтрашним днем, болезни, рахитичные ребятишки, ранняя дряхлость и смерть — таков жизненный путь японского земледельца.

Потупленный, тусклый взгляд, в котором можно увидеть безнадежность, глухую тоску и голод; ужасающее рубище, сквозь которое проглядывает худое, иссеченное ветрами и обожженное солнцем тело, босые ноги — так выглядел крестьянин Кобаяси, арендатор участка в четыре десятых чо (чо — около гектара). Мы разговаривали с ним, сидя на камнях возле его хижины в деревушке, расположенной среди невысоких холмов, в 70 с лишним километрах от Токио и в шести — от широкой асфальтированной дороги, которая уходит к горячим источникам и к голубому озеру Хаконе.

Мы узнали, что у Кобаяси семья из пяти человек, что он платит помещику за аренду половину своего урожая риса, так же, как до капитуляции Японии; что, кроме того, пятую часть он тратит на покупку удобрений, которые очень трудно достать, а без них земля не родит ни риса, ни бобов; что часто в период дождей или осенью бывают наводнения и его посевы не раз смывала безжалостная вода, стекающая потоками с соседнего холма.

— Как же вы живете?— спросил мой спутник.

— Лучше спросите, как я еще жив. Но что делать? Мои предки, верно, плохо молятся за меня богу,— невесело пошутил крестьянин. И он рассказал нам грустную повесть своей жизни.

И отец и дед его (а может, и прадед, этого не знает Кобаяси) арендовали у помещика землю и платили половину урожая. Тогда земля лучше родила — так рассказывал его отец... И это был другой участок, потому что сам Кобаяси за свою жизнь арендует уже четвертый по счету: три раза сгонял его помещик с земли за неуплату аренды в неурожайные годы.

Всю жизнь Кобаяси мечтал о собственном поле в половину чо, тогда бы он имел возможность лучше его удобрить и обработать и мог бы в праздники есть рис. Теперь он трудится с рассвета до сумерек вместе с семьей, а рис ест лишь сразу после сбора, чтобы не забыть его вкуса, да еще весной, в день поминания предков...

Будь у него своя земля, он посадил бы мандариновые и тутовые деревья, семья ела бы чаще вареные бататы (сладкий картофель) и пила бы свой чай, смешанный с цветами вишни. Но, здесь Кобаяси прервал свои мечты, навряд ли он мог бы добиться этого счастья, имея даже собственное поле в половину чо. Потому что очень уж велики налоги: до войны и в войну на них уходил чуть ли не весь рис и ячмень, а теперь... теперь они не меньше, чем три года назад! Нынешние рисопоставки не по силам никому, кроме разве таких людей, как Хироцуми-сан (его хозяин).

Слыхал ли Кобаяси о земельной реформе? Да, конечно. Он был уверен, что наконец к нему пришло счастье. Но теперь он уже ничему не верит и ничего не ждет. Он знает, что землю очень трудно купить, да и где ее найдешь, продажную землю? Ведь в земельном комитете сидят Хироцуми-сан и Ямадзаки-сан, у которых по 8 чо своей земли.

— Как я живу?— продолжал Кобаяси.— В войну умерла дочь от какой-то болезни, от какой, не знаю, доктора не приглашали: нечем заплатить. Подросла вторая дочь, и куда ее девать, ума не приложу. На этом клочке ей делать нечего, а в Иокогаме или Токио работы не найти, разве что пойти в... Ну да ладно, об этом не стоит говорить...

Удастся ли еще после уплаты долгов купить дочери платье? Он не говорит уже о кимоно: в магазине оно стоит тысячи иен; теперь многие женщины, у которых кимоно износились, носят простые платья: на них идет меньше материи... Да, будет очень хорошо, если он купит дочери хоть платье. Потом он соберет бобы и ячмень, уродилось немного редьки... Семья запасет еще коренья от трав и чуть-чуть топлива, чтобы согреться зимой у очага. Зима ведь бывает холодна для человека, у которого нет теплого халата и мягкой постели, а дом Кобаяси насквозь продувает ледяной ветер. А вот что уж совсем плохо — жена кашляет кровью. Кобаяси не знает, доживет ли она до будущего лета...

Когда мы собрались уходить, его губы передернула судорога горечи: он ничем не может нас угостить.

Мы попросили его показать свой дом. Американский журналист Вилард Прайс рассказывает о красоте и удобстве жилища некоего «крестьянина Мачида», у которого он будто бы жил несколько дней: просторные комнаты, воздух и солнце, белоснежные цыновки на полу, изумительная японская ванна, в которую можно погружаться, как в бассейн; красиво расписанные потолки, электрическое освещение, просторная кухня. Корреспондент уверял, что жилище Мачида является «типичным» для японской деревни.

Это неправда. Я видел убожество и нищету японской деревни. Вот лачуга Кобаяси: худая крыша из гнилой рисовой соломы, дощатые стены, изъеденные червями, потрескавшиеся от солнца и дождей. Раздвижная передняя стена дома без стекол: они выбиты еще лет десять тому назад. Зимой стена завешивается цыновкой из той же рисовой соломы. Позади лачуги, под старой вишней, деревянная кадка. Видимо, это и есть «изумительная японская ванна». В кадке изредка моются дети Кобаяси и его жена.

Внутри лачуги очаг из дикого камня, закопченные стены,— дом отапливается «по-черному». Кобаяси открыл дверцу шкафа. В нем мы увидели кучу лохмотьев, заменяющих постель, на полке несколько грубых чашек и кухонную утварь...

На всю жизнь останется в моей памяти Кобаяси и его жалкое жилище. Но так выглядят и все другие хижины в этом поселке, кроме дома кулака Мацумара.



Крестьянские жилища у горы Фудзияма.

3. «ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА»

К 1 августа 1946 года среди 78 с половиной миллионов японцев насчитывалось 36 миллионов крестьян, в их числе 11 миллионов полностью безземельных и 15 миллионов полуарендаторов. До капитуляции Японии было около 50 тысяч крупных помещиков и более 110 тысяч мелких, владевших от 5 до 10 чо земли. В их руках сосредоточивалось 40 процентов всей пахотной земли, которая почти полностью сдавалась в аренду безземельным и малоземельным крестьянам на кабальных условиях. Помещики не жили в деревне: они занимали крупные бюрократические посты или владели промышленными и торговыми предприятиями. Наряду с помещиками значительной частью земли владели 200 тысяч кулаков.

Так обстояло дело к осени 1946 года — к моменту издания американскими оккупационными властями закона об «аграрной реформе». Почти таким же остается положение по сегодняшний день, хотя американская пресса не перестает трубить о «небывалых успехах» земельных «преобразований».

Еще в марте 1946 года японское правительство, выполняя приказ Макартура, представило проект закона об «аграрной реформе». Он был настолько реакционным, настолько ограждал прежние, полуфеодальные земельные отношения, что вызвал широкое возмущение общественности в самой Японии и в других странах. Проект был подвергнут резкой критике со стороны советского представителя в Союзном совете для Японии. Вот почему Макартур не рискнул утвердить его.

Прошло еще полгода, пока правительство Иосида возилось со вторым законопроектом. В нем оказалось много пышных, но крайне путаных и уклончивых фраз насчет обеспечения безземельного крестьянства, увеличения земельных фондов за счет «необрабатываемых площадей» и т. п. Но стоило лишь отбросить словесную шелуху, чтобы стало ясным, что и этот проект оставлял в целости весь фундамент помещичьего землевладения в деревне. По этому закону, земля, которая не обрабатывалась помещиками до капитуляции, не передается во владение крестьян-арендаторов, а выкупается у помещиков государством, после чего продается крестьянам по непомерно высоким ценам. В то же время значительная часть земли остается во владении помещиков, которые могут попрежнему сдавать ее в аренду. Несмотря на возмущение японской демократической общественности, Макартур принял этот проект с небольшими поправками, приказал провести его через парламент, и с осени 1946 года он приобрел силу закона.

— Мы ходим по какому-то заколдованному кругу,— сказал нам руководитель одного из районных отделов Всеяпонского крестьянского союза.— Нам обещано многое нашим правительством и оккупационными властями, но каждый прошедший день убеждает, что аграрная реформа не будет осуществлена. А ведь и так она, сказать по совести, очень,— он немного подумал,— очень несерьезна и неглубока. Наши крестьяне это понимают. Взять выборы в местные и префектурные земельные комиссии, которые должны проводить реформу в жизнь... Во многих префектурах до половины крестьян-арендаторов не участвовало в выборах. В составе земельных комиссий 83 процента помещиков и кулаков.

Правительство уже выкупило у помещиков более половины всех земель, подлежащих «изъятию» (за деньги, конечно), но крестьянам продана лишь четвертая часть этой земли. Да и купленная земля фактически попала в руки старых хозяев, так как «новые землевладельцы»,— наш собеседник иронически подчеркнул это слово,— не в состоянии заплатить установленную за нее непомерно высокую цену. Не могут они ее и обработать, так как купить инвентарь в условиях современной Японии арендаторы совершенно не имеют возможности. А налог правительству? А поставки риса, которые выше, чем старая арендная плата помещику? Самого лучшего урожая нехватит, чтобы расплатиться за землю, удобрения, внести налоги...

Мы вспомнили при этом крестьянина Кобаяси — все сходилось слово в слово.

Тот, кто изучал жизнь оккупированной Японии не только из окна вагона или комфортабельного автомобиля, знает, кому нужен саботаж аграрной реформы. Помещики до сих пор держат в руках лесные угодья, на которые земельная реформа не распространена. Многие из помещиков одновременно командуют в промышленности химических удобрений. Политические лидеры и министры в Токио, связанные с помещиками и капиталистами, увеличивают налоги и рисопоставки и ставят всяческие преграды продаже крестьянам сельскохозяйственного инвентаря. Такова круговая порука реакционных сил.

Повсеместно в Японии помещики и кулаки стараются внушить крестьянам, что закон об аграрной реформе непрочен и что со временем купленная земля будет все равно возвращена помещику или его компаньону-кулаку. Там, где крестьяне плохо поддаются этой агитации, помещики прибегают к прямому террору. Нередко шайки бандитов, подкупленных помещиками, устраивают массовые избиения крестьян. Сплошь и рядом крестьян попросту сгоняют с арендуемых участков, особенно в глухих горных районах, где помещики чувствуют себя совершенно безнаказанными.

Во время войны около миллиона чо земли было принудительно «выкуплено», иначе говоря, отнято правительством у крестьян и передано во владение промышленных трестов (дзайбацу) «для нужд военного времени». До сих пор эта земля не возвращена крестьянам. Земельный комитет префектуры Канагава хотел купить участок земли, принадлежащей семье Ивасаки Кюя, одного из владельцев концерна Мицубиси. Ивасаки отказался передать эту землю комитету, заявив, что будет обрабатывать ее сам, и нанял для этого рабочих. Суд, куда обратился земельный комитет, оставил землю за Ивасаки. Подобные факты повторяются во многих местах.

Уже давно японские империалисты выдумали насквозь лживую версию о «перенаселенности» японских островов. Эта «теория» имела целью оправдать разбойничьи нападения японских милитаристов на народы Азии и на СССР.

Но любой демократически настроенный японец скажет вам, что в Японии имеется много пустующих земель, при искусственном орошении годных даже для посева риса. Истина в том, что землей владеет не народ Японии, а капиталисты, помещики и кулаки и что полуфеодальные аграрные отношения не поколеблены до сегодняшнего дня.

Саботаж земельной реформы нужен и американским монополистам, цели которых в Японии ясны для всех: это — полное политическое и экономическое подчинение страны, превращение ее в антисоветский плацдарм.

Если бы в Японии была проведена действительно демократическая аграрная реформа,— многое изменилось бы не только в экономике, но и в политической жизни Японии. Было бы в корне подорвано господство помещиков, пришел бы конец полуфеодальным земельным отношениям, японский крестьянин смог бы впервые на протяжении всей истории Японии почувствовать себя гражданином.

Освобождение японского крестьянина от нищеты и привело бы в свою очередь к уничтожению полурабского труда промышленных рабочих. Все это было бы вкладом в дело истинной демократизации Японии в соответствии с Потсдамскими решениями. Но это совсем не улыбается ни японским, ни американским монополистам.

4. «ТАК БОЛЬШЕ ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ»

...Снова передо мной возникает поле Кобаяси. По краям участка растет молодой бамбук: его побеги тоже идут в пищу. Растет гречиха, топорщится редька, созревают бобы. Всего этого мало, все притиснуто друг к другу вплотную. С рассвета до темноты со скрупулезностью часовщиков работает вся семья Кобаяси, включая его умирающую от туберкулеза жену.

Ранней весной бывает праздник, когда японские крестьяне созывают ворон. В этот день Кобаяси вместе со всеми высыпает на землю семенной рис разных сортов и смотрит, к какой кучке раньше подойдут вороны,— этот сорт, следовательно, избран богом для посева. Кобаяси никогда не сеет и не сажает ничего в день смерти Будды или в «день зайца». Самый хороший день для посадки риса в рассаднике — «Тайан», т. е. «великое спокойствие», а для картофеля — «день вола». Кобаяси верит, что вареная змея помогает при плеврите, а заговор, произнесенный над колодцем, превращает обычную воду в ключевую...

Всех этих обычаев древней, темной старины крестьянин Кобаяси придерживается добросовестно. Но жить становится все тяжелее.

— Не вступить ли мне в крестьянский союз?— сказал Кобаяси, когда прощался с нами.— Многие из нашей деревни давно уже сделали это. А вот я все боюсь Хироцумисан: ведь он может рассердиться и прогнать меня с земли. Но говорят, что всем вместе скорей можно сделать свою жизнь терпимой.

Когда мы пробирались по узкой тропинке от поля Кобаяси на дорогу, мой спутник, японский журналист, обратился ко мне.

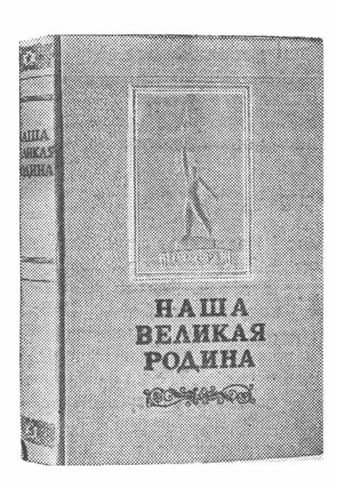
— Посмотрите,— сказал он,— на эти поля и вспомните начало лета. Тогда здесь наши крестьяне, стоя по колена в жидкой грязи, разбивали и разрыхляли мотыгами и руками комья мокрой земли. Ребятишки втаптывали в грязь остатки прошлогодней соломы. Так сажали рис. Тщательно, стебелек к стебельку, каждый в отдельности. Мучительный, изнуряющий труд! Вот теперь рис созрел. Его скоро уберут. Но есть этот рис будут не те, кто растил и убирал его, чьи спины жгло злое летнее солнце. Этим рисом будут спекулировать помещики — владельцы японской земли,— им будут распоряжаться ростовщики и само правительство монополистов и помещиков.

— Но,— закончил мой спутник,— если такие, как Кобаяси, начинают понимать, что так больше жить нельзя и что пора сообща «делать свою жизнь терпимой»,— значит, будет день, когда солнце Японии по-другому засветит для миллионов японских крестьян!

«Наша великая Родина»

Вышла в свет книга для чтения под заглавием: «Наша великая Родина». Она содержит в себе популярное изложение основных сведений по географии, истории, общественному и государственному устройству СССР.

С чувством истинной патриотической гордости прочтут советские люди эту книгу о Родине. Советскому человеку есть чем гордиться, есть за что любить свою Отчизну. Советский Союз достиг вершин величия и славы.



Он показал народам мира великий образец строительства новой, социалистической жизни. Он спас человечество от угрозы фашистского порабощения. И ныне он выступает, как несокрушимый оплот мира, свободы и независимости народов.

Страницы книги «Наша великая Родина» показывают глубокие истоки могущества советского государства. Они воспитывают читателя на славных патриотических и революционных традициях великого русского народа, на традициях большевистской партии. Повествуя о деяниях советского народа — творца своей истории,— показывая, что всемирноисторические победы его являются триумфом всепобеждающих идей ленинизма, книга о Родине побуждает нас еще сильней любить свое государство, свою родную коммунистическую партию и своего великого вождя и учителя товарища Сталина.

Первый раздел книги, озаглавленный «Просторы и богатства нашей Родины», широко раскрывает географию СССР. В этом очерке рисуется неповторимый, прекрасный облик нашей земли с ее необъятными пространствами, чудесной природой и подлинно неисчерпаемыми ресурсами.

В результате побед, достигнутых нами в Великой Отечественной войне, границы государства расширились. Советскому Союзу возвращены земли, принадлежащие ему по праву. На западе и на востоке восстановлены исторические рубежи нашей Родины.

Социалистическая революция в ходе своего развития изменила не только общественный и политический строй России, но и ее географию. Очерк показывает, как наш народ преобразует природу родной земли, изменяет ее облик. В книге говорится о сталинском плане преобразования природы степных и лесостепных районов, который ныне с большевистским размахом воплощается в действительность.

С ростом индустрии резко изменился состав населения нашей страны, увеличилось количество городских жителей. На карте Родины за годы сталинских пятилеток появились названия 364 новых городов, среди которых такие, как Магнитогорск, Комсомольск на Амуре, Сталинабад, Игарка.

Особенно глубокие перемены произошли в народном хозяйстве страны. Россия, отсталая, зависимая от иностранного капитала, превратилась в могучую, богатую и свободную державу. Перед читателем книги предстают мощная социалистическая индустрия, самое передовое сельское хозяйство и технически совершенный транспорт.

Географический раздел заканчивается краткими очерками о всех шестнадцати союзных республиках, входящих в состав Советского Союза.

Живой интерес вызывают страницы книги, посвященные историческому прошлому советского народа. Читателю рассказывается о том, как много веков назад сложилась самобытная государственность восточных славян, являвшихся исконными обитателями наших земель, о том, как возникла и укрепилась Киевская Русь — могущественная восточнославянская держава.

Книга показывает, что история Руси и русского народа, а также других народов нашей Родины,— это история многовековой героической борьбы против иноземных завоевателей. В ходе этой борьбы сложились и стали могучей силой бессмертные патриотические традиции, которые унаследованы и развиты советским народом.

В памяти читателя встают подвиги русских воинов, одерживавших победы в битвах с немецкими псами-рыцарями, шведами, монголо-татарами в XIII — XIV веках. В картинах битв оживают славные имена русских полководцев Александра Невского и Димитрия Донского. Русская земля приняла на себя всю тяжесть удара монголо-татар и этим спасла Европу от татарского нашествия.

Борьба русского и украинского народов против польских панов, разгром иностранной интервенции в начале XVII века и присоединение Украины к России в середине этого же столетия описаны с той же выразительностью.

Пламенный патриотизм русского народа нашел свое особенно яркое выражение в Отечественной войне 1812 года. В книге рассказывается о мужестве русских солдат, о народной помощи армии, о мощном партизанском движении в тылу наполеоновских войск. «Но какой полководец не поражал врагов, подобно мне, с сим мужественным народом! Я счастлив, предводительствуя русскими»,— писал великий русский полководец Кутузов.

Сражаясь с иноземными захватчиками, свободолюбивый русский народ боролся и против собственных господствующих классов. Книга показывает, что история всех народов нашей страны также наполнена многовековой борьбой за свободу, борьбой, в ходе которой выковались революционные традиции. Эти революционные традиции нашего народа — наиболее глубокие и наиболее сложившиеся.

В книге даются картины народных движений против крепостного строя: крестьянского восстания под предводительством Степана Разина и великой крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева. Рисуются также образы первого дворянского революционера Радищева, декабристов, великих русских революционеров-демократов— Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

Новый, решающий период народного движения за свободу начался, когда на революционную арену в России выступил рабочий класс во главе с русской социал-демократией. В книге рассказывается о зарождении большевизма и о великой роли большевистской партии в завоевании победы социалистической революции в России. Обозревая героический путь, пройденный партией Ленина—Сталина в борьбе за свержение помещичье-капиталистического строя, книга показывает большевиков как беззаветных патриотов, боровшихся за революционное преобразование отсталой, полукрепостнической России в передовую, социалистическую державу. Она показывает коммунистов как верных сынов народа, всегда преданных революции, мужественных и смелых, полных несокрушимой веры в победу своего правого дела. Рабочий класс России, руководимый большевистской партией, унаследовал и развил славные революционные традиции прошлого и, вооруженный единственно верной теорией марксизма-ленинизма, завоевал свободу и счастье всему своему народу.

В третьем разделе книги, озаглавленном «Борьба за победу социализма в СССР», показан советский период существования нашей Родины. Здесь читатель подробно знакомится с тем, как рабочий класс и трудящиеся массы России под руководством партии Ленина—Сталина подготовили и осуществили Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Победа Великого Октября открыла новую эпоху в жизни нашей страны и всего человечества, явилась событием всемирного значения. На одной шестой части земного шара впервые возникла подлинно народная, советская власть. Родилось новое, советское государство, поставившее перед собой великую задачу — создать в стране социалистическое общество. Мир раскололся на два лагеря: лагерь империализма и лагерь социализма.

Империалисты Европы, Америки и Азии пытались расправиться с молодой Советской республикой силой оружия. «Разбойничьи походы империалистов против Советского государства,— говорится в книге,— были организованы тогдашним военным министром Англии Черчиллем. Ярый ненавистник советского народа, враг демократии и социализма Черчилль летом 1919 года выступил с хвастливым заявлением, что он подготовил смертоносный удар по русской революции, что после сосредоточения всевозможных военных припасов вдоль всех границ Советской России начнется наступление на Москву армии 14 государств и что к новому году это даст ему победу». Черчилль поставил себе целью повернуть назад колесо истории. «Но история оказалась сильнее черчиллевской интервенции, и донкихотские замашки г. Черчилля привели к тому, что он потерпел тогда полное поражение» (Сталин).

Партия большевиков, Ленин и Сталин подняли советский народ на Отечественную войну против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции, и война эта закончилась полной победой над врагами Советской России.

Книга излагает героическую историю борьбы партии большевиков и советского народа за победу социализма в нашей стране, за создание могучей индустриально-колхозной державы, способной постоять за себя в единоборстве с агрессорами. Читатель видит, как сознательное творчество миллионов советских людей за короткие сроки превратило пламенную мечту лучших умов человечества в прекрасную и живую действительность.

О том, что представляет собой новый, социалистический строй жизни, рассказывается в следующем разделе книги — «Общественное и государственное устройство СССР». Здесь раскрывается основное содержание великой Сталинской Конституции — хартии победившего социализма.

Рисуя облик социалистического мира, созданного у нас в стране, книга убеждает в неоспоримом превосходстве его над миром и строем капиталистической жизни. Это превосходство сказывается во всем: в общественной системе, в государственном устройстве, в культуре и морали. Велика радость жить, работать, творить в свободной, социалистической стране! — говорит всем своим содержанием книга о Родине.

Государство наше с достоинством и честью выдержало суровую проверку своих сил в смертельной схватке с фашизмом. В разделе «Великая Отечественная война» показываются важнейшие этапы беспримерной борьбы советского народа, увенчавшейся его победой над врагом. Источником подвигов советских людей на фронте и в тылу являлся животворный советский патриотизм. Вдохновляла их на подвиг священная идея защиты Отечества.

В книге дается справедливая оценка значения победы, одержанной советским народом в войне. Было нанесено военное и морально-политическое поражение фашизму. Были спасены великие завоевания Октября и государственная независимость нашей Родины. Советский народ ликвидировал угрозу мирового господства фашизма. Он вызволил из гитлеровской неволи порабощенные народы Европы, уничтожил японский империалистический гнет в Восточной Азии, спас мировую культуру. Неоценимую помощь и поддержку Советский Союз оказал народам Центральной и Юго-Восточной Европы. Советская Армия разбила гитлеровские войска и изгнала их из Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии.

Читатель ясно представляет себе источники победы своего народа. В войне против гитлеризма победил советский общественный и государственный строй, победили советские Вооруженные Силы, советская идеология дружбы и равноправия народов. Враг был разбит потому, что организатором и вдохновителем всенародной борьбы с ним выступала большевистская партия. Великий Сталин вел и привел советский народ к победе.

Заключительный раздел книги освещает проблемы постепенного перехода от социализма к коммунизму, говорит о тех задачах, которые решаются нами в настоящее время. Большим шагом по пути к коммунизму является послевоенная сталинская пятилетка, на досрочное выполнение которой направлены творческие усилия всего советского народа.

Книга «Наша великая Родина», рассчитанная на самые широкие круги советских читателей, написана простым, доходчивым языком. Имея другие большие достоинства, она нуждается, однако, в дальнейшем улучшении. Следовало бы, в частности, на более обширном историческом материале показать значение крепнущей братской солидарности трудящихся СССР с трудящимися всего мира, для которых исторический опыт Советского Союза служит путеводной звездой в борьбе за будущее.

Несмотря на отдельные недостатки, книга о Родине принесет большую пользу в патриотическом воспитании советских людей.

В. ПЧЕЛИН

«Наша великая Родина». Государственное издательство политической литературы. 1949. 566 стр. Цена 13 р. Тираж 200 000.

Коротко о новых книгах

В. АНДРЕЕВ. НАРОДНАЯ ВОЙНА. Профиздат. 1949 г. 262 стр. Цена 10 р. 75 к. Тираж 15 000.

Автор записок о народной войне — офицер Советской Армии. Он активно участвовал в партизанском движении: сначала рядовым бойцом, затем командиром соединения и начальником штаба партизан Украины. Действовал в Брянских лесах, в Белоруссии, на Украине, в Молдавии, в Чехословакии.

Записки, по выражению автора, представляют собой «правдивый рассказ о днях партизанской жизни. В них— личный опыт в народной войне, размышления о пережитом и свершенном».

ПИСЬМА В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ. Издательство «Молодая гвардия». 1949 г. 120 стр. Цена 1 р. 50 к. Тираж 30 000.

Сборник включает очень малую долю писем, ежедневно и в больших количествах поступающих из разных стран мира в адрес Советского Союза.

«Нет такой страны, — говорил товарищ Молотов, — где бы в гуще рабочего класса, среди трудящихся крестьян и в широких демократических кругах Советский Союз не имел бы уже многочисленных друзей, проникнутых горячим сочувствием и верой в наше дело».

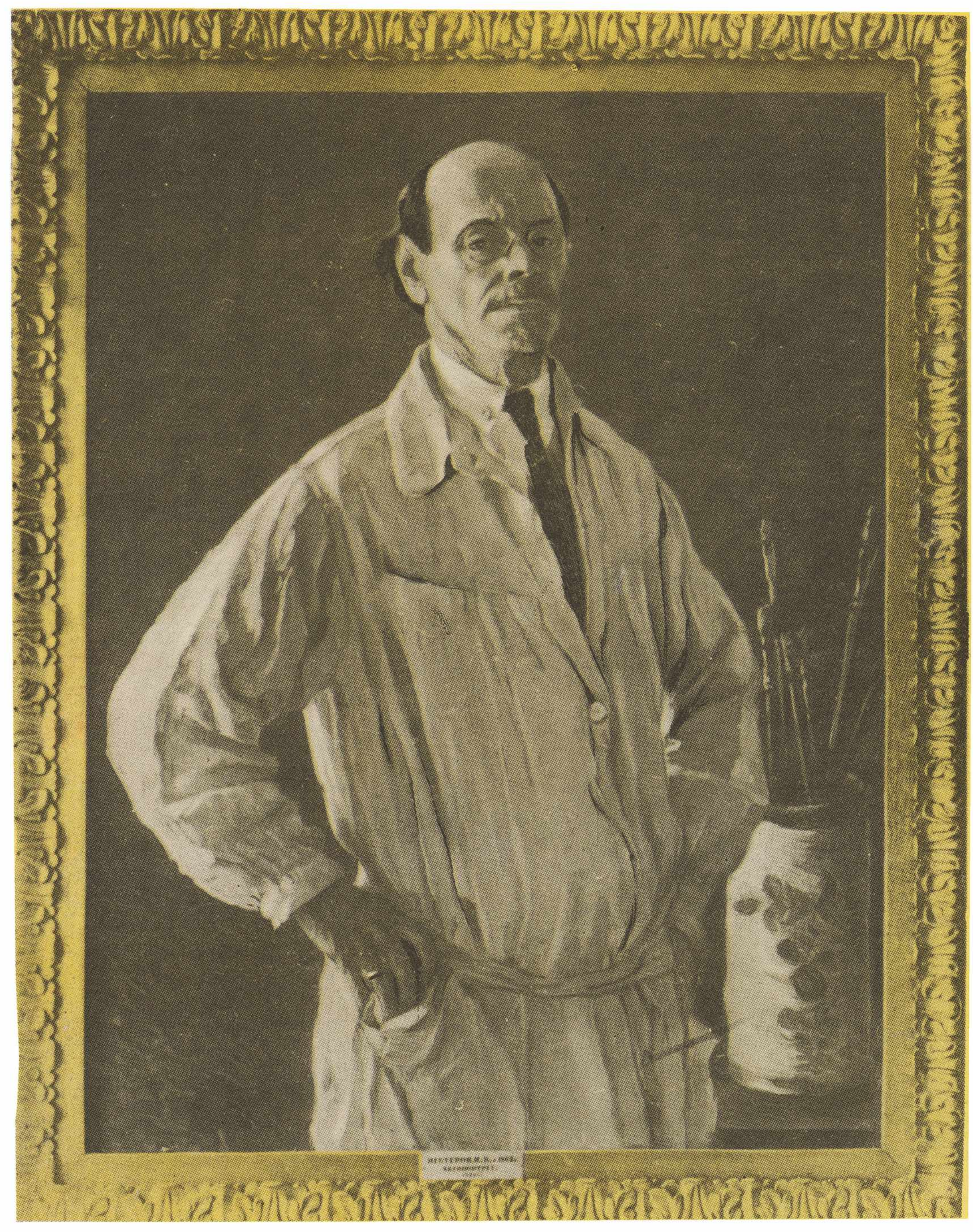
Опубликованные в сборнике письма служат ярким тому доказательством.



М. В. Нестеров.

ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА СЕВЕРЦОВА.

Государственная Третьяковская галлерея.



М. В. Нестеров. АВТОПОРТРЕТ.

М. В. НЕСТЕРОВ
(1862—1942)

В историю русского искусства навечно вписано славное имя Михаила Васильевича Нестерова.

«Опоэтизированным реализмом» любил называть свой творческий метод сам художник. И, действительно, в его произведениях чувствуешь лирическое волнение поэта. Нестеровские березки, нестеровские поля, прозрачный воздух...

Октябрьская революция была переломным моментом в творчестве Нестерова! Его волнует образ советского человека, мужественного патриота своего отечества.

Чувство одухотворенной поэзии вносит Нестеров в свои портреты. Они написаны рукой человека, которому дороги изображаемые им люди.

Академик И. Павлов, академик А. Северцов, скульпторы И. Шадр и В. Мухина, художники П. и А. Корины, артистка К. Держинская,— таков далеко не полный перечень нестеровской портретной галлереи.

Нестеров в изображении людей никогда не стремился к внешней красивости. Его произведения недаром именуют портретами-биографиями. В них с большой проникновенностью передан весь строй мыслей изображаемого человека, его моральная сила и душевная гордость.

Фон портрета не безразличен для Нестерова. Это не декоративное и безучастное пятно. Фон дополняет образ. Он каждый раз строго продуман. Обычно Нестеров любит изображать человека в привычной для него обстановке.

М. В. Нестеров умер в 1942 году. Незадолго до смерти, в трудные дни Великой Отечественной войны, художник-патриот говорил: «Впереди я вижу события не только грозные, но и светозарные, победные». Он не сомневался в победе своего народа, которому верно служил на всем протяжении своей долгой жизни.

„ГАЛЬКА" в оперной студии Ленинградской консерватории

Тысячами огней сверкает роскошный дом пана Стольника. Гремит оркестр, в празднично украшенных залах пируют гости. Празднуют обручение дочери Стольника Софьи с молодым паном Янушем. А в это время у высокой каменной ограды, окружающей дом пана Стольника, плачет молодая девушка в скромном крестьянском наряде. Давно не видела она своего любимого, очень давно.

Так начинается опера Станислава Монюшки «Галька».

«Галька» — одна из самых излюбленных опер польского народа.

Отдельные ее номера — думка Йонтека, ария Гальки — прочно вошли в репертуар и русских исполнителей. Однако целиком на русской оперной сцене «Галька» появлялась сравнительно редко, да и самые постановки зачастую носили случайный характер.

Оперная студия Ленинградской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова решила возродить это незаслуженно забытое произведение.

Ставя «Гальку», студия стремилась не только раскрыть историю обманутой барином крестьянской девушки, но и создать выразительную картину общественных нравов, подневольной жизни крепостных крестьян в шляхетской Польше.

Не случайно отнес Монюшко действие своей оперы к концу XVIII века — времени, предшествовавшему крестьянскому восстанию под руководством Костюшко. Именно в этот период с особенной силой то тут, то там вспыхивали в Польше крестьянские волнения.

Монюшко и его либреттист Вольский, разрабатывая тему, взятую из реальной действительности, хотели закончить оперу сценой народного восстания. Однако, убедившись в том, что произведение с подобным финалом будет неминуемо запрещено цензурой, авторы были принуждены отказаться от своего замысла.

Сюжет оперы несложен. Это простой и волнующий рассказ о судьбе крепостной девушки Гальки, любящей пана Януша. Напрасно говорят ей односельчане, что Януш давно забыл ее, что скоро состоится его свадьба с дочерью Стольника. Галька не хочет верить: ведь она ждет ребенка от Януша. Вместе с крестьянином Йонтеком Галька отправляется в город на поиски Януша.

Встреча с ним открывает Гальке глаза. Измученная, полубезумная, Галька возвращается в деревню и кончает самоубийством.

Усиливая социальное значение конфликта, режиссер спектакля С. Д. Масловская внимательно пересмотрела старое либретто, стремясь возможно ближе подойти к первоначальному замыслу оперы.

В центре спектакля народ, представителями которого являются Йонтек и Галька,— народ, ярко выражающий свое отношение к происходящим событиям, горячо сочувствующий Гальке, возмущенный бесчестным поступком Януша.

Существенному пересмотру подверглись и образы главных действующих лиц оперы — Гальки и Януша. Сдержанно, скупыми актерскими красками рисует аспирантка Ленинградской государственной консерватории Л. Борисова трогательный и подкупающий в своей простоте образ девушки из народа. Не всепрощением и смирением (как это показано в искаженном царской цензурой варианте), а гневом оскорбленного и глубоко страдающего человека звучат речи Гальки в последнем действии оперы. С ясным сознанием справедливости своего поступка Галька поджигает церковь, где венчаются Софья и Януш.

Очень хорошо исполняет Л. Борисова и сцену из третьего акта и финальную — в четвертом действии.

Интересный образ пана Януша создает студент 5-го курса А. Большаков, с большой выразительностью показывающий всю низость и трусливость молодого шляхтича.

Менее удался А. Шаталову образ Йонтека. Наиболее убедительно звучат у него сцена с Волынщиком и следующая за нею думка Йонтека, исполненная с подлинным художественным вкусом и большой музыкальностью. В тех же сценах, где Йонтек выступает в качестве защитника Гальки, образ заметно бледнеет.

Тема Йонтека и Гальки — одна из основных тем оперы. Именно Йонтек поднимает кардинальнейший вопрос оперы — вопрос о взаимоотношениях барина и крепостной крестьянки. Гибель Гальки — для него последняя ступень на пути к открытому протесту.

При всей кажущейся простоте «Галька»—сложное произведение, требующее мастерского исполнения. Тем более радостна победа молодого дирижера, аспиранта Ленинградской консерватории А. Апкарянца, проникновенно и тонко прочитавшего партитуру Монюшки и ликвидировавшего те «традиционные» купюры, которые в течение многих лет уродовали замечательную оперу.

Спектакль «Галька» еще нуждается в серьезной доработке. Тем не менее он красноречиво говорит о правильности большого и трудного пути, пройденного студией за 25 лет ее существования.

Н. САВИНОВ

Создатель польской оперы

Польский народ по праву гордится именем Станислава Монюшки, своего крупнейшего после Шопена национального композитора.

Монюшко с детских лет полюбил польские народные предания — легенды и песни, — и эту любовь к родной поэзии и музыке он сохранил на всю жизнь.

Большая часть музыкально-общественной деятельности Монюшки связана с городом Вильнюсом (Вильно), где он занимал должность органиста. Здесь Монюшко организует хор, оркестр, устраивает концерты для широких кругов слушателей, популяризируя классическую музыку; выступает как аккомпаниатор и дирижер, дает частные уроки музыки. Одним из его виленских учеников был юный Цезарь Кюи — впоследствии известный русский композитор, соратник Балакирева и Мусоргского, Римского-Корсакова и Бородина.

Затем Монюшко переселяется в Варшаву. Продолжая свою большую творческую работу, композитор в то же время был профессором Варшавского музыкального института и главным дирижером Варшавского оперного театра.

Несколько раз приезжал композитор в Петербург и с неизменным успехом выступал в концертах из своих произведений. Он близко познакомился с Глинкой, Даргомыжским, Серовым. Данью глубокого уважения и любви Монюшки к русскому народу и культуре являются его романсы на слова русских поэтов — Козлова, Бенедиктова, Никитина.

Монюшко—один из лучших музыкальных истолкователей творчества величайшего польского поэта Адама Мицкевича. В ряде романсов, в вокально-симфонических сценах «Призраки» и особенно в «Крымских сонетах» для хора и оркестра композитор с тонкой художественной чуткостью и большой выразительной силой воплотил многогранную поэзию своего гениального соотечественника.

В творческом наследии замечательного польского композитора самое большое место занимают его оперы во главе с чудесной «Галькой». Впервые поставленная в Варшаве в 1858 году, она спустя двенадцать лет появилась на петербургской сцене. Прекрасными исполнителями роли Гальки были Платонова, Больска, Салина, роли Йонтека — Комиссаржевский и Собинов. Опера Монюшки «Заколдованный замок» несколько лет назад многократно исполнялась в Москве оперным ансамблем Всероссийского театрального общества.

Песенное начало музыки Монюшки, так роднившее его с Шопеном, со всей полнотой находит свое отражение в лучшем произведении композитора — его опере «Галька», подлинном шедевре польской оперной классики.

«Галька» в оперной студии Ленинградской консерватории. В роли Гальки — аспирантка Л. Борисова.

Фото Д. Трахтенберга



ДОМИК ЧУДЕС

Петр СМИРНОВ

На одной из тихих московских улиц, в углу небольшого двора, приютилось одноэтажное здание. Оказывается, это — киноателье, правда, не совсем обычное. Здесь вы не увидите ни загримированных актеров, ни декораций, ни кранов оператора.

В этом доме кинематография наиболее тесно связана с наукой. Здесь рождаются увлекательные фильмы, рассказывающие в общедоступной и научно-правдивой форме о самых сложных проблемах современной биологической науки. Яркие документальные съемки живой природы подтверждают теории русских ученых — Мичурина, Вильямса, Докучаева, Лысенко...

Вы заглядываете в первую комнату. Царящую в ней тишину нарушает лишь монотонный стук больших стенных часов, лишенных циферблата. Вокруг полураспустившихся белых цветов египетской лилии, стоящих в воде перед съемочным аппаратом, расставлены маленькие осветительные приборы.

Вдруг во всех прожекторах, направленных на цветы, одновременно вспыхнул яркий свет. Что-то прогудело, и снова воцарились тишина и мрак. Это идет замедленная цветная съемка распускающихся цветов.

В естественных условиях каждый цветок распускается несколько дней. Все это время киноаппарат снимает по одному кадру через каждые 10 минут. Съемка ведется автоматически. Регулируют заданное время электрические часы, дающие импульс специальному прибору — цейтраферу. Прибор включает и выключает свет и приводит в движение съемочную камеру без участия оператора.

Съемка с интервалами позволяет видеть расцвет лилии ускоренным в 14 тысяч раз, а весь эпизод пройдет на экране за несколько секунд. Этим же способом, но с разными интервалами, снимаются всходы растений, развитие малька из икринки и многие другие явления из разных областей науки, недоступные обычно для наблюдений.

Переходим в другую комнату. В ней совсем темно, и только яркий точечный свет направлен на маленькое круглое зеркало микроскопа, над которым на громадной станине висит съемочная кинокамера. Здесь уже действуют другие «актеры» фильмов — «микрогерои».

Глаз человека не может видеть жизнь микроорганизмов. Но если вы заглянете в лупу киносъемочной камеры, то перед вами раскроется новый, волшебный мир. Крохотные растеньица предстают огромными, раскидистыми деревьями дремучего подводного «леса». В его зарослях на каждом шагу таятся прожорливые хищники. Медленно проплывают прозрачные звезды, а за ними — какие-то вытянутые, словно торпеды, другие живые существа с хвостами. Вот в середину микрозарослей вплывает «героиня» этого фильма — инфузория Туфелька, названная так по сходству формы. В натуре эта «актриса» меньше булавочной головки. Она беспечно снует взад и вперед среди призрачных «могучих» стволов. Вдруг из-за дерева выглянуло страшное, мохнатое чудовище. Это хищник Дафния. Она ринулась вперед, и уже кто-то из незадачливой мелюзги бьется в ее косматых клещах.

Туфелька невредима и бросилась наутек, но тут же попадает в окружение вынырнувших из зарослей других врагов. Мирная «героиня» оказалась не совсем беззащитной. Она остановилась и молниеносно выбросила стрекательные нити. Враги в замешательстве. Один из более дерзких хищников парализован уколом нити. Туфелька спаслась. Отнеситесь к ней с уважением. Она быстро размножается, и через несколько дней одна только наша «героиня» туфелька даст десятки тысяч ей подобных. Они уничтожают мириады бактерий и сами служат прекрасным кормом для рыб.

Еще комната — и новые чудеса! Здесь уже, как в большом киноателье, горят искусственные солнца шипящих прожекторов, но актеры все же не настоящие. Потоки света направлены на ледяную глыбу, в которой заморожена лягушка. Голубоватая ледяная гора быстро тает. Наконец она раскололась и с шумом рассыпалась. Лягушка освободилась от льда, но сердце ее не бьется, мышцы окоченели и не чувствуют боли. Она не видит, не слышит. Но это живая лягушка.

Кадр за кадром фиксирует киносъемочная камера постепенное возвращение ее к жизни. Растаяли последние льдинки, и лягушка как бы пробудилась от долгого тяжелого сна. Пришли в движение и лежащие вокруг нее разные насекомые. Один из жучков забавно мотает головой и как бы приветливо вам кланяется. Другой потирает ножкой свою мордочку, словно промывает заспанные глаза.



Кадр из фильма «Мнимая смерть». Оттаявшая лягушка поднимается из водоема, где она провела зиму.

Раньше считали, что лягушки, ящерицы, змеи и насекомые умирают, а весной зарождаются вновь из тины и грязи. Тогда еще не знали об анабиозе — мнимой смерти. Чудо воскрешения совершилось потому, что лягушка хотя и окоченела, но не промерзла. Это явление впервые изучил русский ученый профессор Бахметьев. Советские ученые расширили и углубили его исследования. И, может быть, недалеко то время, когда наша наука полностью овладеет анабиозом и откроет перед человечеством еще невиданные перспективы.

В нашей стране популяризация науки и знаний является важнейшим государственным делом. Академик Комаров писал: «Книга, рисунок, живая речь, демонстрация опыта в отдельности не могут дать такого точного, понятного и увлекательного представления о предмете. Кинофильмы соединяют все это вместе... Научно-популярные фильмы — знаменательный пример сочетания искусства и науки. Для русской культуры такое сочетание — давнишняя традиция, идущая от Ломоносова». И можно смело сказать, что сегодня многие научные открытия доступны для съемки и всеобщего обозрения.

Небольшой коллектив, руководимый основоположником микросъемки в Советской России лауреатом Сталинской премии профессором В. Лебедевым, с неустанной энергией борется за высокое идейное и техническое качество создаваемых ими фильмов. Профессор В. Лебедев, возглавляя этот «домик чудес» — микробазу Московской киностудии научно-популярных фильмов при Институте морфологии животных Академии наук СССР,— воспитал преданных делу биологической науки режиссеров и операторов: лауреатов Сталинской премии А. Згуриди и Б. Долина, оператора А. Кудрявцева и других, уже внесших большой вклад в научное кино. Созданные ими картины «В глубинах моря», «Мнимая смерть», «Наши невидимые друзья» известны не только нашим зрителям, но и далеко за пределами нашей Родины.



Поэт и гражданин

Художник Борис Щербаков закончил к пушкинскому юбилею картину «Пушкин в Петербурге».

Поэт изображен на фоне ростральной колонны и далекой перспективы набережной с виднеющимся вдали шпилем Петропавловской крепости. Октябрьский день... Падает легкий снежок. Хлопьями оседает он на мачтах парусного корабля...

Пушкин объят вдохновеньем. И, может быть, в этот момент рождаются у него замечательные строки из «Медного всадника»:

«Красуйся, град Петров,
и стой
Неколебимо как Россия».

Новая картина Б. Щербакова свидетельствует о творческом росте художника.



Декоративная тарелка «З перемогою» работы мастера народного творчества Г. И. Павленко.

УКРАИНСКИЙ ФАРФОР

Фото Н. Козловского

Украинский фарфор!.. Сотни разных его образцов собраны на полках в небольшой светлой комнате — музее Киевского экспериментально-художественного завода керамики. Чайные и столовые сервизы, декоративные вазы, тарелки и блюда, разнообразные скульптурные фигурки... В первую минуту глаза невольно разбегаются от пестроты и яркости многокрасочных, колоритных рисунков и узоров из цветов и листьев.

Киевский экспериментально-художественный завод керамики — не обычное предприятие фарфорово-фаянсовой промышленности. Он готовит образцы и модели для массового производства изделий на всех фарфоровых заводах Украины. Поэтому посещение его дает возможность ознакомиться с украинским фарфором. Художники завода в своей работе над посудой широко используют народное творчество, самобытный украинский орнамент.

Превосходно, с хорошим художественным вкусом сделаны чайные сервизы, расписанные портретами Героев Социалистического Труда, видами столицы Украины — Киева, рисунками по мотивам сказки «Жар-птица» и гоголевской «Ночи под рождество».

Больших успехов в развитии украинского стиля отделки фарфора достигли работающие на заводе мастера народного творчества, члены Союза советских художников В. Ф. Клименко, Г. И. Павленко, Е. С. Родионов, Н. Ф. Велюра, художница Г. Б. Головина и другие.



Декоративная тарелка «Вышивальщицы» работы художника А. Д. Сорока.

Маргаритов и Расплюев

Рис. А. Костомолоцкого

Московский Художественный театр поставил «Позднюю любовь» А. Н. Островского, театр имени Моссовета — «Свадьбу Кречинского» А. В. Сухово-Кобылина. Эти спектакли вместе с «Ревизором» в Малом театре — крупнейшие постановки русской классики в театральном сезоне столицы.

В «Поздней любви», талантливо поставленной Н. Горчаковым, вновь блеснули высоким мастерством прославленные художественники Яншин, Степанова, Грибков, Андровская, Массальский, Дементьева. Это спектакль актерских удач. Режиссер сумел так поработать с исполнителями ролей, что на сцене нет ничего навязчиво театрального, а есть лишь подлинно художественное отражение жизни московского захолустья в последней трети прошлого века, такой, как она запечатлена великим русским драматургом.



В. Ванин — Расплюев.

В постановке «Свадьбы Кречинского» кое с чем можно не соглашаться, кое-что в ней спорно, но в целом спектакль разыгран Ваниным, Герагой, Виккландт, Касенкиной, Названовым интересно и увлекательно.

Рассказ об этих постановках мог бы быть длинен и обстоятелен — они, несомненно, этого заслуживают. Мы останавливаем внимание на самом выдающемся.

Среди прекрасных актерских работ, о которых мы упомянули, две имеют особое значение. М. Яншин своей игрой в роли Маргаритова вновь показал себя одним из лучших советских актеров. Первоклассное актерское создание — и Расплюев в исполнении В. Ванина. Вот о Маргаритове-Яншине и Расплюеве-Ванине и пойдет речь.

Маленький человек — Маргаритов, маленький, но честный. Честностью старается он обороняться против «сильных мира сего» — прожженных дельцов и продувных негодяев. Сознание собственной честности утешает его в трудные минуты. А таких минут хоть отбавляй. Они слагаются в часы, месяцы, годы — трудные годы. Не прошибешь честностью, даже самой что ни на есть кристальной, мир, в котором властвуют эксплоатация, узаконенный грабеж. Но невдомек это Маргаритову: маленький он человек. Только и осталось у него, что лелеемая им моральная опрятность да любимая дочь Людмила — милая, самоотверженная русская девушка. В них его утешение на склоне лет.

Не потому ли столь упорно проповедует старый адвокат Маргаритов честность, что пострадал он от воровства? Выкрал у него писарь документ на двадцать тысяч, и пришлось Маргаритову расплачиваться за это всем своим трудовым достоянием, что значило в те времена всей жизнью своей.

Мы встречаемся с Маргаритовым-Яншиным в час, когда его как будто посетила удача: вновь стали поручать ему дела богатые купцы.

Маргаритов сдержан в проявлении чувств — ни одного резкого движения, словно он боится расплескать охватившую его радость и выказать ее клиенту. Но физиономия его, сморщившаяся от долгих лет тяжелых испытаний, невольно расплывается в улыбку. Недолго Маргаритов остается на сцене, но его лучезарную, мягкую улыбку забыть уже нельзя.

Старику кажется, что он вновь твердо и на этот раз бесповоротно вступил на стезю делового успеха. Он искренне убежден, что даже в услужении у хозяев, чьи алчные аппетиты хорошо ему известны, что даже в сфере всех этих фальшивых заемных писем, злонамеренных тяжб, грабительских исков можно сохранить свое доброе имя, не запятнав его грязными махинациями.

Сквозь озабоченность внезапно нахлынувшими делами светит его улыбка и во втором акте. Наученный горьким опытом, Маргаритов ласково наказывает дочери быть осторожной в «этой голодной стороне». Хорошо изучил Маргаритов нравы своих работодателей, настойчиво предупреждает он Людмилу: «Когда ты увидишь, что сюда зайдет или заедет человек богатый, хорошо одетый, так знай, что он не за добрым делом зашел — он ищет продажной чести или совести». Но все же спокоен еще, доволен Маргаритов-Яншин, не налюбуется на свою дочь — запоздалую невесту. Были бы деньги — и ее судьба устроится, а без денег кто ж ее возьмет?..

Это мы читаем на лице Маргаритова-Яншина, в его позе, особенно, когда он останавливается перед дочерью, внимательно вглядываясь в ее начинающие блекнуть дорогие черты, даже в его плавной походке, в манере держаться скромно, но с достоинством.

Проникновенно играет Яншин в первых двух актах спектакля.

Однако до сих пор мы говорили только о «предистории» образа. Наиболее ярко он развертывается в последнем действии.

Добродушный, удовлетворенный своей усталостью после впервые полностью заполненного трудового дня возвращается Маргаритов домой. Он выспрашивает своего писаря Доримедонта о здоровье Людмилы. Незлобиво, с юмором корит его за рассеянность. Привычно садится за работу, не без гордости рассказывая, как смело вел себя с купцами: «Вы, говорю, народ обманываете». В благодушном настроении пересчитывает он вверенные ему документы, как вдруг обнаруживает, что одного из них — заемного письма купеческой вдовы Лебедкиной — нет. В Маргаритове сразу же вспыхивает беспокойство. Идут поиски, еще и еще раз ищет Маргаритов, ищет Доримедонт, и беспокойство сменяется тревогой, тревога перерастает в отчаяние. Остается только проблеск надежды: может быть, письмо у Людмилы?



М. Яншин — Маргаритов.

В страшном волнении посылает Маргаритов писаря в комнату дочери, а тот, приняв спящую Людмилу за убитую, возвещает старику об ее смерти. Отчаяние Маргаритова на миг достигает предела — на миг, потому что разбуженная Людмила выходит из своей комнаты. У Маргаритова отлегло от сердца, вид дочери умиротворяет его, и он уже деловым тоном спрашивает, отдал ли ей писарь письмо. Отдал. Маргаритов окончательно приходит в себя. Но Людмила сознается, что письмо у нее взял Николай Шаблов, опустившийся молодой адвокат, игрок и кутила. В довершение несчастья отец узнает, что дочь любит Николая — человека, которого он глубоко презирает. Теперь уже все рушится у старика: его честность, а с нею репутация, работа, мечты о покое и счастье дочери, ее преданность ему.

С потрясающей силой играет эту сцену Яншин. Веришь правде каждого его слова, каждого жеста во всех многочисленных сменах душевного состояния Маргаритова. Перед нами предстает трагедия честности в обществе, где самое слово «честность» — понятие отвлеченное, пригодное разве лишь для употребления низшими сословиями. Маргаритов переживает личную трагедию, но Яншин вкладывает в нее большой социальный смысл. Его игра достигает подлинного художественного обобщения. Так прочитать классическую роль может только современный, советский актер.

Финал комедии традиционно благополучен. Добродетель, хотя и не очень-то уверенно, но торжествует победу. И все же в памяти остается вдохновенно представленная Яншиным трагедия маленького, честного труженика, попавшего в тиски алчных, безжалостных стяжателей.

Маленький человек как будто — и Расплюев, но жулик он порядочный. Если Маргаритов — труженик, то Расплюев не умеет и не хочет работать, живет мошенничеством и подбиранием крох с чужого стола. Неудачливый шулер и прихвостень крупного афериста, он лишен даже намека на чувство собственного достоинства. Нет такого унижения, на которое не был бы он способен ради подачки. Не случайно в третьей части трилогии Сухово-Кобылина Расплюев усердно исправляет должность квартального надзирателя.

В прошлом некоторые исполнители роли Расплюева пытались частично «оправдать» его, изображая некую «трагедию маленького человека». Ванину чуждо это намерение. Он последовательно и убедительно показывает, что Расплюев — не маленький, а мелкий человечишко. Расплюев — яркий сатирический образ, который Ванин рисует остроумно, с неистощимой выдумкой. Это беспощадный, здоровый смех советского мастера сцены, который органически не может усмотреть какой бы то ни было «раздвоенности личности», трагизма или психологической сложности в поведении ничтожного тунеядца и труса. Расплюев не просто духовно опустошен: он примитивен, он потерял человеческое обличье и вполне достоин осмеяния.

Расплюев впервые выходит на сцену изрядно помятый после очередного провала в нечистой игре. Поведение Расплюева-Ванина сразу показывает, что к происшедшему он относится в общем, как к обычному делу. В жалобном тоне рассказа Расплюева о том, как его били, сквозит порой и какое-то горделивое удовлетворение от тяжести перенесенных побоев и восхищение небывалыми ударами некоего Семипядова.

Это сложнейшее и вместе с тем необычайно просто поданное сочетание интонаций, в которых и жалоба, и укор, и своеобразная гордость, что, мол, меня не просто били, а боксом, сложным способом, — мастерское достижение Ванина. Это уже образ: ясно, что за личность перед нами, раз она и стыда не знает.

Блестяще проводит артист сцену «заточения», когда камердинер Кречинского, Федор, по приказу хозяина не выпускает Расплюева из комнаты. Расплюев, считая себя соучастником воровства и опасаясь вторжения полиции, рвется наружу. На какие только ухищрения он не пускается, чтобы разжалобить своего неумолимого стража!

Расплюевщина ушла для нас в далекое прошлое, нет для нее почвы в нашей стране. Невозможны в наших условиях и страдания Маргаритова.

И когда выходишь из театра после спектакля «Поздняя любовь» или после «Свадьбы Кречинского», с особо радостным чувством ощущаешь свежее дыхание московского советского воздуха, счастье свободного творчества в социалистической Отчизне.

Вл. БОРИСОВ

Майка чемпиона



Бег ведет В. Казанцев...

...Несколько лет назад в осенний день молодой солдат Советской Армии Владимир Казанцев впервые в жизни вышел на старт массового кросса. В полной военной форме — в гимнастерке и сапогах,— не имея понятия ни о технике, ни о тактике бега, он пробежал 5 километров за 18 минут.

Казанцева поздравляли, знатоки хвалили его выдающиеся способности, советовали ему серьезно заняться бегом. Успех подтверждал эту оценку, и Казанцев поверил в свои силы.

Вместе со своим однополчанином и другом, страстным спортсменом Алексеем Тюленевым, стал он ходить на тренировки и полюбил легкую атлетику. У Казанцева обнаружились незаурядные данные для бега на длинные и средние дистанции. Результаты его быстро улучшались.

Молодой спортсмен был доволен. Уже дважды он с успехом защищал честь Родины за рубежом, выступая в составе команды советских спортсменов в кроссе «Юманите». Казалось, не было ничего, что могло бы помешать ему успешно двигаться вперед и приносить славу советскому спорту.

И вдруг начались неудачи...

Однажды, неожиданно для себя, в беге на пятикилометровой дистанции Казанцев почувствовал себя плохо и сошел с дорожки. Он счел это случайностью, затем стал замечать, что, затрачивая от соревнования к соревнованию все больше сил, показывает плохие результаты. Как-то пришлось Казанцеву снова бежать пять километров. Несколько кругов он прошел легко, затем почувствовал усталость. К середине дистанции ноги у него налились свинцом, пот заливал глаза, бежать становилось невозможно. Огромным усилием воли спортсмен заставил себя пройти еще несколько кругов и вновь сошел с дорожки.

Казанцев усилил тренировки, но результаты не улучшались. Настроение упало. Он ходил осунувшийся, хмурый, не отвечал на шутки товарищей и, наконец, начал пропускать занятия. В коллективе обеспокоились.

— Ты посоветуйся с кем-нибудь из старых мастеров. Сходи к Денисову,— убеждали товарищи.

Казанцев много слышал о заслуженном мастере спорта Николае Николаевиче Денисове, об его блестящей технике бега, но лично знаком с ним не был.

Денисов встретил молодого спортсмена очень приветливо. Казанцев сразу почувствовал доверие к этому высокому человеку с открытым лицом и серьезными, умными глазами. Он откровенно рассказал ему о всех своих сомнениях.

Денисов внимательно выслушал его, расспросил подробно о тренировках. Оказалось, что Николай Николаевич не раз видел Казанцева на беговой дорожке и был хорошего мнения о его способностях.

— За счет природных данных и силы бегали,— сказал он. — А сил оказалось не так уж много. Нужно изучать технику и тактику бега.

И Денисов рассказал, как тренировался он сам, как упорно работал, пока занял место в числе лучших бегунов мира.

Эта долгая, задушевная беседа помогла Владимиру Казанцеву понять многое. Он почувствовал желание работать по-новому, ощутил прилив свежих сил.

На прощанье, крепко пожимая Казанцеву руку, Николай Николаевич сказал:

— У вас все еще впереди. Работайте, тренируйтесь, а я вам с радостью помогу.

Зимой 1948 года Денисов организовал в «Динамо» группу бегунов на длинные и средние дистанции, в которую вошел и Владимир Казанцев.

Занимались в зале, уделяя главное внимание общей физической подготовке организма. В урок входила и гимнастика, и упражнения с медицинболами и гантелями, и работа со штангой. Вместе с тем каждый раз изучали технику бега.

Казанцев чувствовал, как мышцы наливаются силой, и становятся все более упругими и эластичными.

Наступила весна, и занятия из зала перенесли в парк, а потом и на беговую дорожку стадиона. Теперь в центре внимания стала работа над техникой бега.

Тут-то и увидел Казанцев, что у него еще много недостатков. Он бежал, тяжело ступая на всю ступню, резко наклонив корпус вперед, качая головой и напряженно работая руками. Тренер настойчиво требовал бега с носка, прогиба в пояснице, прямого и неподвижного положения головы, четкой работы рук.

Казанцев старался точно выполнять все требования учителя. Это было нелегким делом. Все-таки он был далеко не новичком на беговой дорожке, недостатки в стиле его бега прочно вошли в привычку и изживались туго. Недаром говорят, что предупредить болезнь легче, чем ее лечить. Но Казанцев был настойчив и упорно «лечился».

Постепенно стиль бега Казанцев совершенно изменился. Он бежал легко и свободно, ритмично работая руками, правильно неся корпус. Скорость увеличилась.

А тренер все повышал требования, ставил все более сложные задачи.

Пришел день, когда Денисов сказал своему ученику:

— С основными недостатками ты справился. Теперь можно подумать и о рекорде на 5 километров.

Тогда начался период «жестких» тренировок. К ежедневным утренним тренировкам прибавились — четыре раза в неделю — вечерние.

В сентябре прошлого года на харьковском стадионе «Динамо» в соревнованиях на первенство Советского Союза по легкой атлетике Казанцев встретился с сильнейшими бегунами на длинные дистанции. Бок о бок с ним у стартовой черты стоял самый опасный из его соперников — Никифор Попов, которому все единодушно прочили победу, а немного дальше — прославленный марафонец Феодосий Ванин и чемпион профсоюзов Иван Пожидаев. Каждый из них был отлично подготовлен и так же, как Казанцев, стремился выиграть первенство.

В захватывающе острой спортивной борьбе, когда до последнего круга нельзя было предвидеть, кто же будет первым, Владимир Казанцев вышел победителем и надел алую майку чемпиона страны с дорогим сердцу каждого советского человека гербом Советского Союза.

Правда, он «не дотянул» 2,4 секунды до прежнего рекорда. Но ведь это был только первый результат большой настоящей работы!

* * *

...Я нашел Владимира Казанцева в раздевалке. Сидя на скамейке, он вытирал разгоряченное лицо полотенцем.

В ответ на мое поздравление он крепко пожал мне руку и сказал:

— А ведь думал совсем бросить... — и покачал головой.

— А теперь? — спросил я.

Он широко улыбнулся:

— Теперь планы другие. Думаю в будущем сезоне сбросить со старого рекорда не один десяток секунд.

И нет сомнений, что он сделает это.



Заслуженный мастер спорта Н. Денисов проводит беседу перед соревнованиями со своими воспитанниками. Слева направо: Н. Денисов, Л. Артюхов, А. Тюленев и В. Казанцев.

Фото Н. Волкова

Заслуженный мастер спорта
Л. ЛИБКИНД

Секунды Марии Гавриш

На стартовых тумбочках московского бассейна застыли четыре пловчихи. На первых трех стояли рекордсменки и чемпионки страны — Полыгалова, Кокорина, Петерсон, а на четвертой — спортсменка из Винницы Мария Гавриш. Многие из зрителей ее не знали. Но как только был дан старт, точно по команде, сотни голосов загудели:

— Смелее, Мария! Вперед!

Кричали все: и те, кто знали ее, и те, кто несколько минут назад впервые услышали ее имя. Всех захватил красивый, уверенный и стремительный ритм молодой пловчихи, оставившей далеко позади своих сильнейших соперниц.

— Винницкая спортсменка Гавриш победила в заплыве на сто метров стилем «брасс»... — объявил диктор.

А в это время Марию горячо поздравляла с победой Полыгалова, которая значительно отстала от девушки из Винницы.

Такую же победу одержала Гавриш в заплыве на 200 метров. Это было в феврале нынешнего года, а немного позднее, накануне открытия XI съезда комсомола, Мария прошла стометровку стилем «брасс» с прекрасным результатом и первая в стране выполнила новые нормы для мастера спорта.

* * *

...Плавать Мария начала с семи лет. Через год она уже легко переплывала Южный Буг.

Однажды во время розыгрыша первенства Винницы к судье смело подошла высокая худенькая девочка.

— Разрешите мне проплыть? — сказала она.

Судья смерил ее вопросительным взглядом:

— Не утонешь?

— Вам не придется меня спасать,— сердито ответила девочка. Вопрос судьи ей показался оскорбительным: как же она в пятнадцать лет может не уметь плавать!

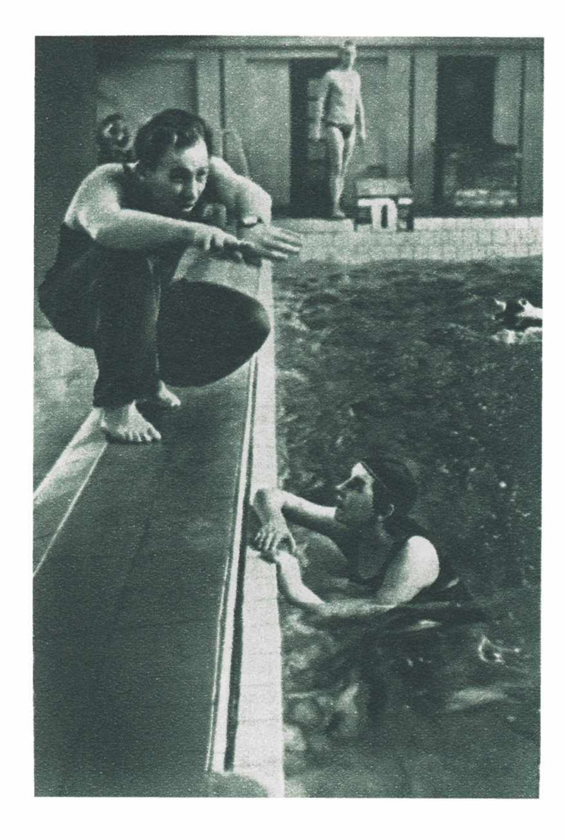
— На язык-то ты остра,— сказал судья, пряча улыбку.— Посмотрим, как на деле.

Предстоял последний заплыв. С первых же метров девочка далеко вырвалась вперед, и уже никто ее не мог догнать. В тот день Винница узнала о новой чемпионке — Марии Гавриш.

Первые результаты не радовали. Кроме того Мария плыла каким-то, ей одной известным стилем, в котором можно было узнать много различных стилей. Ей нужен был учитель. Спортсмены-комсомольцы стали приглашать Марию на тренировки. Вскоре с ней начал заниматься один из лучших тренеров города, Михаил Володарь. И с тех пор каждый день на тренировках Мария отвоевывала секунду за секундой...

* * *

Вскоре девочку из Винницы увидели на республиканских соревнованиях школьников в Днепропетровске. После первых же заплывов на нее обратили внимание: Гавриш почти на всех дистанциях оказывалась первой. Выйдя после заплыва из воды, Мария не уходила из бассейна. Она внимательно изучала каждое движение пловцов.



Мария Гавриш со своим тренером А. С. Трофимовым.
Фото И. Хижняка

— Марийка, почему ты все время сидишь в бассейне? — говорили ей подруги.— Идем погуляем. Ты ведь и так лучше всех плаваешь!

— Нет, девочки,— отвечала Мария,— я еще плохо плаваю.

На каждой тренировке Мария Гавриш училась. Особенно запомнились Марии всесоюзные соревнования школьников в Баку. Здесь же происходили и состязания мастеров. Девочка впервые увидела прославленных пловцов — Мешкова, Петерсон... Она не сводила с них глаз. Свой большой блокнот Мария заполнила зарисовками различных движений, которые она видела у мастеров. В Баку винничанка завоевала первенство на дистанциях в 100 и 200 метров.

Скоро Мария Гавриш устанавливает несколько рекордов Украины, занимает четыре первых места на всесоюзных соревнованиях для юношей.

Вместе со школьными учебниками и конспектами в столе у Марии лежат 32 грамоты, полученные ею за последние два года. Почетная грамота ЦК ВЛКСМ и диплом 1-й степени напоминают о выступлениях юной винничанки в бассейнах Праги во время Международного фестиваля молодежи. Тысячи юношей и девушек всего мира смотрели на стройную молодую спортсменку из Винницы.

Несколько дипломов и грамот привезла Мария в прошлом году с юбилейной спартакиады «Динамо».

* * *

Осенью прошлого года Гавриш готовилась к встрече с лучшими пловчихами страны. На «курсовках» (так пловцы называют предварительные состязания) Мария неизменно оказывалась первой. Но в первенстве Союза ей не удалось участвовать. Накануне соревнований она тяжело заболела и пролежала пять месяцев. Когда после болезни Гавриш пришла в бассейн, ее не узнавали: она показывала на стометровке время на 15 секунд хуже, чем до болезни. 15 секунд! Как это много для пловца на дистанции в 100 метров! Казалось, отставания уже не преодолеть. Может быть, отказаться от напрасной борьбы за секунды?.. Но Мария устыдилась этой мысли. Как же комсомолка, советская спортсменка может остановиться перед трудностями? Она упорно принялась за тренировки, отдавая спорту все свободное от занятий в школе время. Мария стала чаще приезжать в Киев к своему новому тренеру, Александру Сергеевичу Трофимову. И вот в феврале нынешнего года настал день, когда она померялась силами с лучшими спортсменами страны и выиграла у них встречу...

* * *

Теперь Марию Гавриш можно видеть каждый вечер в бассейне. Она готовится к штурму всесоюзных рекордов и с большой тщательностью отрабатывает каждое движение рук и ног, десятки раз повторяет старт, повороты.

— Еще полсекунды отвоевали сегодня! — торжествующе говорит тренер.

В этих очередных полусекундах заложен и его упорный труд. Он отдает ученице весь свой опыт, знания. Каждый вечер, придя домой после тренировки, Александр Сергеевич часами сидит над схемами, рисунками, сопоставляет цифры, находя все новые и новые возможности у своей ученицы.

М. СТЕПИЧЕВ

Киев.

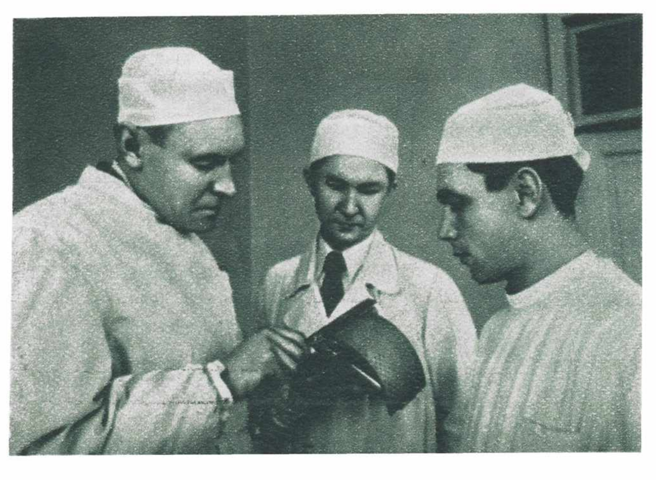
Люди советского спорта

Хирург Колокольцев

Фото Н. Капелюша

В воскресное утро кандидат медицинских наук Михаил Вениаминович Колокольцев собрался на тренировку. День выдался хороший, тянуло на реку, на яхту.

Раздался телефонный звонок. Михаила Вениаминовича вызвали в Институт восстановительной хирургии для неотложной операции. Прошло немногим больше часа.



Хирург М. В. Колокольцев (слева) знакомит младших научных сотрудников института Б. Петерсона и Д. Белокрынкина с новым хирургическим прибором.

Операция завершилась удачно, и Колокольцев поспешил на реку. Укрощенная опытной рукой спортсмена, яхта, то накреняясь на бок, то выпрямляясь, мчалась по Оке.

Хирургу и спортсмену Колокольцеву 45 лет, из них больше половины он отдал лыжам, легкой атлетике, парусу. В двадцатых годах его можно было встретить в списке десяти лучших бегунов страны на средние дистанции.

К спорту Колокольцев пристрастился еще в юности. Восемнадцати лет он впервые принял участие в больших лыжных соревнованиях в Москве. Новичку пришлось встретиться с известными лыжниками столицы. Все же горьковчанин сумел не осрамиться: он вернулся в Горький с победой.

Однажды летом Колокольцев по совету тренера А. П. Брылина попробовал свои силы в беге. Брылин не ошибся в своем ученике. Колокольцев много тренировался и спустя 3—4 года добился высоких результатов. 800 метров он пробегал за 2 минуты 2 секунды, 1500 метров за 4 минуты 12 секунд. Он входил в состав команды динамовцев, приезжавшей в Москву. Вместе со столичными легкоатлетами он мчался с эстафетой по бульварному кольцу.

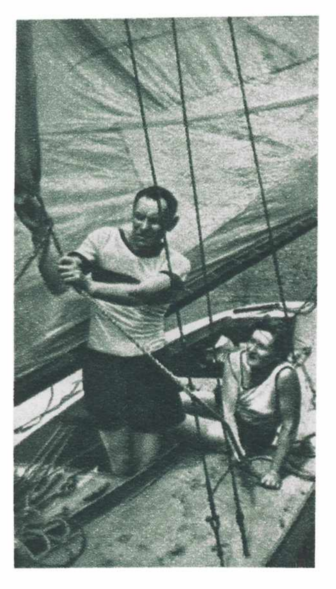
Позже Колокольцев увлекся парусным спортом. На регатах горьковчане неизменно первенствовали. В Казани, на поволжской спартакиаде зрители и спортсмены были поражены быстроходностью судов горьковчан. В конструировании этих новых яхт горячее участие принимал Колокольцев.

И теперь он — известный в городе хирург — находит время для того, чтобы летом плавать на яхте, а зимой бегать на лыжах. Он давно уже получил звание заслуженного мастера спорта.

В жизни Колокольцева был такой случай. В 1938 году он на самолете вылетел в отдаленный Курмышский район для срочной операции. Успешно сделав ее, Колокольцев собрался в обратный путь. Но в это время из деревни, расположенной в 20 километрах от районного центра, сообщили, что другой больной нуждается в экстренной хирургической помощи. Колокольцев тотчас же выехал на лошади в деревню. Стемнело. В открытом поле началась пурга. Возница сбился с пути. Уставшая лошадь стала. Тогда Колокольцев решил идти пешком. Он проваливался в глубокий снег, ветер бил в лицо. Но хирург продолжал путь. К утру он добрался до деревни и произвел операцию. Человек, которому он спас жизнь, до сих пор переписывается с ним.

— Если бы не спортивная закалка, — говорит Михаил Вениаминович, — не дойти бы мне в ту вьюжную ночь до цели.

Любовь к спорту Колокольцев привил и своим товарищам по работе. Хирург Дмитрий Белокрынкин — хороший лыжник и яхтсмен, хирург Ольга Тычина — отличная лыжница.



М. В. Колокольцев и его жена Вера Васильевна снаряжают яхту.

Нынешнее спортивное лето Михаил Вениаминович Колокольцев встретил снова на Оке, на яхте.

Еф. РУБИН

Город Горький.





РОКОВАЯ ПОЕЗДКА

Василий **АРДАМАТСКИЙ**

Рисунки И. Семенова

В начале лета бывает так: ночью на землю обрушивается буйный ливень, перед рассветом он стихает, и уже кажется, что новый день встанет солнечный и умытый, ан нет — туча, словно на прикол, встала над городом и сыпет, сыпет на землю унылый, совсем осенний дождь. И нет ему конца. Все подернуто серой вуалью, краски лета блекнут. Настроение оставляет желать лучшего. Опытные ходоки по жилищным делам знали, например, что в такой день обращаться к начальнику жилищного управления Сипягину, по меньшей мере, безрассудно.

И действительно, Сипягин в это утро был мрачнее тучи, повисшей над городом. Ни за что ни про что он наорал на секретаршу, и та забилась в свою траншею за пишмашинкой в два разворота, размышляя о горькой своей судьбе и неперепечатанной сметной ведомости на будущий квартал. А Сипягин сидел в тишине своего кабинета, прислушивался к однообразному шелесту дождя за окном, и раздражение закипало в нем, грозя с минуты на минуту выплеснуться через край, как молочная пена. И вдруг — телефонный звонок. Сипягин сорвал трубку и буркнул в нее междометие, которое могло означать что угодно, кроме «слушаю». Но в следующее мгновение лицо Сипягина вытянулось, и он почтительно сказал:

— У аппарата Сипягин...

Еще бы! Звонил не какой-нибудь там ходатай о ремонте комнаты в десять квадратных метров: звонил заместитель председателя горсовета, а опытный в служебных передрягах Сипягин знал, что этот человек зря не позвонит и что шутить с ним не рекомендуется. Сипягин попробовал было пролепетать что-то о дожде, который... но фраза повисла на слове «который», и дождь остался без определения. Зато весьма ясно определилась причина, заставившая городское начальство звонить Сипягину.



— Мы получили жалобу от гражданина Голубева, — услышал Сипягин и весь съежился: этот гражданин и без того стоял у него поперек горла. — Вы полгода тянете с ремонтом его комнаты...

Сипягин хотел что-то сказать, но начальство без паузы заявило:

— Даю вам два часа на принятие исчерпывающих мер, ровно в двенадцать позвоните мне и доложите, что сделано.

— Мы...— трагически буркнул Сипягин, желая что-то разъяснить начальству, но услышал:

— Я не хочу слушать никаких объяснений, мне все ясно И вообще, товарищ Сипягин, ваше управление работает из рук вон плохо и боюсь, что это может для вас кончиться печально.

И все... В телефонной трубке уже попискивали короткие гудки. Раздражение вырвалось из сипягинской оболочки громовым криком:

— Маруся! Ко мне!

Словно в клетку льва, вошла секретарша в кабинет.

— Позвать ко мне инженера!

Инженер со смешной фамилией Напевалов проследовал к Сипягину. О чем они там говорили, неизвестно. До секретарши долетел только один обрывок сипягинской фразы:

— ...его надо отвадить жалобы писать!..

И вот начальник управления и инженер вышли на улицу. Сгоряча они не заметили дождя, но он немедленно загнал их обратно в подъезд.

— Еще мокни из-за него...— Сипягин от злости заговорил шопотом, затем, выскочив из подъезда, остановил проезжавшее мимо свободное такси.

Покачиваясь на пружинных сиденьях, они продолжали изливать свое негодование.

— Неутомимый этот Голубев: пишет уже седьмую жалобу, где только силу берет? — с сарказмом сказал Сипягин.

— Все они сквалыги, — отозвался инженер.

— То ли дело было в прошлом году — смета на ремонт была маленькая. Помнишь историю со вдовой? Четырнадцать раз, окаянная, жаловалась. Нас запросят, а мы: «Не предусмотрено сметными ассигнованиями»,— и точка. Комар носа не подточит. А теперь смета большая, деньги не успеваем расходовать.

— И за этот недорасход, — вставил Напевалов, — опять же бьют нашего брата. И так плохо и так нехорошо. Разве можно нормально работать в таких условиях?

— Надо придумать, что нам с этим Голубевым делать. Как его проучить, чтобы он не строчил свои кляузы.

— Что там у него? — деловито осведомился инженер.

— Что-что? Течет крыша, заливает комнату и... все.

— Понятно... — Напевалов подумал и весело сказал: — Мы этого Голубева заактуем!

— Долго думал? — иронически спросил Сипягин. — Значит, составим акт и приступим к ремонту?

— Весь вопрос—когда приступим? В актик мы запишем, что требуется капитальная перестройка, а смету на такой ремонт надо проводить особым порядком. Вот мы ее и будем проводить до тех пор, пока у нашего жалобщика не отпадет охота кляузничать. А потом...

- И жалобщику нашему деваться некуда, — подхватил Напевалов. — Какой дурак пойдет против того, что лучше?

— Недельку мы убьем на составление сметы. Потом пошлем ее на утверждение. Нам ее, конечно, подрежут, на подрезку клади неделю. Потом мы ее неделю будем переделывать, потом...

— А наш многоуважаемый товарищ Голубев будет ходить за этой сметой, как тень. А главное, Сипягин, мы у него теперь хорошие люди.

— Скажу прямо, Напевалов, ты молодчина! Сестренка моя знала, за кого замуж выходить! И я не зря перетянул тебя в свое управление.

Они замолчали, довольные друг другом и ловко сделанным маневром.

Через четыре дня Сипягин и Напевалов были вызваны в горсовет. В секретариате, куда они явились, им сказали, что с ними хочет побеседовать депутат горсовета Морозов и что он ждет их в четвертой комнате.



Инженера прервал шофер:

— Вы говорили, дом шестнадцать? Так приехали... Вас подождать?

— Нет. Мы здесь с часик пробудем...

Жилищные деятели расплатились за проезд и проследовали в дом.

Когда примерно через час они вышли из дому, дождь еще шел, а знакомое такси стояло у подъезда, шофер возился в моторе.

— Смотри, Напевалов, наше такси! Водитель! Что с твоим тарантасом? Ехать можешь?

— Можно, — ответил шофер, закрывая капот мотора.

И снова Сипягин с инженером покачивались на пружинных сиденьях и вели разговор.

— До чего ж все красиво получилось, — рассмеялся Сипягин. — Он нам говорит, надо заплатку на крыше сделать, а мы ему — как это заплатку? Это же не ремонт, а фикция! Делать, так солидно! Мы вам сменим потолочное перекрытие, и балки заменим, покроем новым железом...

Депутат оказался совсем еще молодым человеком. Он приветливо встретил вошедших, пригласил сесть в кресла, а сам занял место за столом.

— Скажите, — обратился он к Сипягину, — вы давно начальствуете в райжилуправлении?

— Скоро год, как тяну эту лямку, — весело ответил Сипягин.

— А как вы попали на эту должность?

— То есть как это попал? — обиженно переспросил Сипягин, хотя отлично понимал смысл вопроса и знал, что отвечать на этот вопрос ему невыгодно.

— Ну, если так не понимаете, скажите: где вы работали до этого?

— В системе промкооперации.

— Вы, кажется, занимались там артелями?

— Совершенно верно, — подтвердил Сипягин, но насторожился еще больше.

— Почему ушли оттуда?

— Склока, товарищ депутат. Обыкновенная склока. Не переношу этого дела.

Первый трофей

Как известно, за охотниками и рыболовами издавна водится плохая слава, будто они в своих рыболовных или охотничьих рассказах непрочь не только прихвастнуть, но порой и приврать.

И мне хочется рассказать о таком случае, которому, возможно, и трудно поверить, но который действительно произошел.

Это было несколько лет тому назад. Я тогда очень увлекался охотой на зеркального карпа. Мне хотелось поймать экземпляр не менее как фунтов на двадцать пять.

Карпы упомянутых размеров водились во многих наших водоемах.

Нередко я целыми сутками просиживал на берегу пруда и терпеливо ждал поклевки. Не могу пожаловаться, что у меня ее не было. Она была, но вытащить карпа мне так и не удавалось. На мое «несчастье» они попадались такие большие и сильные, что с ними никак нельзя было совладать. То они перерезали своим спинным пером мои новые и самые толстые шелковые спиннинговые лески, то ломали специальные крючки двойной прочности. Чаще же всего карпы уходили, оборвав себе губу.

Как же я завидовал, когда собратья по этому виду лова на моих же глазах нет-нет, да и вытаскивали на берег таких красавцев, что у меня замирало сердце!

Так вот, в один из жарких июньских дней (лучшее время для ловли карпа) я сидел на берегу маленького прудика в Текстильщиках, что под Москвой, и глаз не сводил со своих трех удочек с катушками, оборудованных по всем правилам для ловли карпа. Две из них были наживлены специально сваренной пшенной кашей, а одна — недоваренной картошкой, которую карп временами предпочитает всем другим видам насадки.

Кроме меня на берегу находилось еще два таких же страстных охотника. Во второй половине дня ко мне осторожно подошел мальчик лет одиннадцати и, присев на корточки, не сводил шустрых глазенок с моих удочек. Он просидел около часа, потом так бесшумно исчез, что я и не заметил.

Когда тень на воде стала увеличиваться все заметнее и заметнее, мальчик снова появился на берегу.

На цыпочках подойдя ко мне, он еле слышно прошептал:

— Дяденька, дай кусочек кашки! — при этом он показал мне толстую бечевку с грубыми узлами, к которой вместо крючка был привязан согнутый заржавленный гвоздь.

Вспомнив свое детство и первые рыболовные шаги, я не мог ему отказать в его просьбе, хотя заранее предполагал, что из затеи мальчика ничего не получится. Но, прежде чем надеть насадку, я отрезал гвоздь и привязал к бечевке настоящий, добротный крючок вороненой стали. Мальчик задрожал от радости. Мне очень хотелось видеть, что будет дальше.

А мальчик быстро взобрался на склоненную над водой иву и, намотав один конец бечевки на палец, другой — с крючком и кашей — опустил в воду.

Прошло немало времени. Солнце уже приблизилось к горизонту. О мальчике, по правде сказать, я уже забыл. И вдруг раздался сильный всплеск. Я повернул голову к дереву. Мальчика на нем не оказалось, а на поверхности воды расходились большие круги.

Я вскочил на ноги. И в этот момент из воды вынырнула голова нашего юного рыболова.

— Дядя!.. Дядя!.. — кричал он надрывно, сильно работая одной рукой.

Вслед за мной мчались и другие рыболовы. Один из них предусмотрительно захватил с собой подсачок. Он раньше всех подбежал к дереву и протянул подсачок пострадавшему рыболову. Мальчик вцепился левой рукой в обруч и с помощью рыболова скоро достал дно ногами.

И тут только мы заметили бечевку, намотанную на указательный палец его правой руки. Бечевка ходила то в одну, то в другую сторону, но мальчик ее не выпускал.

Через несколько секунд на берегу лежал красавец карп весом не менее пятнадцати фунтов.

Однако мальчик не дал нам возможности полюбоваться своим превосходным трофеем. Он схватил карпа, прижал его, как ребенка, к груди и пустился бежать домой.

С нескрываемой завистью смотрели мы вслед ему.

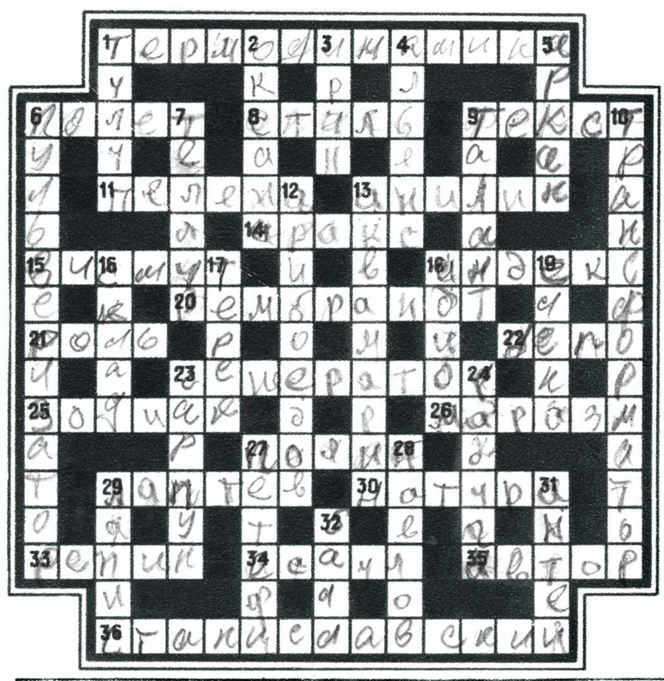
— Заядлый рыболов будет, — проговорил тот, который держал подсачок.

...Каково было видеть это мне — старому, страстному рыболову, вооруженному современной рыболовной техникой!

С. Минаев.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Э. Киселев (Башкирская АССР)



По горизонтали:

1. Отдел физики. 6. Движение летящего предмета. 8. Соединение железа с углеродом. 9. Написанные или сказанные кем-нибудь слова. 11. Навигационный термин. 13. Вещество, употребляемое при изготовлении красок. 14. Приток Куры. 15. Легкоплавкий металл. 18. Указатель. 20. Голландский художник. 21. Персонаж пьесы, изображаемый актером. 22. Здание для ремонта паровозов. 23. Машина, производящая электрический ток. 25. Двенадцать созвездий вдоль эклиптики. 26. Увядание организма. 27. Кишечнополостное. 29. Русский исследователь. 30. Природа. 33. Русский художник. 34. Чин в дореволюционных казачьих войсках. 35. Создатель произведения. 36. Один из основателей Московского Художественного театра.

По вертикали:

1. Меховая шуба. 2. Персонаж повести Гоголя. 3. Государство в Азии. 4. Союз государств. 5. Веревка с петлей. 6. Прибор для распыления жидкости. 7. Химический элемент. 9 Выдающееся дарование. 10. Электрический прибор. 12. Русский писатель. 13. Разновидность берилла. 16. Помещение для хранения товаров. 17. Река на Кавказе. 18. Местное наречие. 19. Женское имя. 23. Орудие для охоты на морских животных. 24. Явление природы. 27. Венгерский поэт. 28. Русский ученый. 29. Соль азотнокислого серебра. 31. Герой древнегреческой мифологии. 32. Отметка об успехах учащихся.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ в № 24

По горизонтали:

2. Балласт. 6. Глиссер. 8. Ива. 10. Айсберг. 13. Купорос. 14. Канонада. 15. Сомнение. 16. Слобода. 17. Ананас. 18. Гитара. 19. Торпеда. 20. Дратва. 25. Палата. 28. Умбра. 30. Резонанс. 31. Тропинка. 33. Кузов. 34. Рукав. 35. Молекула. 36. Крокодил. 37. Ванна. 40. Нокаут. 43. Аравия. 47. Патефон. 49. Лирика. 50. Кредит. 51. Мустафа. 53. Папироса. 54. Реликвии. 55. Старина. 57. Анекдот. 58. Тон. 59. Равнина. 60. Ренегат.

По вертикали:

1. Олово. 2. Баркас. 3. Трасса. 4. Николаев. 5. Серенада. 6. Граната. 7. Стакан. 8. Ипподром. 9. Ареометр. 11. Симеиз. 12. Гримаса. 20. Демулен. 21. Тревога. 22. Абонент. 23. Улан-Удэ. 24. Оборона. 25. Природа. 26. Лакрица. 27. Албания. 28. Устав. 29. Атака. 30. Ром. 32. Аул. 38. Аттестат. 39. Нафталин. 41. Колбаса. 42. Украинец. 44. Редакция. 45. Витрина. 46. Аккорд. 48. Пролив. 51. Мастер. 52. Арарат. 56. Роден.

ОТВЕТ

на очерк-задачу «Лес» № 20

1. По коре движутся нисходящие соки.

2. Деревья дышат, т. е. поглощают кислород и выдыхают углекислый газ круглые сутки. Углекислый же газ для питания они поглощают только при свете; при поглощении его они выделяют кислород. Количество кислорода, выделяемого за день деревьями, во много раз больше поглощаемого ими кислорода за сутки.

3. Годичные кольца, обращенные к югу, толще, а к северу тоньше. Вследствие этого центр колец смещен от центра дерева к северу.

4. Годичные кольца имеются не у всех деревьев. Их нет у саксаула и у многих тропических деревьев.

5. Предельный возраст березы — 150 лет.

6. Поросль растет от пней или от их корней только у лиственных пород.

РОКОВАЯ ПОЕЗДКА

(Продолжение. Начало см. стр. 31.)

— А, понимаю... А откуда у вас нелюбовь к людям, которых вы обязаны обслуживать?

— Почему нелюбовь, товарищ депутат? Это неверно.

— Ну, как же неверно? А ваше отношение к гражданину Голубеву? Что же вы, по любви мытарите его с ремонтом комнаты?

— Вы, видимо, не осведомлены, товарищ депутат. Я еще четыре дня назад доложил заместителю председателя горсовета, что я лично...

— Я все знаю, — прервал его депутат. — Знаю, что в понедельник вы с инженером ездили к Голубеву составлять акт о ремонте. И еще по дороге вы призвали Напевалова, чтобы он придумал, как бы получше отвадить этого гражданина писать жалобы.

«Негодяй Напевалов накапал», — решил Сипягин и с блеском ярости в глазах посмотрел на инженера. Тот сидел, словно окаменев.

— И тогда Напевалов придумал, — продолжал депутат, — подлую идейку, — строптивого жалобщика заактировать раздутой сметой. Не так ли?

— Так, — с испугом подтвердил инженер, и Сипягин окончательно решил, что он предан его подчиненным.

— А потом вы, Сипягин, радовались, как все хорошо и красиво у вас получилось, и подсчитывали, сколько недель пойдет на хождение сметы. А за сметой, по мысли Напевалова, как тень, будет ходить гражданин Голубев. Разве не было такого разговора?

Сипягин, будучи опытнейшим склочником, быстро оценил обстановку, вызванную предательством инженера, и решил бороться всеми известными ему приемами.

— Товарищ депутат, — сказал он решительно, — все, что вы говорите, бездоказательно. Человек, написавший клевету, не может считаться свидетелем!

— Возможно, — согласился депутат, — я не знаток юридических дел. Ну, а если есть третий человек?

— Кто? — Сипягин в возбуждении встал.

— Я, — отрывисто и зло бросил депутат.

— Как это — вы? — прохрипел Сипягин.

— Да, я, депутат горсовета и шофер того такси, на котором вы ездили к инвалиду. Я могу быть свидетелем?

— Тогда другое дело, — в ужасе пробормотал Сипягин и сел.

Он понял, что игра проиграна, и теперь лихорадочно искал выхода из западни. Но выхода не было...

Депутат встал:

— На этом мы беседу закончим. Я вызвал вас только для того, чтобы убедиться, что возил тогда именно вас. Вы свободны.

— Мы... сегодня же... мы... я лично... мы... — торопливо запинаясь, забулькал Сипягин. — Я брошу в квартиру гражданина Голубева все ремонтные силы района...

— Не надо, — категорически сказал депутат. — Это сделают без вас. Вы и вы, Напевалов, должны сделать одно — приготовить к сдаче свои дела. В горсовете о вашей деятельности материалов больше чем достаточно.

Сипягин и Напевалов молча шли по шумной улице. Когда они проходили мимо стоянки, один из шоферов крикнул им:

— Не нужно ли подвезти?

Сипягин глянул на шофера с таким выражением, будто то был не шофер, а воплощение смертельного ужаса, и чуть не рысью рванулся в толпу пешеходов.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А — 05259 Подписано к печати 15/VI—49 г. Изд. № 382. 5½ печ. л. Тираж 350.000. Заказ 1462. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

КАЖДЫЙ РУБЛЬ, ОТДАННЫЙ ВЗАЙМЫ ГОСУДАРСТВУ,



ОБЛИГАЦИИ ПРОДАЮТСЯ и ПОКУПАЮТСЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ



Цена 3 руб.